**Совет ветеранов Военно-топографического управления
Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации**

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

Военные топографы
о Великой Отечественной войне
1941—1945 гг.

**Москва
2015**

Автор-составитель и ответственный редактор
сборника доктор географических наук,
доктор технических наук, профессор
В.В. Глушков

На безымянной высоте: военные топографы о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / Автор-составитель В.В. Глушков. 2-е изд. доп. и испр. М.: Совет ветеранов Военно-топографического управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, 2015. 340 с., илл.

В сборнике представлены статьи, написанные в разное время участниками Великой Отечественной войны, а также военными топографами (геодезистами, фотограмметристами и картографами) – представителями послевоенных поколений. Сборник предназначен для курсантов факультета “Топогеодезического обеспечения и картографии” Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, личного состава и ветеранов Топографической службы Вооруженных Сил Российской Федерации, а также для широкого круга читателей, интересующихся отечественной военной историей.

© В.В. Глушков, 2015
© Совет ветеранов ВТУ ГШ, 2015

70-летию
Великой Победы
советского народа над
фашистской Германией
и памяти воинов-топографов
ПОСВЯЩАЕТСЯ

1941 1945

Предисловие

Годы все дальше и дальше отдаляют нас от 9 мая 1945 года — Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Кажется, что совсем недавно широко отмечался 50-летний и 60-летний юбилеи разгрома фашистской Германии, но вот мы уже в преддверии 70-летия Дня Победы. В ознаменование этого важного события в жизни нашего государства полковником в отставке В.В. Глушковым — ветераном Топографической службы (ТС), ученым и публицистом — при тесном взаимодействии с председателем Региональной общественной организации “Совет ветеранов Военно-топографического управления Генерального штаба (ВТУ ГШ)” полковником в отставке В.Н. Седовым подготовлено второе дополненное издание сборника статей о той войне, написанных в разные годы военными топографами (геодезистами, фотограмметристами и картографами), об их весомом вкладе в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Авторами отобранных для опубликования статей стали как широко известные начальники ВТУ ГШ и его отделов, начальники топографических отделов штабов фронтов и армий, командиры и начальники штабов частей военных лет, так и некогда безвестные младшие офицеры — непосредственные исполнители работ по топогеодезическому (топографическому — по терминологии тех лет) обеспечению войск на полях войны, а также бывшие красноармейцы, непосредственно участвовавшие в боях, а потом закончившие Ленинградское военно-топографическое училище и посвятившие свою жизнь профессии военного топографа.

Авторами статей являются также выпускники училища мирного времени. Среди них есть и пережившие войну детьми в блокадном Ленинграде, на трудовом фронте, на оккупированных немцами территориях и даже в фашистском концлагере, а также родившиеся несколько лет спустя после войны. Все они теперь заслуженные ветераны ТС ВС, занимавшие ранее высокие должности в ВТУ ГШ, частях центрального и окружного подчинения, в военно-учебных и научно-исследовательских заведениях Министерства обороны СССР (РФ).

Общая картина деятельности Военно-топографической службы (ВТС) Советской Армии по топографическому обеспечению войск в годы Великой Отечественной войны раскрывается в статьях генерал-полковника Б.Е. Бызова и генерал-лейтенанта технических войск М.К. Кудрявцева. Им — поистине легендарным начальникам ВТУ ГШ — в сборнике отдан приоритет: первая и завершающая статьи. Воспоминания же других ветеранов, дополняющие статьи руководителей ВТС яркими личными переживаниями, тонкими наблюдениями, интересными оценками и выводами — независимо от званий, должностей и заслуг — расположены в хронологическом порядке освещения тех или иных событий войны. Статьи предваряются фотографиями и краткими послужными списками авторов. К сожалению, не все данные удалось найти в архивах ВТУ ГШ, далеко не полными оказались и сведения о боевых наградах и ранениях тех, кого уже нет с нами.

Тем не менее, настоящий сборник получился насыщенным по содержанию и оригинальным по форме. Важно подчеркнуть, что после прочтения его лишний раз приходишь к однозначному выводу о том, что, несмотря на трудности, тяготы и лишения, нередко угрозы самой жизни, военные топографы с честью выполнили свой воинский долг на фронтах Великой Отечественной войны, обеспечивая боевые действия войск топографическими и специальными картами, боевыми графическими документами, исходными геодезическими данными, осуществляя топогеодезическую привязку боевых порядков своих войск, засечки стреляющих орудий противника,

определение переднего края, разведку противника по аэрофотоснимкам, выполняя другие специальные работы по заданиям командиров и штабов. Результатом этого самоотверженного труда стали около миллиарда отпечатанных топографических карт, сотни тысяч определенных геодезических пунктов и привязанных артиллерийских батарей, десятки тысяч уничтоженных объектов противника. За образцовое выполнение ответственных заданий советского командования в годы Великой Отечественной войны 24 полевые и стационарные части ВТС были награждены боевыми орденами, 21-й моторизированный топографический отряд получил почетное наименование Штеттинский, 75-й геодезический отряд — Краковский. Свыше 4 тыс. военных топографов были удостоены высоких правительственных наград.

Опыт топогеодезического обеспечения войск, полученный в 1941—1945 годах, является национальным достоянием. Он непрерывно изучается, в том числе и новыми поколениями военных топографов, а в 1979—1989-х годах был применен на практике в ходе Афганской войны, в конце 1990 - начале 2000-х годов — в антитеррористической кампании на Северном Кавказе, но уже с использованием современных оптико-электронных средств, спутниковых и компьютерных технологий. В этом смысле настоящий сборник представляет собой вполне определенную военно-историческую ценность.

Генерал-лейтенант в отставке
В.Н. ФИЛАТОВ –
начальник Военно-топографического управления Генерального штаба – начальник Топографической службы Вооруженных Сил России (2001–2007 гг.), доктор военных наук, профессор, академик Российской академии космонавтики им. К.Э. Циолковского

Б.Е. БЫЗОВ

Бызов Борис Ефимович (1920—2012). Окончил ЛВТУ (1942), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1956) с отличием. Курсант учебной саперной роты (1939), топограф 1-го разряда в 11-м военно-топографическом отряде на Закавказском фронте (1942—1945), картограф 1-го разряда, инженер отделения Киевской военно-картографической фабрики (1945—1950). Начальник топографической службы 4-й гвардейской механизированной, 20-й гвардейской армий ГСВГ (1956—1960), старший офицер отделения боевой подготовки ВТУ ГШ ВС СССР (1960—1967), начальник топографической службы ГСВГ (1967—1970), начальник отдела боевой подготовки и кадров ВТУ ГШ (1970), заместитель начальника ВТУ ГШ по боевой подготовке и научно-исследовательской работе (1970—1974), начальник ВТУ ГШ – начальник ВТС ВС СССР (1974—1989). Лауреат Государственной премии СССР и премии им. Ф.Н. Красовского. Почетный геодезист. Доктор наук и профессор в области информационных технологий (геодезия и картография) по международной квалификации. Генерал-полковник.

В ГОД ТЯЖЕЛЫХ ИСПЫТАНИЙ

Когда очаг Второй мировой войны заполыхал по городам и весям Западной Европы, партийному и советскому руководству СССР стало ясно, что в ближайшем будущем участия страны в этой войне не избежать. К тому времени пошли на спад начавшиеся в 1937 году массовые чистки начальствующего состава армии и флота. Более того, стали освобождаться из тюрем и лагерей, восстанавливаться в должностях и званиях, возвращаться в строй оставшиеся в живых бывшие командармы, комкоры и комдивы, началось расширение и укрепление структуры Наркомата обороны СССР и

Генерального штаба. Разворачивалась и становилась на военные рельсы промышленность, увеличивалась численность войск. Вооруженные силы страны стали целенаправленно готовиться к отпору возможной агрессии.

Одновременно предпринимались попытки укрепить и Военно-топографическую службу (ВТС), потерявшую в трагические 1930 годы немало военных геодезистов, топографов и картографов, людей в подавляющем большинстве честных, знающих и самостоятельных, таких, как начальник Управления военных топографов комкор И.Ф. Максимов, начальник Ленинградского военно-топографического училища (ЛВТУ) комбриг Н.М. Гравин и многие другие. Вакантные места заполнялись энергичными, но менее опытными руководителями и не столь квалифицированными специалистами. Так, в 1937—1938 годах начальником геодезического факультета Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева — кузницы командных кадров ВТС — становится адъюнкт того же факультета В.Н. Чернышев, во главе ВТС РККА — также недавний адъюнкт М.К. Кудрявцев. Для удовлетворения возросшей потребности ВТС в кадрах было увеличено количество слушателей геодезического факультета академии и курсантов ЛВТУ, открыты курсы усовершенствования командного состава.

В 1939 году Военно-топографический отдел Генерального штаба преобразуется в Управление Военно-топографической службы, которое в 1940 году стало именоваться Военно-топографическим управлением Генерального штаба (ВТУ ГШ). На новое, численно увеличенное управление возлагались заблаговременная подготовка вероятных театров военных действий (ТВД) в топогеодезическом и картографическом отношениях, обеспечение войск Красной Армии

топографическими картами и каталогами координат геодезических пунктов, топографическая подготовка войск.

В 1939—1940 годах в штабах Московского и приграничных военных округов были введены топографические отделы, упраздненные в 1936 году и преобразованные в Управления военно-топографических работ. Наряду с руководством топографическими частями и топографо-геодезическими работами на территории округов на отделы возлагалось снабжение войск округа картами и каталогами координат геодезических пунктов. В штабах армий ВТС была представлена топографическим отделом, в штабах корпусов — топографическим отделением оперативного отдела, в штабах дивизий по штату такой службы не предусматривалось. Там обеспечение частей дивизии картами возлагалось, как правило, на топографа оперативного отделения.

К июню 1941 года значительно возросло число полевых частей службы. Например, только на западном направлении были развернуты и задействованы три геодезических, десять топографических, три моторизированных топографических и два аэросъемочных отряда. В это время они выполняли задачи по заблаговременной топогеодезической подготовке территории вероятных боевых действий: развитию и сгущению геодезических сетей, созданию и обновлению топографических карт, геодезическому обеспечению аэродромного строительства и укрепленных районов непосредственно в приграничной полосе. Кроме того, в интересах войск западных округов выполняли задачи по изданию карт Московская военно-картографическая фабрика (ВКФ) имени В.В. Дунаева, несколько картографических частей, в том числе две вновь созданные в городах Минске и Риге.

Как вновь сформированные, так и ранее существовавшие части ВТС были усилены транспортными средствами, снабжены новыми приборами и инструментами, картоиздательским оборудованием. Для ремонта и юстировки специальной техники в Прибалтийском и Прикарпатском военных округах были созданы оптико-механические мастерские.

К началу войны общий запас топографических карт на складах ВТС составлял около 550 млн экземпляров. Примерно половина этого запаса была размещена в 21 складе карт западных округов и, в частности, в Прибалтийском — 58 млн, в Западном Особом — 88 млн, в Киевском Особом — 76 млн экземпляров. К сожалению, указанные склады, в отличие от полевых частей службы, транспортных средств не имели, а некоторые из них — в строгом соответствии с постулатом "воевать малой кровью на чужой территории" — были неоправданно размещены в непосредственной близости к Государственной границе СССР (районы Белостока, Каунаса, Львова и др.).

С учетом боевого опыта топографического обеспечения войск в операциях на реке Халхин-Гол (май — август 1939 г.) и в войне с Финляндией (ноябрь 1939 г. — март 1940 г.) части ВТС готовились к выполнению специальных работ в боевых условиях. С этой целью в Западном Особом, Закавказском, Одесском и других военных округах в 1940 году проводились учения частей ВТС совместно с войсками округов. В феврале — марте 1941 года на сборах начальников топографических отделов штабов военных округов и их заместителей, проведенных в ВТУ ГШ, отрабатывались задачи по топографическому обеспечению войск в операциях.

По планам работ 1939—1941 годов почти все полевые части ВТС, находившиеся в европейской части СССР, вы-

полняли геодезические работы и топографическую съемку в полосе между старой и новой границами. Поэтому до начала войны были закончены съемки и исправления устаревших карт в Бессарабии, Западной Украине, Западной Белоруссии, на Карельском перешейке, частично на территории Прибалтики. На приграничную полосу были созданы карты в масштабе 1:25 000 и мельче. Карты в масштабах 1:25 000 — 1:100 000 были составлены в единой системе координат, на твердой геодезической основе, изготовлены главным образом по результатам аэрофотосъемки, качество их было вполне удовлетворительным.

Карты в масштабе 1:100 000 и мельче были созданы также на часть зарубежной территории до линии Берлин — Прага — Вена—Будапешт — Бухарест. Однако на глубинные районы СССР топографических карт масштабов 1:50 000 — 1:200 000 фактически не было, а карта масштаба 1:500 000 была создана лишь до Московского меридиана. На всю же территорию СССР имелась только карта масштаба 1:1 000 000. Войска располагали вполне современными топографическими картами лишь до рубежа Петрозаводск — Витебск — Киев — Одесса. Восточнее его карты масштабов 1:50 000, 1:100 000 имелись только на территорию городов Москва, Горький, Харьков, Ростов-на-Дону и некоторые другие районы, а, например, на территорию Кавказа имелись только устаревшие карты еще дореволюционной русской армии одноверстного и двухверстного масштабов.

Теперь уже известно, что воевать на своей территории военно-политическое руководство СССР тогда не собиралось. Поэтому топографическая подготовка территории страны осуществлялась в приграничных районах, в глубинных, находящихся в ведении гражданского ведомства — Главного

управления геодезии и картографии при Совете Народных Комиссаров СССР (ГУГК при СНК СССР) — она даже не планировалась.

Таким образом, несмотря на предпринятые усилия руководства и всего личного состава ВТС РККА, намеченные мероприятия по усилению производственных мощностей Службы и по картографированию важных в военном отношении территорий страны осуществить полностью до начала Великой Отечественной войны не удалось. Завершать работу пришлось уже в ходе войны.

22 июня 1941 года в результате нападения фашистской Германии на СССР части ВТС РККА, которые дислоцировались и выполняли специальные задания в приграничной полосе и особенно на территории Литвы, Латвии, Западной Белоруссии и Западной Украины, понесли значительные потери в личном составе и технике. Полевые команды геодезистов и топографов, которые работали на большой территории и на значительном удалении одна от другой, оказались в зоне боевых действий. Оторванные от баз своих отрядов, они присоединялись к пограничникам и частям Красной Армии, участвовали в боях, пробивались и выходили из окружения. При этом большие потери понесли 5, 16, 17, 25, 31 и 75-й топографические и геодезические отряды ВТС. Так, например, 31-й моторизованный топографический отряд, обеспечивавший геодезическими данными Брестский, Осовецкий и Гродненский укрепленные районы, потерял более половины личного состава. В сложных условиях командование отряда сумело вывезти из-под удара противника походное картографическое отделение и спасти часть геодезических инструментов. Позже все эти отряды были отведены в тыл для переформирования и доукомплектования. Общие потери личного состава

полевых частей ВТС в первые три месяца войны составили 148 офицеров, 1127 солдат и сержантов, 15 служащих. На территории, захваченной противником, оказались две картографические части (Рига, Минск), оптико-механическая мастерская (Львов), а несколько позднее — картографическая фабрика ВТС (Киев). Для немногочисленной по личному составу Службы это были довольно ощутимые потери.

Особенно в тяжелое положение попали армейские и окружные склады топографических карт, на которых хранилось около 200 вагонов карт. В первую же неделю войны оказался разрушенным, а затем и захваченным противником крупный окружной склад карт, дислоцированный в Минске. Эвакуировать его запасы не удалось: отступавшие войска требовали карты только на районы восточнее Минска и то в небольшом количестве. Брать карты на пройденные районы, тем более на зарубежную территорию, отказывались. Некоторую часть запасов карт удалось эвакуировать из окружных складов Прибалтийского и Киевского Особого военных округов, но эти карты долгое время находились “на колесах” и при необходимости разыскать вагоны с картами было весьма затруднительно. Армейские склады, которые находились вблизи границы, были также разрушены или захвачены противником в первые же дни войны, значительное количество карт попало в руки противника. Запасы карт из-за невозможности вывоза большей частью были уничтожены. С учетом потерь неприкосновенного запаса карт, хранившихся непосредственно в войсках, их общие потери составили 250 — 300 млн карт.

Таким образом, заблаговременно созданные запасы топографических карт отличного качества на территорию западного приграничного пространства в большинстве своем

использованы не были. В то же время соединения и части Красной Армии, особенно Центрального и Юго-Западного фронтов, вообще не имели необходимых карт, что крайне отрицательно сказалось на системе управления войсками. Зачастую вместо самых “ходовых” в войсках крупномасштабных карт (масштабы 1:50 000 и 1:100 000) пришлось использовать мелкомасштабные карты (1:500 000 и 1:1 000 000), которые в небольшом количестве поставляли быстро перемещавшиеся топографические отделы штабов фронтов. С отходом наших войск за рубеж Брянск — Курск — Харьков — Запорожье, восточнее которого других карт, кроме карт масштаба 1:1 000 000 на территорию СССР почти не было, положение со снабжением картами еще более ухудшилось. Отсутствие карт отрицательно сказывалось на возможностях боевого использования как стрелковых соединений и частей Красной Армии, так и авиации, бронетанковой техники, артиллерии. То было самое тяжелое время для ВТС — требовалось проведение срочных мероприятий для исправления создавшегося положения.

Надо было незамедлительно, хотя бы частично, восполнить запасы карт на районы боевых действий, а также создать новые карты на обширную территорию, на которую они за предвоенные 20—25 лет вновь не создавались. В связи с этим с началом войны перед руководством ВТУ ГШ встала сложнейшая проблема: выполняя текущие задачи по топографическому обеспечению войск в условиях тяжелой обстановки 1941 года, в кратчайший срок организационно перестроить Службу на военный лад, доукомплектовать топографические части, понесшие большие потери, сформировать новые, правильно распределить свои силы и средства по фронтам действующей армии.

С этой целью на базе топографических отделов штабов Ленинградского, Прибалтийского, Западного Особого, Киевского Особого, Одесского и Закавказского военных округов были сформированы топографические отделы штабов Северного, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного, Южного и Закавказского фронтов и штабов входивших в них армий. Позднее из-за сложившейся обстановки топографические отделы штабов армий были реорганизованы в топографические отделения оперативных отделов штабов армий.* Одновременно были сформированы две ВКФ (в Свердловске и Саратове) и 11 полевых отрядов ВТС (в основном топографических и моторизованных топографических). Часть из этих отрядов была передана во фронты, часть использовалась для топогеодезических работ в тылу действующей армии. Новые формирования комплектовались приписным составом (гражданскими топографами из запаса) — на исполнительские должности, а кадровым составом — на руководящие должности. Для издания карт были привлечены специалисты картографических предприятий различных ведомств Москвы и Ленинграда. Оснащение частей специальной топогеодезической техникой, вооружением и транспортом в условиях отступления войск и эвакуации местных учреждений на восток проводилось с большим напряжением.

В результате принятых мер уже к 1 августа 1941 года в составе шести фронтов имелся 21 отряд ВТС (4 геодезических, 11 топографических и 6 моторизованных топографических), а за счет самоотверженного и напряженного труда военных геодезистов, топографов и картографов картой мас-

* В 1942 г. топографические отделения оперативных отделов армий были вновь преобразованы в топографические отделы.

штаба 1:100 000 была покрыта полностью полоса Западного фронта до линии Калинин — Можайск — Орел, а Ростовская и Харьковская картографические части во взаимодействии с родственными по профилю гражданскими организациями сумели к этому времени обеспечить такой же картой полосы Юго-Западного и Южного фронтов.

К концу 1941 года частями ВТС и подразделениями ГУГК при СНК СССР были проведены новые съемки и исправления карт, главным образом, масштаба 1:100 000, на общей площади 520 тыс. кв. км, было составлено 2638 листов оригиналов карт и отпечатано 200 млн экземпляров карт. В это время уже полностью адаптировалась к условиям войны и вся система обеспечения войск топографическими картами.

Параллельно со снабжением войск картами ВТС РККА выполняла задачу по обеспечению артиллерии — “Бога войны” — исходными геодезическими данными. Как показал опыт первых месяцев войны, топогеодезическое обеспечение артиллерии нуждалось в проведении значительных по объему работ: развитие геодезических и так называемых артиллерийских геодезических сетей, привязка боевых порядков артиллерии, определение местоположения целей и ориентиров, обеспечение потребителей специальной артиллерийской картой, каталогами координат геодезических пунктов, разведывательными схемами и другой графической документацией. Только при успешном выполнении перечисленных видов работ артиллерия была способна внезапно и эффективно поражать цели противника, невидимые с огневых позиций.

С началом войны, в условиях ведения тяжелых оборонительных сражений в приграничном пространстве, привязка позиций артиллерии проводилась по крупномасштабной кар-

те с последующим уточнением местоположения целей пристрелкой. Это требовало дополнительного расхода снарядов и исключало внезапность артиллерийского огня. Поэтому перед артиллерийской топографической службой (АТС) была поставлена задача: готовить данные для стрельбы на полной геодезической основе. Но к этому времени АТС еще не располагала достаточно квалифицированными кадрами и помощь ей оказала ВТС РККА, силами полевых частей которой выполнялся основной объем геодезических работ, а ее подразделения придавались армиям, где они выполняли также задачи по планам штабов артиллерии.

В исключительно трудных условиях военные геодезисты и топографы развивали опорные сети, проводили привязку огневых средств, по вспышкам выстрелов вражеских орудий засечками с помощью оптических средств (теодолитов) определяли их координаты. Списки координат и схемы расположения определенных опорных артиллерийских пунктов передавались непосредственно в топографический отдел армии, а результаты привязки элементов боевых порядков — начальнику топографической службы армии или старшему начальнику артиллерийской группы. Такие задания выполнялись в условиях непрерывного воздействия авиации, артиллерийского и минометного огня. За военными геодезистами и топографами охотились немецкие снайперы. Большой вклад в успех контрбатарейной борьбы внесли подразделения ВТС на Ленинградском фронте, которые выявили тяжелые дальнобойные орудия неприятеля. Так, в ночь на 12 декабря 1941 года они с трех точек местности засекли железнодорожную сверхтяжелую немецкую мортиру “Большая Берта” калибра 420 мм, успевшую сделать по Ленинграду несколько

выстрелов. Используя данные геодезистов, мортиру уничтожили наши бомбардировщики.

В целом же личным составом полевых частей ВТС в интересах артиллерии выполнялась необходимая и громадная по объему работа. Только за первый год войны на советско-германском фронте было определено около 62 тыс. геодезических пунктов, привязано более 20 тыс. огневых позиций артиллерийских батарей, определены координаты 5,5 тыс. важных целей противника, измерено свыше 500 базисов эталонирования дальномеров зенитных артиллерийских частей.

Опыт войны с Финляндией показал исключительно важное значение аэрофоторазведки, которая в 1941 году, в условиях подавляющего господства немецко-фашистской авиации, велась в весьма ограниченных размерах. Однако, несмотря на это, эффективность ее была высокой. Уже в августе 1941 года при подготовке наступательной операции под Ельней авиация Западного фронта провела аэрофотосъемку полосы вражеской обороны. Военные топографы совместно с личным составом аэрофотослужбы 1-й воздушной армии выполнили дешифрирование аэрофотоснимков. Выявленные военные объекты противника (огневые позиции артиллерии и минометов, пулеметные гнезда, блиндажи, места скопления боевой техники, склады боеприпасов и др.) обозначались на разведывательных картах, которые после размножения выдавались войскам, а координаты объектов передавались артиллеристам. Эти данные в определенной мере облегчали тяжелую участь войск Красной Армии, с их помощью наши артиллеристы успешно поражали цели противника. Одним из положительных итогов работы военных топографов, которые выполняли дешифрирование объектов противника по аэро-

фотоснимкам, было уточнение роли аэрофотосъемки для топографического обеспечения боевых действий войск.

Взаимодействие ВТС с аэрофотослужбой ВВС подняло значение аэрофоторазведки, справедливо названной во время войны аэрофототопографической разведкой. Изготовленные с ее помощью разведывательные карты с учетом данных других видов разведки, бланковые карты или «бланковки» оказывали большую помощь общевойсковым командирам и начальникам при принятии решения на бой, операцию и их проведении. Несмотря на недостаток опыта и ограниченность действий советской разведывательной авиации (из-за временного превосходства авиации противника), в первый год войны на всех фронтах было дешифрировано более 28 тыс. аэроснимков и изготовлено около 700 оригиналов фотосхем.

Большим спросом в войсках пользовались создаваемые при непосредственном участии топографов различные специальные карты, в том числе бланковые, т. е. топографические карты, отпечатанные бледными тонами красок и служащие основой различных боевых графических документов. Как показал ход боевых действий, а также проверка на местности эффективности артиллерийского огня, бланковые карты «бланковки», как их тогда называли, были составлены с большой точностью и полностью отражали систему обороны противника и расположение его огневых средств. Бланковки, доведенные до командира роты и командира батареи, были основным документом для организации наступления и атаки.

Таким образом, в первый год Великой Отечественной войны ВТС, разделив вместе со всей Красной Армией горечь потерь, поражений и отступлений, все же сумела в дальнейшем своевременно и полно обеспечить войска картами, исходными геодезическими данными и фотодокументами.

Однако надо признать, что в то время нашей армии и ее Военно-топографической службе был преподан наглядный урок, из которого можно сделать выводы, не потерявшие свою актуальность и сегодня. Они состоят в том, что вооруженные силы нашей страны, несмотря на умиротворяющие заявления глав правительств, политиков и дипломатов, должны всегда находиться в постоянной готовности к отражению возможной агрессии. При этом Топографическая служба обязана заблаговременно готовить (в топогеодезическом отношении) не только приграничные территории, но и другие важные в стратегическом отношении районы, осуществляя это в тесном взаимодействии со специалистами различных гражданских ведомств родственного профиля, но с четким разграничением обязанностей и персональной ответственностью, должна создавать и непрерывно обновлять банки базовой топогеодезической информации (систему геодезических параметров Земли, координаты геодезических и фотограмметрических пунктов, ортофотоснимки с данными о рельефе местности и др.). Только тогда можно будет своевременно и в полном объеме обеспечить наши войска необходимой топогеодезической информацией, поддерживать их высокую боевую готовность.

П.Б. ПЕТРОВ

Петров Петр Борисович (р. 1922). Окончил Харьковскую школу младшего начальствующего состава ВТС (1941), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1955) с отличием. Топограф, триангулятор 2-го разряда 75-го геодезического отряда (1941—1947). Участник обороны Москвы. После войны участвовал в испытании атомного оружия на Семипалатинском ядерном полигоне. Военную службу завершил триангулятором 2-го разряда 63-го геодезического отряда (1947—1949), офицером, старшим офицером топографического отдела штаба ЗакВО (1955—1959), старшим научным сотрудником 29 НИИ МО (1959—1972). Полковник.

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ ВОЕННОГО ТОПОГРАФА

Моя военная служба началась в 1940 году в Харьковской школе младших специалистов Военно-топографической службы (ВТС). О начале войны курсанты узнали в полевых условиях на практике. Плановую учебу сразу же прекратили, нас собрали на центральной базе. Там начались тактические занятия: марш-броски, движения по азимуту, стрельбы, учебные бои и др. В сентябре досрочно, без сдачи экзаменов, всем курсантам присвоили воинское звание “младший сержант” и в должности “младший топограф” распределили по полевым частям ВТС. Меня вместе с однокашниками Б. Бабенко, А. Великим и И. Володарским направили в 75-й геодезический отряд (го), штаб которого располагался в Орехово-Зуево. В то время личный состав отряда выполнял полевые работы по обеспечению стрельбы артиллерии на Можайском укрепленном рубеже Московской зоны обороны.

После прибытия к месту назначения нам выдали удостоверения на право проведения геодезических работ и направили в полевой штаб отряда в город Малый Ярославец Московской области. В штабе нас распределили по полевым подразделениям. Я попал в геодезическое отделение лейтенанта Жука, которое выполняло боевое задание по геодезическому обеспечению создаваемого 37-го Малоярославецкого укрепленного района.

В задачу отделения входило определение координат отдельных точек и ориентирных направлений, необходимых для стрельбы артиллерии. Мне, как молодому специалисту, поначалу пришлось выполнять вспомогательные работы: составлять графики карт “полей невидимости”, проверять записи в полевых журналах и вычислять координаты определенных точек “во вторую руку”. Затем некоторое время я был помощником наблюдателя (“записатором”) у начальника отделения. Только после этого мне было доверено выполнять все виды геодезических работ самостоятельно, выделили необходимый инструмент, группу красноармейцев и пароконную телегу. Так началась полная труда, тревог и забот моя фронтовая жизнь.

В один из вечеров, когда начальник отделения повез список координат вновь определенных геодезических пунктов для артиллеристов, последних на месте не оказалось. Всем геодезическим командам пришлось следовать в предполагаемый район развертывания артиллерии. Во избежание потерь нам предписывалось перемещаться только вечером и ранним утром по проселочным дорогам, параллельным трассе Малый Ярославец — Москва, наблюдая за воздухом и вокруг по сторонам. Днем во время вынужденных стоянок обследовали местность на предмет выяснения сохранности цен-

тров пунктов государственной геодезической сети (ГГС), используемых в качестве исходных.

Что творилось вокруг, никто из нас не знал. Для получения хоть какой-нибудь информации об оперативной обстановке мне не раз приходилось выходить на шоссе. Оно было плотно забито войсками — в сторону фронта шли нескончаемые колонны нашей пехоты. Лица красноармейцев были суровы. При появлении в воздухе немецкого самолета-разведчика (“рамы”) бойцы рассредоточивались, залегали. Средств противовоздушной обороны, как и радиосвязи, у них не было.

Навстречу пехоте, в сторону тыла, шли погоняемые совхозные стада коров, уныло плелись беженцы, в основном женщины, старики и дети. В мешках и узлах они несли свой нехитрый скарб. Вперемежку с беженцами шли раненые красноармейцы, от которых можно было узнать что-то о происходящем. На “раму” беженцы не реагировали — продолжали идти, а при налете штурмовиков в панике метались близ дороги, нередко становясь легкой добычей немецких асов. До сих пор в ушах стоят крики и стоны раненых. Оказать помощь им было некому. Чувство сострадания заставило меня отдать свой индивидуальный пакет одному из раненых.

Всю эту тревожную обстановку дополнял в вечернее время раздирающий душу рев оставленных и не доеных колхозных коров. Когда мы заходили в деревни, где встречались немощные старики, приходилось выслушивать справедливые упреки в наш адрес и одни и те же вопросы: что же случилось? Почему Красная Армия отступает? На кого нас покидают? У меня, молодого воина, не находилось каких-либо слов успокоения — действительность была сильнее их. Отсутствие информации об обстановке усугубляло нашу трево-

гу. Все увиденное и переживаемое отрицательно сказывалось на моральном состоянии каждого бойца, и только ненависть к врагу, любовь к своей Родине, верность присяге поддерживали нас, не давали впасть в уныние.

На третьи сутки начальник отделения нашел штаб артиллеристов, получил от них задание, и команды приступили к его выполнению. Сжатые сроки вынудили нас выполнять геодезические работы спаренными командами. Это позволило нам после выполнения измерений тут же проводить вычисления и затем незамедлительно передавать определенные координаты точек артиллеристам.

В целом начальный период Московской битвы оставил в моей памяти глубокий, незабываемый след. За те 30 дней и ночей, которые я провел под Москвой, пришлось испытать колоссальные моральные потрясения, перенести неимоверные трудности и опасности, воочию увидеть ужасы войны. Там я впервые ощутил горечь поражений, отступление нашей “непобедимой и легендарной” Красной Армии, увидел не только кровь раненых и убитых, горе, страх и растерянность мирных граждан, но и непоколебимую решимость наших воинов дать достойный отпор врагу.

В середине ноября 1941 года 75-й геодезический отряд получил приказ свернуть работы и убыть в город Кантаурово Горьковской области для обеспечения тылового рубежа нашей армии. Топографическое обеспечение войск и артиллерии в Московской зоне обороны было продолжено другими частями ВТС — 16-м геодезическим и 32-м моторизованным топографическим отрядами. Через Москву проезжали в сумерки. Она была затемнена и безлюдна. В воздухе висели аэростаты заграждения, стены Кремля были замаскированы. Окна жилых домов и служебных зданий были заклеены кре-

стообразными, бумажными полосками. Было видно, что Москва готовилась к отражению врага.

Несмотря на непродолжительность моего участия в обороне Москвы, полученный опыт по геодезическому обеспечению артиллерии мне пригодился в последующие военные годы. Спустя много лет после войны я узнал, что наш 75 го был включен в перечень частей, принимавших участие в обороне столицы, и мне вручили дорогую для меня медаль “За оборону Москвы”.

После прибытия на новое место мы приступили к работе по обеспечению левобережья реки Волги (Волго-Сурский и Ижевско-Яранский рубежи обороны) геодезической основой для топографической съемки в масштабе 1:100 000. Стояли необычно крепкие, усиливаемые ветром, морозы — температура воздуха была ниже -40°С. На земле лежал более чем метровый снежный покров. Все это затрудняло выполнение полевых работ. Трудности были связаны не только с подъемом нас, наблюдателей с теодолитами, на помост сигналов (высотой до 36 м, возвышающихся над лесом на 4 м), где мы прозябали буквально до костей, но и с проведением самих измерений — прикосновение к металлическим частям теодолита вызывало обморожение лица и пальцев рук. В таких условиях не просто было вести и записи в полевом журнале. Пришлось выпрашивать у лесников полушубки, лапти с теплыми портянками и меховые рукавицы, выносить на помост сигнала печки (чаще ведра) и горящими поленьями согревать замерзшие руки. После принятых мер дело пошло.

Геодезические измерения выполнялись с помощью теодолита ТТ-30 с металлическим лимбом. Отсчеты снимались с помощью окуляров, расположенных с двух его противоположных сторон. Это создавало неудобства, связанные с пере-

мещением наблюдателя вокруг теодолита. Случайно задев ножку штатива, наблюдателю приходилось выполнять прием измерений заново, терять драгоценное время. Однако других приборов тогда не было.

Для обеспечения устойчивости теодолита при работе на зыбкой болотистой почве под ножки штатива забивали колья. Измерение расстояний выполнялось независимо двумя металлическими лентами длиной 20 и 24 м. Обработка результатов измерений и вычисление координат производилось двумя разными способами (“в две руки”). Первый – обычно с помощью арифмометра, конторских счет и шестизначных таблиц тригонометрических функций Петерса, второй — с помощью логарифмических таблиц тригонометрических функций (или логарифмический линейки ВТС). Заданные допуски между контрольными результатами определений выдерживались неукоснительно.

Тяжелое положение на фронте и в тылу побуждало многих командиров и красноармейцев писать рапорты с просьбой направить их на передовую. Но всем нам без исключения было отказано, и только после завершения работ осенью 1942 года 75го был направлен на Воронежский фронт. Наше отделение попало на Щукинский плацдарм. С войсками Воронежского фронта (позже переименованного в 1-й Украинский фронт) 75 го прошел боевой путь от Дона до Эльбы, участвуя во всех операциях, дошел до Берлина. Наше геодезическое отделение закончило войну на территории северной Чехословакии.

Сейчас, спустя много лет с той военной поры, я не могу сдержать волнение, когда, вспоминая о тех днях и ночах, смотрю на карту с боевым путем 75-го геодезического Краковского Краснознаменного отряда. Сколько же верст при-

шлось мне и моим друзьям-товарищам отмахать с теодолитом и картой в руках по необъятным просторам нашей и западных стран по бездорожью, полям, лесам и болотам, в жару и холод, дождь и пургу, в условиях суровой фронтовой действительности. Удивляюсь тому, как удалось преодолеть нам те неимоверные трудности, неожиданные препятствия и опасности, которые встречались на всем нашем пути. Как смогли мы вынести те моральные и физические нагрузки, стоя во весь рост у теодолита, вблизи переднего края, зачастую на глазах у врага, рискуя жизнью, под огнем, являясь открытой мишенью. Видно, судьба была ко мне благосклонна. Не зря говорят, что остаться живым на фронте — случайность, а умереть — закономерность.

Однажды во время работы на передовой около меня разорвалась мина, взрывной волной сбило с ног. Когда очнулся, ничего не понимал, в ушах слышался несмолкаемый шум, чувствовалась боль в левом бедре, из левого уха текла кровь вперемешку с землей. Мои красноармейцы помогли мне добраться до медпункта ближайшей части, где санитары настоятельно порекомендовали направиться в госпиталь — была перфорирована барабанная перепонка и повреждено левое бедро. В это время в мою команду прибыл начальник отделения, который попросил меня продолжить работу до прибытия замены. Я принял его просьбу как приказ. Однако замены я так и не дождался, а начальник был вскоре переведен в другую часть. К сожалению, эта юридически неоформленная контузия осталась со мной на всю жизнь, как память о войне. Она и сегодня напоминает о себе.

Позже при прокладке теодолитного хода мне пришлось преодолевать минное поле. Об этом поведал в своих воспоминаниях кандидат технических наук полковник в отставке

С.А. Саляев: “Младшему лейтенанту Петрову П.Б., впоследствии научному сотруднику, автору трудов по закреплению геодезических знаков, — пишет он, — пришлось вести геодезические измерения на необычной местности. Перед началом работ командир артиллерийского полка предупредил, что в районе работ разминированы только дороги, остальная же местность еще не очищена от мин. Но идти нужно было как раз по намеченной трассе, за ним следуют бойцы. То и дело он замечает едва приметные снежные бугорки, кое-где крючки и петли из проволоки - признаки наскоро заложенных противником мин. Так, осторожно продвигаясь, пересекли минное поле теодолитным ходом, задание выполнено в срок и без потерь…”.*

Война, прежде всего, тяжелая и опасная работа. И результат, конечно, в основном зависел от людей, среди которых на фронте подавляющее большинство были нормальные, хорошие ребята — мои ровесники, младшие, старшие. На некоторых из них мы даже ровнялись. Так, в конце 1942 года в наш отряд прибыло несколько инженеров-геодезистов. В их числе был 35-летний Сергей Ефимович Александров — бывший научный сотрудник Института физики Земли Академии наук СССР, кандидат физико-математических наук, доцент. Его назначили инженером нашего геодезического отделения, а позже он стал начальником. Удивительный был человек! Высокий, стройный, мужественный, исключительно честный и порядочный, доброжелательный, с чувством собственного достоинства, интеллигентный. Сила его положительного влияния на окружающих была столь огромна, что заставляла

* Саляев С.А.. Советские геодезисты в Великой Отечественной войне. Земля и вселенная. 1985. № 3. С. 33—40

многих корректировать свое поведение. Будучи нашим начальником, С.Е. Александров много внимания уделял нам, молодым специалистам (Б. Бабенко, Н. Максимову, Е. Перфилову, П. Петрову, В. Сазонову и др.). Во всех жизненных и специальных вопросах он был, как говорится, на высоте. Умел подбодрить и поддержать в тяжелых условиях, старался быть там, где его подчиненным бывало особенно трудно. Мы многому у него научились. В отряде его авторитет был непререкаем.*

Во время войны мне, как и другим исполнителям-геодезистам, пришлось обеспечивать артиллерию координатами вновь определенных пунктов, проводить контрольную привязку орудий, засекать артиллерию противника с возвышенных мест — днем по дымке от выстрела, ночью по вспышке. В обороне создавали сплошные геодезические сети, обеспечивающие маневр артиллерии и управление войсками в единой геодезической системе, в наступлении геодезические команды придавались отдельным артиллерийским подразделениям и определяли координаты точек по их заявкам.

Зимой 1943 года войска Воронежского фронта, пройдя с тяжелыми боями более 600 км, перешли к обороне на Курской дуге. В полосе обороны силами 75 го в сжатые сроки были созданы сплошные опорные геодезические сети (ОГСС). Наше 5-е геодезическое отделение выполняло работы в районе Белгорода, на юго-восточном выступе Курской

* После войны мне дважды посчастливилось служить вместе с С.Е. Александровым: в 1949—1955 гг. — в Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева, где я учился, а он преподавал гравиметрию, и в 1960—1972 гг. в 29 НИИ ВТС, где я был старшим научным сотрудником, а он начальником отдела. Светлая ему память!

дуги. Работали часто под огнем, в сложных условиях, на пределе физических возможностей. После выполнения своего основного задания обследовали сохранность пунктов ГГС, уточняли содержание устаревших топографических карт, нанося на них появившиеся изменения на местности, оказывали различную техническую помощь личному составу артиллерийской топографической службы (АТС). Наша помощь была по достоинству оценена артиллерийскими начальниками, поскольку вся артиллерия фронта до полковой включительно вела стрельбу с использованием полной геодезической основы. Это обеспечивало высокую эффективность огня и значительную экономию боеприпасов.

В целом до начала сражения на Курской дуге силами 75- го геодезического отряда были выполнено:

развитие ОГСС на фронтовом и армейском рубежах с определением координат около 3,5 тыс. пунктов;

составление каталогов координат 10 тыс. пунктов с перевычислением их из 6-й в 7-ю зону и снабжение каталогами всей артиллерии фронта;

привязка около 800 огневых позиций (главным образом артиллерии большой и особой мощности), около 100 наблюдательных пунктов, засечка около 700 целей;

систематический контроль привязок боевых порядков артиллерии, выполненных силами АТС;

составление специальных указаний по пользованию координатами точек на стыках зон и в условиях Курской магнитной аномалии;

проверка буссолей в артиллерийских частях и определение магнитных склонений.

Таким образом, объем работ, выполняемый военными геодезистами на фронте, был огромен, поэтому и пользова-

лись они в войсках заслуженным авторитетом. Так, в отзыве штаба 7-й гвардейской армии о работе одного из приданных ей подразделений 75-го отряда говорилось, что “артиллерия армии получила твердую топографическую основу, точность и эффективность огня повысилась. За образцовое выполнение заданий командования 12 военных геодезистов представили к государственным наградам. Положительную работу других подразделений отряда отмечали командующий 40-й армией приказом от 24 мая 1943 года и командующий артиллерией 38-й армии приказом от 28 июля 1943 года… Подразделениями руководили хорошо подготовленные и квалифицированные командиры (начальники) подразделений, среди которых были майоры С.И. Эвенчик, С.Е. Александров и А.Е. Колесниченко. Многие офицеры стали подлинными мастерами своего дела... Военный совет и командование артиллерией фронта высоко оценивали деятельность геодезического отряда, о чем свидетельствует факт представления в 1943 году военным советом 1-го Украинского фронта 75-го геодезического отряда к присвоению звания “Гвардейский…” *

Во время войны мне нередко приходилось переправляться через большие и малые реки, но самой трудной и запоминающейся из них была переправа через Днепр, к плацдарму севернее Киева. Помню, к месту переправы моя немногочисленная команда (пять человек) подошла незаметно. На рассвете, когда еще было темно, погрузились на понтон. На нем уже стояла пушка с боевым расчетом. Отчалили от берега, но, не доплыв до середины реки, попали под ураганный огонь артиллерии противника. Вода в Днепре бурли-

* Кудрявцев М.К. О Военно-топографической службе и топогеодезическом обеспечении войск. М.: РИО ВТС, 1980. С. 250.

ла и кипела, вверх поднимались гигантские столбы воды. Укрываясь от пуль и осколков, мы лежали на дне пробитого понтона. Вода в нем прибывала, под огнем стали вычерпывать воду. Кто-то из бойцов оказался за бортом. Милостью Божьей все доплыли до правого высокого берега, который надежно прикрыл нас.

В этот же день начали выполнять геодезические работы. За исходные пункты принимали стоявшие вдалеке сохранившиеся церкви, координаты которых были известны и “стягивались” на плацдарм обратной засечной. Перекрестный огонь противника с окружающих плацдарм возвышений почти не прекращался. Здесь погиб один красноармеец, а бывший рядом с ним исполнитель, старший лейтенант М. Григорьев, так и не мог подняться с земли — лежал пластом под прицельным огнем противника до наступления темноты.

На фронте мне, как впрочем, и другим военным геодезистам, не пришлось совершать героических подвигов, но мы выполняли свою нужную для войск работу честно и добросовестно, не щадя своих сил. Например, когда при наступлении артиллерия работала методом “переката” (часть стволов стреляет, а другая часть перемещается вперед), команда нередко следовала вплотную за наступающей пехотой под градом пуль и снарядов, так как координаты и ориентирные направления требовалось определить до прибытия артиллерии.

Таким образом, нашим оружием на фронте был теодолит, но порой приходилось брать в руки винтовку и вступать с ней в бой. Об одном таком эпизоде рассказал в своей книге бывший начальник Военно-топографического управления Генерального штаба генерал-лейтенант технических войск

М.К. Кудрявцев: “Наряду с выполнением основного задания подразделениям [75-го] отряда нередко приходилось откладывать в сторону теодолиты и вступать в бой с противником. Так, офицеры-геодезисты Давыдов, Толокоников, Петров вместе со своими командами вступили в бой в районе Новый Оскол, захватив в плен около 100 солдат и офицеров противника…”.

Конечно, на фронте было трудно пехотинцу и артиллеристу, саперу и связисту, летчику и танкисту, но все же войска имели вполне определенные средства для мало-мальского обустройства своего быта. Что же касается военных геодезистов, то они их не имели из-за специфических условий боевой работы: команда выполняла задание, как правило, в отрыве от отделения и отряда, без средств радиосвязи, непрерывно перемещаясь с одного места на другое, подкрепляясь на ходу сухим пайком. Все светлое время суток — от зари до темна — уходило на выполнение измерительных работ. Обработку результатов и вычисления координат проводили в вечернее и ночное время. Тогда же, маскируясь, готовили горячую пищу у костра, сушили одежду и отдыхали.

Были трудности и другого порядка, в частности, отсутствие исходных геодезических пунктов. Однако и здесь находили оптимальное решение. Например, при работе на территории СССР мы применяли метод обратных засечек по сохранившимся колокольням церквей (наблюдали шар под крестом, координаты которого были приведены в каталогах координат пунктов ГГС). На территории Польши использовались пункты, определенные еще Корпусом военных топографов русской армии. В Германии координаты часто определялись по результатам математической обработки нескольких контурных точек, снятых с топографической карты, а ориен-

тирные направления получали посредством астрономических наблюдений с помощью таблиц координат ярких звезд, составленных бывшим старшим научным сотрудником НИИ ВТС командиром 75-го геодезического отряда инженер-полковником А.М. Петровым.

Таким образом, несмотря на все трудности и опасности, поставленные задачи военные геодезисты выполняли точно и в срок. Войска, своевременно обеспеченные исходными геодезическими данными и качественными (на точной геодезической основе) топографическими картами, нещадно громили фашистских оккупантов. Так на полях войны общими усилиями советских воинов ковалась Великая Победа!

В.В. ГЛУШКОВ

Глушков Валерий Васильевич (р. 1949). Окончил ЛВВТКУ (1969), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1977), адъюнктуру при 29 НИИ МО (1983). Геодезист 2-го и 1-го разрядов 40-го топогеодезического отряда (1969—1973), инженер-геодезист штаба дивизии, офицер отдела КП и АГО штаба армии РВСН (1977—1980), младший и старший научный сотрудник 29 НИИ МО (1983—1988), заместитель и начальник кафедры "Электронные средства геодезии" СПВВТКУ (1988—1994), заместитель начальника научного управления 29 НИИ МО (1994—1998). По завершении военной службы — заместитель по научной работе директора Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (2004—2009), профессор кафедры "Геодезии, геоинформатики и навигации" Московского государственного университета путей сообщения (2004—2015), профессор кафедры "Физико-математических методов проектирования сложных технических систем в ракетно-космической технике" Российского университета дружбы народов (с 2015 г.). Доктор географических наук, доктор технических наук. Почетный геодезист. Лауреат премии им. В.И. Вернадского "За выдающийся вклад в развитие России, отечественной и мировой науки". Полковник.

НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ

Военно-топографическая служба Карельского фронта во время Великой Отечественной войны была представлена топографическими отделами штабов фронта и армий, а также полевыми частями — отрядами, среди которых был и 40-й топографический.

Боевая летопись отряда началась 23 июня 1941 года, когда его первым командиром стал майор Е.П. Львов. К 3 июля

отряд был полностью сформирован, получил наименование 40-го моторизованного топографического (мто) с местом дислокации в Ленинграде. К тому времени он состоял из трех топографических, одного геофототеодолитного и одного картографического отделений. Начальствующий состав отряда был назначен из числа военных топографов кадровых частей, исполнительский — призван из запаса. В течение короткого времени 40 мто стал реальной боевой единицей.

13 июля отряд получил первое задание: составить топографические карты в масштабах 1:25 000 и 1:100 000 на территорию Финляндии. Задание было выполнено в срок и с высоким качеством. Вслед за этим были проведены работы по изысканию, нивелированию и съемке аэродромных площадок для авиации ВВС.

Картографическое отделение 40 мто в полном составе было прикомандировано к штабу 23-й армии, обороняющей Государственную границу СССР севернее и северо-восточнее Выборга. Его личному составу выпала нелегкая участь. Они вместе с командирами и бойцами армии, нередко в боевых порядках, почти месяц в тяжелейших условиях отражали наступление финских войск на Ленинград с севера, а позже под ударами превосходящих сил противника отходили на линию старой государственной границы, к Карельскому укрепрайону (УР).

В конце июля — в августе 40 мто, зачастую под артиллерийским и минометным обстрелом противника, выполнял работы по топографическому обеспечению Красногвардейского, а затем Свирского УРов. Работа заключалась в основном в подготовке огневых планшетов для командиров рот в масштабе 1:10 000 и схем расположения огневых точек (до-

тов, дзотов и т. д.) для командиров батальонов в масштабе 1:25 000.

23 августа 1941 года топографический отдел штаба Карельского фронта возглавил полковник А.П. Гусев — опытный, энергичный и знающий командир. Он быстро наладил деловые связи со всеми отделами штаба и развернул работы по топографическому обеспечению войск. Так, по его инициативе общевойсковые армии были укомплектованы опытными офицерами-топографами, каждой армии были приданы топографические и геодезические отделения. Этими силами проводились рекогносцировки и исправления устаревших карт, сгущалась геодезическая сеть, привязывались боевые порядки артиллерии, уточнялся передний край обороны наших войск. Работы зачастую выполнялись под огнем противника.

Как вспоминает офицер-топограф И.П. Макаров, служивший в то время в топографическом отделе штаба фронта, по характеру, природным и климатическим условиям местность Карелии всегда отличалась большой заболоченностью и изрезанностью реками и озерами, она покрыта лесами, имеет слабо развитую дорожную сеть и редкие населенные пункты. Поэтому сплошной линии фронта там не было, и боевые операции велись по определенным направлениям, преимущественно вдоль дорог. На первых порах не хватало топографических карт. Войска с большим трудом определяли свое местонахождение, затруднялись в ориентировании. В таких условиях они очень нуждались в помощи военных топографов. А они не только выполняли полевые работы в интересах пехоты и артиллерии, участвовали в бесперебойном обеспечении частей картами, но и занимались дешифрированием

аэрофотоснимков, полученных авиаразведчиками. Выявленные данные о противнике оперативно впечатывались на карту и представлялись в штаб фронта. Обстановка требовала быстроты исполнения, и дешифровщики, выполняя боевые задания в интересах войск, нередко работали беспрерывно сутками.

Из-за недостаточной изученности отдельных участков местности, слабо обеспеченных ориентирами в полосе действия войск фронта, в топографическом отделе составлялись фотосхемы узлов сопротивления противника, предназначенных для обеспечения артиллерии координатами целей. Его силами проводилась также маршрутная съемка вдоль позиций переднего края. По данным аэрофотоснимков изготовлялись для артиллерии огневые планшеты на всю линию участка фронта армии. Подготовка к стрельбам, вплоть до засечки разрывов снарядов, проводилась на полной геодезической основе.

Помимо топографических карт в отделе издавались дорожные, танковые, кодированные и специальные карты, карты танкоопасных направлений, условные обозначения и знаки основных тактических объектов, инженерных сооружений. На все оперативные направления составлялись подробные военно-географические описания, на отдельные наиболее важные участки фронта изготавливались рельефные карты, создавались “миниатюр-полигоны”.

19 сентября “за добросовестное выполнение работ в тяжелых условиях” личный состав 40 мто был поощрен начальником Свирского УРа. В этот же день было получено приказание о перебазировании отряда в Петрозаводск. Расстояние 120 км было преодолено за два дня, без потерь. Дви-

жение осуществлялось вдоль берега Онежского озера по узкой полосе, еще не занятой противником.

В Петрозаводске между тем выяснилось, что обстановка там сложилась крайне тяжелая — шла эвакуация промышленных предприятий, государственных учреждений и гражданского населения. В связи с этим было принято решение железнодорожным эшелоном двигаться дальше на север.

27 сентября на перегоне Кондопога—Лижма эшелон с личным составом и техникой 40 мто попал под удары авиации противника. Тогда был убит младший командир С.М. Пестин. Это была первая потеря в отряде. Через трое суток прибыли в Беломорск. Штаб разместился в городе, отделения же выехали на выполнение боевых заданий.

В октябре 40 мто был передан в подчинение топографического отдела штаба Карельского фронта, где его личный состав обеспечивал артиллерию опорной геодезической сетью, а войска — боевой графической документацией и топографическими картами, наносил на карты боевые порядки войск, проводил занятия по военной топографии с командирами.

Вскоре отряд получил пополнение: прибыли геодезическое отделение и несколько топографов из Ленинграда. К этому времени за отличное и своевременное выполнение заданий орденом Красной Звезды был награжден начальник отделения капитан Филатов, медалью “За боевые заслуги” — топографы Лесницкий и Цехновичер, медалью “За отвагу” — топограф Чернухин.

В 1942 году объем работ значительно увеличился: стали выполняться маршрутная съемка важных оперативных направлений, тактическое дешифрирование позиций противника и уточнение его переднего края, крупномасштабная то-

пографическая съемка городов, развитие опорной геодезической сети и составление каталогов координат пунктов.

В созданной своими силами фотолитографии отряда начали издавать многокрасочные карты, с помощью сконструированного фотоуменьшителя — оперативно и точно переносить тактические объекты с дешифрированных фотосхем на карты, составлять схемы расположения узлов обороны противника и др. В этот период авторитет военных топографов и геодезистов поднялся на небывалую высоту. Их стали заслуженно называть “глазами армии”, облегчавшими решение боевых задач и существенно снижавшим потери.

В начале мая 1942 года войска Карельского фронта осуществили прорыв обороны противника на правом фланге кестеньгского направления. Для топографического обеспечения боевых действий войск из 40 мто была выделена группа в составе четырех офицеров-геодезистов и 15 солдат. В их задачу входило следовать непосредственно за пехотой и обеспечивать артиллерию опорной геодезической сетью для привязки огневых позиций батарей. Кроме того, ими определялись координаты батарей противника и координаты геодезических пунктов соответственно по засечкам огневых вспышек и трассирующим пулям. Работать приходилось при постоянном артиллерийском и огневом воздействии противника, на минных полях. Несмотря на это координаты опорных точек передавались артиллеристам своевременно и служили им хорошим подспорьем в бою.

Успехи личного состава 40 мто были по достоинству оценены командованием фронта — 19 человек были награждены боевыми орденами и медалями. Среди них были подполковник Е.П. Львов, майор А.И. Василенко, старший лейтенант И.О. Тараканов и др.

1943 год для Карельского фронта был годом стабильной обороны и подготовки к решительным боям с немецко-фашистскими захватчиками. В этот период в полосе фронта была развита довольно плотная опорная геодезическая сеть, проведена топографическая съемка местности на важнейших оперативных направлениях, изданы наиболее ходовые и пользующиеся в войсках повышенным спросом карты, боевые графические документы, изготовлены рельефные карты.

В течение 1943 года орденами и медалями были награждены 12 офицеров, сержантов и солдат отряда. Среди них капитаны Захаров и Матвеев, сержант Морозов, ефрейтор Орлов, рядовой Грошев и др. Высокое политико-моральное состояние личного состава, его сплоченность и организованность способствовали успешному выполнению стоящих перед ним боевых задач.

Летом и осенью 1944 года войсками Карельского фронта были проведены успешные наступательные операции по освобождению советской территории в Карелии и Заполярье. При подготовке операций и в ходе их проведения топографический отдел штаба фронта выполнил большой объем заданий по топографическому обеспечению войск. “В период наступления, когда огневые позиции часто менялись, — вспоминал позже член военного совета Карельского фронта генерал-майор Г.Н. Куприянов, — топографы шли вместе с артиллерией и помогали быстро “привязывать” артиллерию к новым позициям. Я наблюдал стрельбу одной из батарей 86-го артполка до и после привязки. Разница была колоссальной... Топографы фронта проделали очень большую работу по дешифрированию аэроснимков, вскрывая оборону противника и изготовляя разведсхемы... Наконец топографы во многом помогли пехоте, уточняя и сверяя с картой огневые

точки и передний край обороны на большинстве направлений…”.

В этот период особо отличился 40 мто, личный состав которого сумел за короткий срок и с высоким качеством обновить топографическую карту на значительную часть территории Карелии. Это позволило войскам уверенно ориентироваться в лесисто-болотистой местности с очень похожими озерами и скалистыми вершинами гор, а штабам надежно управлять ими.

В целом же только с января по октябрь производственными отделениями 40 мто было изготовлено 22 фотосхемы, дешифрировано 11 617 тактических объектов противника, выполнено топографическое дешифрирование на 135 снимках, развита фото-триангуляция на площади 314 км2, получены координаты 470 точек, изготовлено 18 фототриангуляционных и фоторепродукционных основ, составлено 18 картосхем городов, исправлено три листа трофейных карт, перенесено 7500 объектов на разведсхемы. Кроме того, для всех оперативных направлений фронта отрядом во взаимодействии с топографическими службами армий были изготовлены в потребном количестве разведывательные, ориентирные и аналитические карты, рельефные и кодированные карты, карты опорной геодезической сети, разработаны военно-географические справочники (на кандалакшское, кестеньгское и ухтинское направления).

Большая и кропотливая работа скромных тружеников войны — геодезистов, топографов и картографов — снискала к ним большое уважение в войсках Карельского фронта, а Родина по достоинству оценила их труд. 20 сентября 1944 года от имени Президиума Верховного Совета СССР отряду было вручено Боевое Красное Знамя, его личный со-

став награжден 74 орденами и медалями, в том числе 50 медалями “За оборону Ленинграда”. В числе награжденных были майоры Рубцов и Яценко, капитан Королев, старшие лейтенанты Медонов и Суховаров.

15 ноября 1944 года в связи с выходом Финляндии из войны Карельский фронт расформирован. Полевое управление фронта было выведено в резерв, а в апреле 1945 года — переброшено на Дальний Восток, где на его базе было создано управление 1-го Дальневосточного фронта. На войну с Японией были направлены бывшие начальники топографических служб фронтов полковники М.Н. Мондрус (Ленинградского) и А.И. Ардаев (Карельского), ряд бывших командиров топографических отрядов, в том числе и подполковник Е.П. Львов (40 мто).

24 ноября 40 мто, которым командовал майор Л.З. Гуревич, был переведен в распоряжение Военно-топографического управления Генерального штаба для топографической съемки бывшей финской территории — района населенного пункта Петсамо (Печенга). Техническое руководство отрядом возлагалось на топографический отдел Ленинградского фронта.

С начала 1945 года командование отряда приступило к плановой подготовке личного состава к предстоящим полевым работам, изучению района работ по имеющимся материалам и данным рекогносцировок. В марте—апреле подготовительные мероприятия были завершены. Однако серьезные трудности возникли при организации полевых баз, так как в зимнее-весенний период не удалось заблаговременно завести продовольствие и имущество в удаленные от дорог районы.

7 мая отряд во главе с новым его командиром подполковником В.П. Родюковым убыл и 8 мая прибыл в Мурманск.

Дальнейший маршрут лежал морем до пристани Титовка, а далее на автомобилях до поселка Луостари. В пути отряд настигла радостная и долгожданная весть — Победа!

С 17 мая победного 1945 года начались полевые работы. Они проходили в исключительно тяжелых условиях заполярной тундры. К тому же многие участки, подлежащие съемке, были заминированы. Но личный состав отряда, имеющий добротную фронтовую выучку, успешно справился с заданием. В сентябре состоялась приемка работ в полевых условиях. Оценки за труд были высокими.

В июле отряд был введен в состав войск Беломорского военного округа, а после окончания полевого сезона — передислоцирован в бывший финский город Сортавалу. В ознаменование четвертой годовщины со дня образования отряда всему личному составу были вручены медали “За оборону Советского Заполярья”.

В послевоенные годы 40 мто выполнял плановые задания по топогеодезической подготовке Северо-Западного ТВД в основном на территории Карелии и Мурманской области. Нередко в местах былых боев гремели взрывы — на минах подрывались и офицеры, и солдаты отряда.

В 1970—1972 годах в местах, где проходили передовые рубежи Карельского фронта, в составе 40 мто (с 1968 г. — 40-го топогеодезического отряда) выполнял топографо-геодезические работы и автор этих строк. Тогда его непосредственными начальниками и наставниками были ветераны Великой Отечественной войны майоры В.Г. Рыбников (начальник топографического отделения) и В.И. Кузьмин (командир роты топогеодезического обеспечения).

Особенно запомнился 1971 год, в течение которого лейтенанты М.Башмаков, В.Глушков, И.Кравцов, Э.Кравцов,

Е.Кабанов, В.Кириллов, М.Колесников, П.Липейко, А.Марков, Н.Петров, В.Рылов, Г.Янченков и др. — недавние выпускники Ленинградского высшего военно-топографического командного училища, наиболее близко соприкоснулись с военным прошлым, что было очень важно для их становления в офицерских должностях и дальнейшей служебной деятельности.

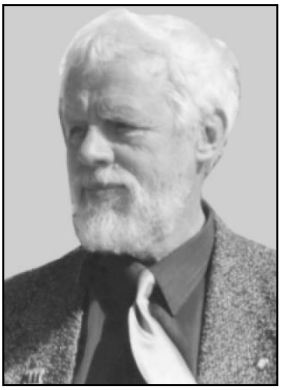
Весной того года были проведены широкомасштабные тактико-специальные учения в составе войск Ленинградского военного округа. Отряд, которым командовал майор А.А. Псарев (службу завершил генерал-лейтенантом), подняли ночью по тревоге и загрузили в эшелон. Через сутки прибыли на станцию Кола, что на севере Кольского полуострова. Также ночью разгрузились и маршем на машинах с солдатами, имуществом и приборами выехали по дороге Мурманск — Никель в район выполнения работ по развитию опорной геодезической сети для ракетной бригады.

Две с лишним недели “войны” в снегах Заполярья, где в годы Великой Отечественной советские войска противостояли отборным егерям немецкой армии “Норвегия”, стали хорошей школой для всего личного состава отряда и офицеров 1-го геодезического отделения, начальником которого был капитан В.С. Хитров (службу завершил полковником), а геодезистом 1-го разряда — автор этих строк.

После такой выучки, приближенной к боевой, летний полевой сезон в условиях Крайнего Севера прошел благополучно. Геодезисты успешно развивали триангуляцию 2—3 классов на островах Баренцева моря, куда команды и имущество забрасывали вертолетом, а также в местах былых сражений Великой Отечественной войны – на полуостровах Рыбачий и Средний. Напоминали об этом минные поля, колючая

проволока, неглубокие, полуразрушенные могилы, отлично сохранившиеся немецкие дзоты, разбитая боевая техника, ржавые боеприпасы…

Был случай, когда переход с пункта на пункт пришлось осуществлять след в след: впереди с большим отрывом начальник команды лейтенант В.Глушков, за ним его солдаты. Причиной этого стала ржавая табличка военных лет “Осторожно, мины!”, обнаруженная на пути движения. Обойти перешеек не было возможности — по краям болото, идти по нему рискованно, но необходимо. Слава Богу, обошлось. Пожалуй, тогда у автора этой статьи, написанной по материалам воспоминаний фронтовиков и боевой летописи 40 мто, родилась идея глубоко изучить опыт топогеодезического обеспечения войск во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов и когда-нибудь рассказать об этом новым поколениям военных топографов. Идея эта, к счастью, частично осуществилась: она нашла воплощение в научно-педагогической деятельности, ряде публикаций разных лет, а также в настоящем сборнике.



С.В. ТРОФИМОВСКИЙ

Трофимовский Сергей Васильевич (р. 1936). Во время Великой Отечественной войны жил в Ленинграде, в том числе все 900 дней его блокады. Окончил ЛВТУ (1958). Топограф 2-го разряда 3-го топографического отряда (1958—1962), командир взвода (1962—1968) и роты (1968—1974) курсантов ЛВТКУ, командир батальона обеспечения ЛВВТКУ (1974—1980). Является одним из лучших командиров-воспитателей курсантов в послевоенной истории училища. Военную службу завершил начальником лаборатории специального факультета ЛВВТКУ (1985—1987). Заведующий музеем ЛВВТКУ (1987—2014), председатель президиума Совета ветеранов военных топографов Ленинградского военного округа (1988—2014). Подполковник.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Великая Отечественная война! Время стирает остроту былых лет, подробности отдельных эпизодов. Уходят из жизни активные участники боев за честь, свободу и независимость нашей Родины.

К большому сожалению, интерес к прошлому, к действительно Непобедимой и Легендарной Советской Армии проявляется все меньше и меньше... Однако есть еще энтузиасты, настоящие патриоты нашей страны, Топографической службы Вооруженных Сил, которые по крупицам собирают и обобщают опыт прошлых военных лет, доносят его до современного читателя. К их числу относятся составитель и издатели этого замечательного сборника воспоминаний военных топографов— участников боев на полях Великой Отече-

ственной войны. Большое им спасибо и признательность за проделанную работу!

О многих ветеранах-фронтовиках, в разные годы служивших в нашем Военно-топографическом училище, ныне именуемом 7-м факультетом “Топогеодезического обеспечения и картографии” Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, можно было бы многое рассказать. Вспомним их здесь поименно: Л.К. Антипов, В.Ф. Балагутдинов, Д.И. Белонучкин, С.М. Борисенко, Н.Я. Вершинин, Г.Н. Вожик, Г.Л. Грозовский, А.З. Домасев, В.В. Егоров, А.Г. Зубенко, Н.С. Иванушкин, П.Г. Коновалов, А.В. Корнилов, В.С. Кисловской, В.П. Литвиненко, Н.Т. Мачнев, Н.Я. Николаенков, Н.В. Набоких, В.Ф. Поляков, К.М. Прокофьев, В.К. Паршуков, М.П. Потапов, Ю.П. Сорокин, А.Ф. Соловьев, И.П.Стотыка, П.П. Симонов, М.С. Собокарь, В.Н. Смирнов, А.М. Терентьев, А.К. Ткачев, А.Т. Толочко, В.П. Фролов, А.И. Федоров, С.И. Хмелевский, Г.З. Храмов, О.Г. Чистовский, И.М. Щербенко, Б.К. Шустов, П.И. Шуваев, Б.Д. Яровой.

Почти всех их я хорошо знал, у некоторых учился, служил под началом, нередко встречался, беседовал, слушал их воспоминания. К сожалению, из вышеперечисленных в настоящее время в живых осталось только четверо...

Далее я хотел бы коротко рассказать о моих старших и уже ушедших от нас сослуживцах по училищу, о ветеранах-фронтовиках, к боевым наградам Великой Отечественной войны которых прибавились ордена и медали за службу Родине в мирное время.

Полковник Владимир Владимирович Егоров. 16 июля 1941 года поступил в наше училище, а после его окон-

чания, с начала 1943 года прошел по фронтовым дорогам от подмосковной Вязьмы. Через Смоленск, Оршу, Витебск, Минск, Вильнюс, Каунас до Кёнигсберга. Был контужен под Ярцевым.

Первая боевая награда — медаль “За отвагу”, была получена им, еще молодым необстрелянным лейтенантом, когда на головной машине в составе танкового батальона осуществлял рейд по тылам противника с целью перерезать шоссе Москва — Минск. Фактически он был колонновожатым. Требовалось по лесам, болотам, бездорожью с боями выйти к намеченной точке. Попробуйте пройти этим маршрутом в мирное время! Фильм бы снять по такому сюжету.

Позже за боевые заслуги Владимир Владимирович был награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями “За взятие Кёнигсберга” и “За Победу над Германией”. Но с особой теплотой вспоминал ветеран войны, командир батальона курсантов в училище ту, первую награду — “За отвагу”.

Полковник Павел Георгиевич Коновалов. Через десять дней после начала войны был призван в ряды Красной Армии. После недолгой подготовки в резервной учебной дивизии состоялось боевое крещение. Это было на правом берегу Дона. Его боевым оружием была знаменитая “сорокопятка”, именуемая в пехоте “прощай, Родина”. Маленькая, но грозная пушка. Когда в сентябре 1942 года с боями вышли к Сталинграду, его тяжело контузило. Три недели лечился в медсанбате. Из дивизии, включая раненых, через Дон переправились только 87 человек (неполного состава рота). На правом берегу Волги, после короткого отдыха пополнились людьми, боеприпасами и снова ринулись в сталинградское пекло.

В тот период его боевой путь в должности старшего разведчика-корректировщика батарей тяжелых орудий едва не закончился. Была ровная, как поверхность воды, степь, батарею разместили в овраге. Пришлось встать во весь рост. Оттуда ничего не видно. Стало очевидно — большой урон врагу несут его точные засечки! Но засекли и его! Первый вражеский выстрел — перелет, второй — недолет. “Ну! — подумал Павел, — третий точно мой”. Схватил каску, лежащую на бруствере окопа, надел на голову и быстро спрыгнул вниз. Но, раньше, чем ноги коснулись земли, осколки в двух местах пробили каску, пилотку, порвали в клочья кожу, поцарапали (к счастью только поцарапали) черепную кость головы. В медсанбат идти отказался.

Второе ранение, полученное в последних числах ноября 1942-го, вывело его из строя надолго.

За ту корректировку огня батареи П.Г. Коновалов был награжден медалью “За отвагу”. Это была самая дорогая его сердцу награда. Потом были орден Красной Звезды, медали “За оборону Сталинграда”, “За Победу над Германией”.

После лечения как специалист-артиллерист, знающий топографический инструмент, он попал в 10-й топографический отряд, дислоцирующийся в Павловске-на-Дону. В отряде занимался съемкой прифронтовой полосы, а в 1943 году его направили на учебу в наше училище, в котором много лет спустя он стал начальником кафедры картографии (1972—1977 гг.).

Человек скромный, офицер широко эрудированный, горячо любящий профессию, он был для нас, курсантов, образцом для подражания.

Полковник Святослав Игоревич Хмелевский. Война застала его, студента 3-го курса Ленинградского топографи-

ческого техникума, на практике под Калинином. В марте—апреле 1942 года он был курсантом Камышинского бронетанкового училища.

Непосредственное участие в боевых действия принимал с 3 августа 1943 года до конца войны. В сентябре 1945 года стал курсантом нашего училища. После службы в частях ВТС, учебы в академии прошел путь от преподавателя до заместителя начальника кафедры фотограмметрии училища. Став гражданским человеком, работал на Кубе, где передавал свой богатый боевой и педагогический опыт в Военном университете.

А опыт за годы войны и мирных лет у него накопился огромный. Во время Великой Отечественной прошел с боями от Сталинграда до Ростока, был дважды ранен.

Когда в составе гвардейского танкового корпуса участвовал в прорыве переднего края противника, то попал в окружение. В ходе боев взяли в плен власовца — здоровенного 40-летнего мужика. Приказ доставить “языка” в штаб корпуса за линию фронта получил сержант Хмелевский. Приказ был выполнен. Святослав Игоревич один привел власовца, что там привел — притащил! Первая медаль — “За боевые заслуги” украсила его грудь.

Как-то на поляне обнаружили самоходку противника, Хмелевский дал команду окопаться, а сам заполз сбоку и забросал ее гранатами. Экипаж перебили, орудия вывели из строя. Медаль “За отвагу”, кстати, очень престижная для воина была наградой за это.

В музее училища сохранилась выписка из партийной рекомендации: “В боевой обстановке проявляет мужество и храбрость. Во время боя, у населенного пункта Долгово, загорелась штабная машина с секретными документами. Стар-

ший сержант Хмелевский лично вынес из огня документы, организовал тушение машины, за что был награжден орденом Красной Звезды…”.

Помимо вышеперечисленных наград наш преподаватель и наставник полковник С.И. Хмелевский был награжден орденом “Отечественной войны” и медалями “За оборону Сталинграда”, “За взятие Кёнигсберга”, “За освобождение Варшавы”, “За Победу над Германией”.

Мы, курсанты училища 50-х годов прошлого века, были влюблены в стройного, высококультурного, требовательного и знающего преподавателя фотограмметрии. В этой должности он служил в 1957—1972 годах.

М.Е. СИНЬКЕВИЧ

Синькевич Михаил Ефимович (р. 1940). Бывший несовершеннолетний узник фашистского концлагеря*“ *Озаричи*” *(1944). Окончил ЛВТУ (1959) с отличием, заочно Московский полиграфический институт (1966), заочно геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1979) с отличием. Военную службу завершил начальником научного отдела 29 НИИ МО (1994). Кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации, Почетный геодезист. Член-корреспондент Академии военных наук и Академии инженерных наук им. А.М. Прохорова, действительный член Международной академии авторов научных открытий и изобретений. Лауреат премии им. Ф.Н. Красовского за работу “Военно-картографический железнодорожный комплекс.” Полковник.

КАРТОГРАФИЧЕСКАЯ ФАБРИКА НА КОЛЕСАХ

Этот поезд — состав особого назначения, который по совокупности своих военно-технических возможностей стоит дюжины современных бронепоездов. Сделанные на заказ вагоны внешне напоминают обычные, но внутри размещено уникальное оборудование, которое используется в интересах, как высшего военного командования, так и непосредственно боевых и специальных частей. Речь идет о технике для проведения картографических и картоиздательских работ, выпуска разного рода информационных материалов, столь необходимых при планировании, организации взаимодействия и ведении боевых операций. Образно говоря, это целая военно-картографическая фабрика на колесах. Откроем еще одну "военную тайну". Подобного поезда нет ни в одной стране

мира, ни в одной армии. Создание и функционирование поезда обусловлены геополитическими особенностями нашей страны, потому что таких пространств, таких протяженных границ в других государствах нет.

У поезда уникальная история, как у особой воинской части на колесах. Она уходит корнями в тревожное время Великой Отечественной войны. План создания части разработал военинженер 1 ранга Зиновий Вениаминович Кравчинский, он же стал ее первым командиром. Почему было решено расквартировать часть в поезде? Как ни тяжела была тогда обстановка на фронтах, в Генеральном штабе РККА уже предвидели перелом в ходе войны и заглядывали в будущее.

Мало кто знает, что в 1942 году, за три года до Победы, военные картографы получили задание приступить к составлению плана Берлина — логова германского фашизма. К тому времени у командования Красной Армии уже был создан определенный задел. Еще осенью 1941-го, во время тяжелейших боев за Москву, самолеты воздушной разведки с подмосковных аэродромов совершали ночные вылеты к Берлину, длившиеся по шесть-восемь часов. Материалы, отснятые над столицей “третьего рейха” и другими крупными городами, расшифровывались фотограмметристами. Интересно, что такие дальние полеты советские летчики совершали не только на наших машинах Ил-4, но и на немецких “Дорнье” Do-215, закупленных у Германии еще в довоенное время. Средства берлинской зоны ПВО не открывали огонь по “Дорнье”, принимая их за своих...

Итак, в интересах планирования грядущих наступательных операций требовались миллионы экземпляров топографических карт и других графических документов. Для большей мобильности и оперативности решили создать часть

в специальном поезде. Но легко сказать — решили. Ведь почти вся техника была эвакуирована на восток. Плоская литографская машина, литографский шрифт, резальный и копировальный станки, фотоаппарат, центрифуга — это все, что удалось поначалу раздобыть для поезда.

Начальник штаба Калининского фронта генерал-лейтенант М.В. Захаров утвердил штатное расписание части и незамедлительно направил в Генеральный штаб РККА для оформления. В июне 1942 года завод имени В.Е. Войтовича в Москве приступил к выполнению особого задания — строительству специального поезда, состоявшего из шести вагонов. В документах он значился как поезд-литография Военно-топографической службы Красной Армии (ВТС КА).

11 сентября к уже готовому составу прибыл начальник Военно-топографического управления Генерального штаба (ВТУ ГШ) генерал-майор технических войск М.К. Кудрявцев. Командир части З.В. Кравчинский отдал рапорт. Генерал прошел вдоль застывших шеренг. Пристально вглядываясь в лица бойцов, он, казалось, хотел предугадать, что ждет их на фронте. Затем начальник ВТУ ГШ рассказал о задачах, которые предстоит решать картографам в боевой обстановке, и пожелал успехов. На следующий день поезд особого назначения, постукивая колесами на стрелках, убыл в распоряжение штаба Воронежского фронта. Как записано в историческом формуляре части, “16 ноября в поезд поступило срочное задание по печати пяти листов карты масштаба 1:100 000 на район предстоящего прорыва для 6-й армии Воронежского фронта. За одну ночь было отпечатано 10 тыс. экземпляров карт…”.

Бойцы и командиры поезда знали: коль поступил ответственный заказ — жди наступления. Одновременно с боевой

работой шли занятия по специальной подготовке. Надо было в кратчайший срок ввести в строй новобранцев, так как объем заказов значительно возрос. Теперь картографы выполняли их и для других фронтов.

В декабре 1942 года личный состав поезда-литографии выпускал продукцию для Юго-Западного фронта. В бланковые карты впечатывались разведданные. Для наступавших частей были изготовлены подробные планы городов и железнодорожных станций Каменск, Миллерово, Морозовск, Тацинская и других населенных пунктов. В планы наносилась оперативная обстановка по данным авиаразведки. Для координации этик работ в часть прибыл воентехник 1 ранга Г. Каменский. С самого начала у него установились деловые и дружеские отношения с капитаном М. Зиминым. Опытный картограф Михаил Зимин сделал все, чтобы представитель Юго-Западного фронта в срок доставил своему командованию необходимые карты и планы.

Как вспоминает полковник в отставке З.В. Кравчинский, “специфическими условиями работы поезда-литографии во время войны являлись его привязанность к железной дороге и связанная с этим сложность укрытия поезда от вражеской авиации. Более пятидесяти раз поезд подвергался нападениям с воздуха, но удачный выбор места расположения в одних случаях, маневр — в других позволили сохранить личный состав и материальную часть. За все годы войны было разбито два вспомогательных вагона, а потери в людях составили два человека. Особенно запомнился такой случай.

Весной 1943 года поезд стоял на станции Лиски. 26 марта во второй половине дня I50 вражеских самолетов прорвались к станции, несмотря на огонь нашей зенитной артил-

лерии. Личный состав поезда по тревоге укрылся в убежищах, расположенных неподалеку от ветки, на которой стоял поезд. У поезда остались лишь два офицера и часовой. После первого захода вражеских бомбардировщиков вся станция была охвачена огнем, большинство путей было повреждено, некоторые составы разбиты, но поезд-литография уцелел, хотя в нем не осталось ни одного целого окна. Увидев, что самолеты противника развертываются для второго захода, мы попросили машиниста паровоза, случайно оказавшегося на нашей ветке, помочь спасти поезд, отведя его в более безопасное место. Машинист согласился, и мы двинулись, стремясь попасть на уцелевшие пути выхода со станции. Сделать это удалось не сразу, однако, когда вражеские самолеты вторично появились над станцией, поезд был от нее уже в шести километрах.

Тогда мы и потеряли одного из наших товарищей: старшина Стрижев погиб при прямом попадании бомбы в укрытие... Глубокие воронки и развороченные рельсы на старом месте стоянки свидетельствовали о том, что ожидало поезд, если бы не удалось вовремя вывести его из-под удара. К утру личный состав поезда уже продолжал выполнение задания, хотя ветер и гулял беспрепятственно в вагонах...”.

Однако ни бомбардировки с воздуха, ни артобстрелы не могли заставить персонал поезда прервать работы. Когда не хватало бумаги, печатали на оборотной стороне трофейных немецких карт. Заказы, как правило, выполнялись за одну ночь, а утром самолетами отправлялись в войска.

В ходе боев отрабатывалось взаимодействие картографов с офицерами штабов, разведчиками, артиллеристами, инженерами. Теснее всего офицеры поезда взаимодействовали с летчиками разведывательной авиации. Вечером, когда

командир авиаполка получал задание на ведение разведки, картографам сообщался район предстоящей аэрофотосъемки. За ночь в поезде готовились оригиналы бланковой карты и печатные формы. Когда в разведполку получали фотоотпечатки и схемы, в результате дешифрирования устанавливали, для какого района нужно печатать бланковые карты. В поезде на них переносили объекты, и на следующий день командиры частей уже располагали данными для принятия решения.

В боях на Воронежском фронте орденами и медалями были отмечены военинженер 1 ранга З.В. Кравчинский, инженер-капитан Л. Кованов, старший техник-лейтенант Г. Чеславский, другие картографы. При подготовке Белгородско-Курской операции персонал поезда-литографии изготовил тысячи экземпляров карт, по которым командиры всех родов войск вели в бой своих солдат.

Во фронтовых условиях в поезде было налажено производство и более сложных (рельефных) карт для крупных штабов, в том числе для Ставки Верховного Главнокомандования. С ними работали маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский, генерал Н.Ф. Ватутин, другие выдающиеся военачальники. И, наверное, обдумывая над этими картами планы фронтовых операций, Г.К. Жуков и А.М. Василевский не раз добрым словом помянули мастерство военных картографов. “В течение двух лет Отечественной войны, — говорится в рапорте начальника разведотдела 1-го Украинского фронта генерал-майора Ленчика начальнику топоотдела фронта генерал-майору Харину, — для разведотдела штаба 1-го Украинского фронта систематически выполнялись заказы поездом-литографией ВТС Красной Армии по изготовлению массовым тиражом различных карт оборонительных сооружений и группировок противника. Обращает

на себя внимание исключительно добросовестная работа офицерско-сержантского и рядового состава…”.

26 января 1945 года поезд-литография, следуя за наступающими войсками 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, прибыл на станцию Развадув (Польша). Почти весь личный состав участвовал в трудоемкой работе по перестановке колесных пар на европейскую колею (она уже российской на 9 см). Работу завершили лишь 7 февраля 1945 года. Одновременно выполнялись спецзаказы для войск и штабов: печатались в три краски восемь листов карт в масштабе 1:1 000 000 общим тиражом 19 тыс. экземпляров.

Утром 9 февраля 1945 года поезд-литография убыл со станции Развадув и в 16 часов пересек польско-германскую границу. 12 февраля состав прибыл на немецкую станцию Крайцбург. Причем в пути, впервые на ходу, выполнялись специальные работы. Параллельно с работой над текущими заказами специалисты поезда с 15 по 25 февраля выполняли особое поручение командования — составляли детальный план Берлина в масштабе 1:50 000. В преддверие наступления печатные машины работали круглосуточно.

Самоотверженная работа личного состава получила высокую оценку. 4 марта в часть поступила выписка из указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1945 года. Ее зачитали на митинге бойцов и командиров. В ней говорилось: “За образцовое выполнение заданий командования в боях при прорыве обороны немцев западнее Сандомира и проявленные при этом доблесть и мужество наградить орденом Красной Звезды поезд-литографию Военно-топографической службы Красной Армии…”. А вскоре первый и бессменный командир части — начальник поезда под-

полковник З.В. Кравчинский передал свои обязанности назначенному на эту должность майору И.Н. Хирману.

4600 огненных километров — таков путь Краснознаменной ордена Красной Звезды картографической части, которая на колесах поезда особого назначения прошла по железным дорогам СССР, а затем Польши, Германии, Чехословакии, Австрии. В боевых действиях с 1942 года и до конца войны личный состав поезда-литографии выпустил 3 801 576 экземпляров карт и боевых графических документов.

Д.И. БЕЛОНУЧКИН

Белонучкин Дмитрий Иванович (1921—2013). Окончил Пензенский Лесотехнический техникум (1940), Иркутскую школу младших специалистов ВТС (1941), ЛВТУ (1942), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1956). Топограф 38-й гвардейской стрелковой дивизии 1-й гвардейской армии Юго-Западного фронта (1942—1943), топограф 2-го разряда 5-го топографического отряда (1943—1944), топограф 2-го и 1-го разрядов 64-го моторизированного топографического отряда (1944—1950), преподаватель и старший преподаватель картоиздания ЛВТУ (1956—1958). Военную службу завершил заместителем начальника кафедры картографии ЛВВТКУ (1971). Полковник.

С ЧУВСТВОМ ВЫПОЛНЕННОГО ВОИНСКОГО ДОЛГА

Службу в Красной Армии я начал с октября 1940 года. Окончив Пензенский лесотехнический техникум, я получил там некоторые познания в области геодезии. Учитывая это, Пензенский горвоенкомат призвал меня на службу в Иркутскую школу младших специалистов Военно-топографической службы (ВТС).

Эта школа была самостоятельной войсковой частью, насчитывала примерно 120 человек курсантского состава. Учеба в школе оставила у меня неизгладимое впечатление исключительно образцового уставного порядка и воинской дисциплины. Обеспечение курсантов всем необходимым для обучения, отличным питанием и прекрасным обмундированием создавало у курсантов хорошее морально-психологическое настроение.

Начальником школы был майор Ковин, его заместителем — капитан Файдун. Командирами курсантских взводов были выпускники Ленинградского военно-топографического училища (ЛВТУ), старшиной курсантской роты — наш любимец Л.Л. Котиков. Курс военной топографии вел капитан П.А. Терский. Аналогичная школа подготовки младших специалистов ВТС, но картоиздательского профиля, была в Харькове.

С началом Великой Отечественной войны деятельность школ младших специалистов в Иркутске и Харькове была прекращена. Курсанты, получив сержантские звания, были распределены в войсковые части ВТС (на картографические фабрики и в отряды), в основном Забайкальского и Дальневосточного округов. Я был направлен чертежником-картографом в город Чита на Военно-картографическую фабрику, которая издавала картографические документы по материалам демаркации района Халхин-Гола, где советские войска разгромили японских самураев. Руководил этими работами заместитель начальника Военно-топографического управления Генерального штаба генерал-майор Ф.Я. Герасимов.

После разгрома Красной Армией немецко-фашистских войск под Москвой и успехов на других фронтах империалистическая Япония вынуждена была отказаться от ранних планов нападения и захвата советского Дальнего Востока. Пришел черед нам, выпускникам школы младших специалистов, ехать на Запад.

Меня и моих друзей А. Пивоварова, А. Бирюкова и других в апреле 1942 года направили на учебу в ЛВТУ, которое к этому времени было эвакуировано в поселок Абабково Павловского района Горьковской области.

Училище было расположено на территории военного городка (бывшего штрафного батальона). В двух корпусах были размещены учебные и специальные классы; в штабном здании — штаб, библиотека и медчасть; в четвертом здании — столовая, курсы усовершенствования офицерского состава; имелись также клуб и несколько домов для постоянного состава. Офицеры с семьями жили в поселке Абабково и ближайших деревнях. Помещений для казарменного размещения курсантов не было. Мы сами строили для себя землянки с двухъярусными нарами, отапливаемые печками — “буржуйками”.

Учебные классы слабо освещались, зимой плохо отапливались; курсанты сидели на занятиях в шинелях. Не хватало мебели (столов и стульев), не доставало учебных пособий, бумаги, чертежных принадлежностей и др. Курсанты ежедневно были заняты восемь часов учебных и два часа самостоятельной подготовки. Ежедневно один взвод уходил в лес для заготовки дров. Остальные курсанты с утра (до занятий) вывозили дрова на санках для отапливания помещений и столовой.

Учебные занятия вели преподаватели: топографию — И.С. Береснев, фототопографию — А.П. Жорников, геодезию — Федорченко, математику — В.М. Бессонов, черчение — Г.И. Бровкин, тактику — Серебрянников, физическую подготовку — Качан, военную администрацию — П.С. Паша.

Курсанты были распределены в пять учебных отрядов (рот). Нашим 5-м отрядом командовал В.Д. Пушкин, его заместителем был И.К. Гомон, начальником учебного отдела был М.А. Климонтович, начальником училища — К.Н. Харин, а с июля 1942 года — П.С. Паша.

После зимнего обучения 1942 года мы приступили к полевой летней практике на территории Горьковской области. Каждый взвод делился на два отделения. Руководителем практики 2-го отделения, в котором я состоял, был старший лейтенант А.И. Бобраков. Мы разместились в селе Медоварцево на арендуемой половине дома. Хозяйка готовила для нас пищу из наших продуктов, завозимых нам из училища. Руководитель практики жил с семьей в другом, также арендуемом доме.

Каждому курсанту было предусмотрено заданием выполнение мензульной съемки небольшого участка местности, нивелирные и теодолитные наблюдения, вычисление их результатов. Выполненные практические работы оценивались руководителем практики. После летней практики мы вернулись в Абабково для продолжения занятий в училище.

1942 год был годом крупнейших сражений на фронтах Великой Отечественной войны, в их числе была Сталинградская битва. На фронте войны недоставало военных топографов. В штабах войсковых соединений была учреждена должность начальника топографической службы.

В связи с этим наше училище в 1942 году произвело два выпуска военных топографов (основной и дополнительный). В числе дополнительного выпуска я был направлен на Юго-Западный фронт, который участвовал в Сталинградской битве. Волей судьбы я стал топографом 38-й стрелковой дивизии 1-й гвардейской армии Юго-Западного фронта. На топографа дивизии тогда возлагались следующие основные обязанности:

1. Обеспечение и выдача войскам дивизии топографических карт и других боевых графических документов. Карты получали в топографическом отделении штаба армии и при-

возили транспортом дивизии. По расчету и нормам обеспечения дивизия и ее части получали карты на полосу своих боевых действий в обороне или наступлении, с учетом зон перекрытия на флангах с соседними дивизиями.

Следует отметить, что выдаваемые войскам карты по своему содержанию были устаревшими. Боевые действия изменяли облик местности: разрушались ориентиры, геодезические пункты и даже целые населенные пункты. Ужасен был в грудах развалин и пожарищ непобежденный Сталинград!

2. Отслеживание на переднем крае действий противника и нанесение данных на карту. Эту работу приходилось выполнять, находясь в первой траншее своих войск с биноклем в руках, перемещаясь, согнувшись и опасаясь снайперского огня противника. В наступательном бою эта задача усложнялась. Всегда имелась угроза попасть под огонь своей артиллерии по причине ошибки нанесения переднего края.

3. Участие в дешифрировании объектов противника по результатам залета с использованием аэрофотоснимков. Эта работа выполнялась обычно в топографическом отделении штаба армии с участием топографов других дивизий. По результатам этой работы составлялась разведывательная карта для штаба армии.

Надо заметить, что здесь перечислены только основные обязанности топографа дивизии. Но в его деятельности имелись и другие заботы, так сказать, административно-хозяйственного характера.

1-я гвардейская армия прошла славный боевой путь от Сталинграда через Донбасс до предместий Праги. Главными вехами боевого пути армии стали: Дон, Днепр, Днестр, Западная Украина, Карпаты, Польша, Чехословакия. Командующими этой армией были: генерал-лейтенант Ф.И. Голиков,

генерал-майор артиллерии К.С. Москаленко, генерал-майор И.М. Чистяков, генерал-лейтенант Д.Д. Лелюшенко Д.Д., генерал-лейтенант В.И. Кузнецов, генерал-полковник А.А. Гречко. Воины первогвардейцы сражались на передовых оборонительных рубежах героической обороны Сталинграда.

В ноябре 1942 года 1-я гвардейская армия была включена в состав Юго-Западного фронта. Вскоре войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов перешли в контрнаступление. 23 ноября эта битва 23 ноября завершилась окружением, а 2 февраля 1943 года — полным разгромом фашистской Сталинградской группировки, общей численностью 330 тыс. солдат, офицеров и генералов во главе с командующим 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршалом Ф.Паулюсом.

В этом ожесточенном зимнем сражении 1-я гвардейская армия была в составе ударной группы Юго-Западного фронта.

В декабре 1942 года командующим армией был назначен генерал-лейтенант В.И. Кузнецов. Армия вступила в боевые действия в районе среднего течения Дона против итало-немецких войск. Попытки противника прорвать окружение своих войск под Сталинградом нашими войсками были сорваны. Усилиями Юго-Западного и Воронежского фронтов была окружена и уничтожена 8-я итальянская армия и оперативная группа “Холлидт”. 1-я гвардейская армия выполнила здесь решающую роль и затем вступила на территорию Украины.

В январе—феврале 1943 года в Донбассе в наступательной операции Юго-Западного фронта армия действовала в центре оперативного построения войск фронта. Битва за Донбасс была суровой и продолжительной с участием Юго-

Западного и Южного фронтов. Наступление этих фронтов в Донбассе в июле 1943 года оказало большую помощь своим войскам во время битвы на Курской дуге.

В марте 1943 года армия вела тяжелые оборонительные бои за Донбасс. Будучи военным топографом 38-й гвардейской стрелковой дивизии, я был ранен осколком в тазобедренный сустав правой ноги и скользящим ранением выше колена левой ноги. Лечили меня в медсанбате, где осколок из сустава был удален. По просьбе командования дивизии я отказался от поездки в полевой госпиталь, так как дивизия готовилась к наступлению. Для этого была крайняя необходимость в получении и выдаче дивизии топографических карт на полосы наступления.

Летом 1943 года в войсках нашей армии возникла эпидемия сыпного тифа. Эта болезнь подкралась и ко мне. Меня привезли для лечения в полевой госпиталь в селение Боровая Харьковской области в бессознательном состоянии. Только через сутки я пришел в себя. Период выздоровления был непростым. Приходилось заново учиться ходить — ноги не слушались.

После госпиталя и месячного амбулаторного долечивания начальник топографического отдела Приволжского военного округа подполковник В.П. Александров определил меня на службу топографом в 5-й топографический отряд (то). Командовал им подполковник Лукъянский. Отряд базировался в городе Боброве Воронежской области и выполнял полевые работы по обследованию геодезических пунктов и обновлению топографических карт на территориях, освобожденных от противника после Сталинградской и Курской битв и на Украине. Отряд выполнял эти работы до глубокой осени, а на зиму 1943—1944 годов был перебазирован в поселок Алексе-

евка Кинельского района Куйбышевской области, где занимался камеральными работами.

Весной 1944 года 5 то был перебазирован на Украину и продолжал обновление карт, постоянно перемещаясь вперед, на запад. Последующей базой отряда стала столица Украины — Киев, освобожденный еще в ноябре 1943 года.

В августе 1944 года в отряд поступил приказ о перебазировании в Румынию. Неожиданно меня вызвал к себе командир отряда Лукъянский и направил в распоряжение начальника топографического отдела полковника Дорофеева, который командировал меня к начальнику топографического отдела штаба 1-го Украинского фронта генерал-майору К.Н. Харину. Мне предстояло доставить туда упакованный весомый пакет с аэроснимками и другими секретными штабными документами. Меня предупредили о серьезной ответственности за сохранность и безусловную доставку пакета по адресу. Я имел при себе личное оружие, командировочное предписание, пакет в рюкзаке за спиной, мешок с продовольствием и другими личными вещами.

В штабе 1-го Украинского фронта меня принял начальник топографического отдела генерал-майор К.Н. Харин. Я вручил ему свое предписание и пакет с документами в целости и сохранности. К.Н. Харин отправил меня обратно к месту службы, отметив перед этим командировку и вручив служебное письмо начальнику отдела.

Вернувшись из командировки, я узнал от полковника Дорофеева об убытии нашего отряда в Румынию и был им определен топографом прибывшего с Волховского фронта на Украину (в Киев) в 64 моторизованный топографический отряд, которым командовал полковник Гусев.

Отряд, следуя за войсками 1-го Украинского фронта, выполнял обновление топографических карт на освобождаемых территориях. Пункты штабного базирования 64 мто менялись по мере освобождения территорий Украины 1-м Украинским фронтом.

В последующем от противника были освобождены в весеннем наступлении 1944 года города: Тернополь, Проскуров, Каменец-Подольский, Староконстантинов. В летние месяцы был форсирован Днестр и освобождены области Западной Украины с овладением в августе 1944 года областных центров: Львов, Станислав, Дрогобыч. 64 мто был перебазирован во Львов. Командиром отряда стал полковник Фирасевич, начальником штаба — майор Радкевич.

Освобожденные от гитлеровцев западные области Украины были присоединены к СССР в 1939 году, можно сказать, без особой народной радости, а с началом войны попали под оккупацию немцам. Это было вызвано тем, что западные украинцы исповедовали униатскую грекокатолическую церковь в ведении Папы Римского. Второй причиной недовольства (даже враждебности) было принудительное насаждение там колхозного строя. В связи с этим на освобожденных западных областях образовались военизированные формирования (сотни) западно-украинских националистов (бандеровцев), во главе которых стал Степан Бандера. Они именовали себя украинской повстанческой армией (УПА). Их действия носили враждебно-террористический характер. В их ведении были целые районы, в которых отсутствовали органы Советской власти. Бандеровцы убивали председателей исполкомов в населенных пунктах и насаждали свои порядки.

Несли потери убитыми и органы госбезопасности (военнослужащие в красных погонах), которые выявляли среди населения бандеровцев и целыми семьями депортировали на выселение в Сибирь.

В таких, весьма опасных условиях, пришлось выполнять полевые работы летом 1944 года на территории Тернопольской области нашему отряду. К нам, военным топографам, со стороны населения отношение было тоже враждебным. Бытовало мнение, что военные топографы готовят планы, чтобы обрезать у населения усадебные наделы (огороды), оставляя лишь 0,15 гектара. В период полевых работ бандеровцами были убиты несколько офицеров-топографов и солдат отряда.

Однажды ночью сотня бандеровцев окружила дом, в котором ночевали офицер-топограф Олег Стригальщиков со своей командой из трех солдат-девушек и мальчика (сына полка) Платонова. Хозяева дома с вечера оставили дом. Бандиты потребовали от Олега с командой сдаться в плен. Воины пытались отстреливаться из окон осажденного и подожженного дома. Спастись удалось только сыну полка, который выпрыгнул из окна и через кусты убежал под прикрытием темноты. Он добрался до базы начальника отделения майора Смирнова на вторые сутки и рассказал о случившемся. Тогда погибли заживо сожженные офицер и три солдата-девушки. Останки Олега Стригальщикова и девушек были захоронены отрядом в братской могиле в районном центре.

Олег был моим другом. Он родился в Куйбышеве на Волге. Мы с ним вместе учились в 1940 году в Иркутской школе ВТС, а в 1942 году выпускались из училища в Абабкове. Он был направлен на Волховский фронт, а я — на Юго-Западный. Олег был прекрасной души человек, любил лите-

ратуру, Пушкина и Лермонтова. Поэму “Граф Нулин” он декламировал наизусть. После войны, будучи в отпуске, я навестил родителей Олега в Куйбышеве. Мы оплакали его память.

Погиб от вражеской пули офицер-топограф Василий Бесчастный. Случилось это на базе начальника отделения. Как-то из столовой по улице шли офицер, его жена и замполит отряда подполковник Черных. Вдруг из-за забора прозвучала очередь. Все трое залегли на землю, но одна пуля попала в голову Василия. Жена и замполит остались живы.

Погиб также офицер-топограф Олег Скворцов. Он находился с мензулой недалеко от опушки леса на переходной точке. Своих солдат он направил с рейками на указанные места, когда из-за леса прозвучала вражеская очередь. Скворцов был сражен наповал.

Я выполнял работу, имея трапецию, смежную с Олегом Скворцовым. Делать переходные точки в населенных пунктах было небезопасно. Я стоял с мензулой на окраине села возле сарая. Двух своих солдат я направил с рейками, третьего оставил около себя. Через некоторое время мы увидели двух мужчин в белых штанах, которые зашли в сарай. Оттуда вскоре раздалась автоматная очередь. Мы залегли. Стрелявшие затем скрылись. Наш полевой зонт был с пулевыми пробоинами. Работу около этого сарая пришлось прекратить.

Офицеры Бесчастный и Скворцов были похоронены во Львове на центральном Лычаковском кладбище.

Командование 64 мто в своих донесениях начальнику ВТС и политорганам указывало о невозможности продолжения полевых работ в Тернопольской области. Но только после гибели упомянутых офицеров и солдат отряда по распоряжению генерал-лейтенанта М.К. Кудрявцева работы были

прекращены. Полевые отделения с личным составом вернулись на базу во Львов.

Осенью 1944 года советские войска 1-го и 4-го Украинских фронтов преодолели главный хребет высокогорных и лесистых Карпат и приступили к освобождению от противника территорий Польши и Чехословакии. Вслед за этим 64 мто приступил к полевым работам по обновлению топографических карт на освобождаемых территориях. Эти работы продолжались потом и в 1945 году до окончания войны. Мне выпала доля выполнять работу на трапеции с государственной границей между СССР и Польшей по реке Сан (г. Санок). В последующем я работал на трапеции недалеко от Кракова. День Победы встретили в Чехословакии.

64 мто и после Победы продолжал полевые работы в Польше и Чехословакии. Работа выполнялась также в районах Закарпатской Украины (Ужгород, Мукачево), где обстановка для полевых работ была более благоприятной.

Л.В. ВОРОНОВ

Воронов Лев Викторович (1925—2014). Окончил 3-ю Московскую специальную артиллерийскую школу (1943), 3-е Ленинградское артиллерийское училище (1945), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1952), адъюнктуру (1958). Командир взвода топографической разведки 651-го отдельного разведывательного артиллерийского дивизиона во 2-й Ударной армии (1945). Участник обороны Москвы, Парада Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 г. Участник топогеодезического обеспечения Семипалатинского атомного полигона (1947), создания астрономо-геодезической сети 1-го класса на территории Китая (1954—1955). Военную службу завершил начальником военной кафедры МИИГАиК (1970—1982). Кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник. Член-корреспондент Академии военных наук. Гвардии полковник.

“ЭТО БЫЛО, БЫЛО…”

Закончился 1940/41 учебный год. 3-я московская артиллерийская спецшкола, в которой я тогда учился, в начале июня 1941 года выехала в военные лагеря Рязанского артиллерийского училища, в район станции Дивово и пристани Белоомут на Оке в Рязанской области. Нам выдали летнюю форму: хлопчатобумажные гимнастерки и пилотки защитного цвета, а брюки оставили прежние — синие, суконные.

Лагерная жизнь была недолгой: 23 июня по лагерному радио сообщили, что 22 июня началась война с фашистской Германией. Командование училища совместно с руководством нашей спецшколы решило прекратить учебу и отправить нас в Москву, до особого распоряжения.

Быстро были свернуты палатки, уложено складское имущество, мы погрузились на баржу у пристани и буксир на следующий день привел нас в Москву. Разгрузились мы недалеко от Кремля. Имущество было отправлено в здание спецшколы, а нас, учащихся, построили на набережной, затем распустили по домам, объявив, что мы должны завтра утром явиться в школу для получения дальнейших указаний.

На следующий день все учащиеся прибыли в спецшколу. По взводам прошли собрания, и нам сообщили, что учащиеся отправляются на спецзадание. А оно заключалось в следующем: часть учащихся была отправлена на железнодорожные сортировочные станции, и там они перегружали из прибывающих вагонов ящики со снарядами, минами, патронами в подходящие тут же автомашины для отправки этих боеприпасов на фронт.

Другая часть учащихся загружала автомашины боеприпасами из подземных хранилищ глубиной в два-три этажа. Работали с большим энтузиазмом, зная, что помогали фронту. Никаких столовых не было, и все учащиеся перекусывали тем, что захватили с собой из дома.

А немецко-фашистские войска, несмотря на ожесточенное сопротивление Красной Армии, стремительно, не считаясь с потерями, продвигались к Москве. В это время учащиеся нашей спецшколы с начала августа и по конец сентября 1941 года принимали участие в оборонительных работах на подступах к Москве. На рубеже Нахабино — Гучково — Снегири рыли лопатами противотанковые рвы на танкоопасных направлениях и несколько линий окопов за ними. Эта тяжелая работа для сотен тысяч москвичей, в том числе для нас, спецшкольников, была вовремя закончена, и по сей день вызывает гордость тот факт, что на наших противотан-

ковых рвах и окопах на Волоколамском направлении фашисты были остановлены.

Уместно отметить, что в 1944 году была учреждена медаль “За оборону Москвы”, и к 1947 году большинство учащихся нашей спецшколы, принимавших участие в оборонительных работах, в том числе и я, были награждены этой дорогой для нас медалью. Ведь в оборону Москвы и мы, тогда еще совсем юные москвичи (16—17) лет внесли свой посильный вклад.

В октябре 1941 года снова начались занятия в спецшколе. Я был уже в 9-м классе. Однако вскоре стало ясно, что плановые занятия проводить невозможно. В городе объявлялись не только ночью, но и днем воздушные тревоги. Гул немецких самолетов даже днем был слышен из-за облаков. И Наркоматом обороны, и Наркоматом просвещения было принято решение об эвакуации артиллерийских спецшкол в Сибирь, Кемеровскую область. Наша артиллерийская школа должна была быть эвакуирована в город Прокопьевск.

В конце октября все артиллерийские спецшколы погрузились в эшелоны, состоящие из двухосных товарных вагонов — “теплушек”, и однажды ночью наш поезд двинулся на восток. В вагонах были устроены двухэтажные нары. На них лежало сено, накрытое брезентом, в середине вагона — железная печка. Дрова в пути добывали сами во время долгих стоянок. Питание — в основном — “сухой” паек: хлеб, мясные или рыбные консервы, кипяток, чай, немного сахара.

В ноябре, на тринадцатые сутки пути, мы прибыли в Прокопьевск. Местные власти и военный комиссар нас хорошо встретили, быстро разместили в пустующем школьном помещении, прямо на полу, на набитых сеном матрасах и таких же подушках. Вначале нам выдали по одной простыне, а

потом уже и по две. Было организовано дежурство по “казарме”, школе и столовой, которая была недалеко.

Учеба была быстро налажена, так как преподаватели ехали в том же эшелоне, что и мы, учащиеся, правда, в стареньких пассажирских вагонах. Вся школа слушала по радио выступления И.В. Сталина во время исторического парада на Красной площади 7 ноября 1941 года. Так как шла война, и враг подходил к Москве, все “спецы” (как называли друг друга учащиеся спецшкол) учились прилежно, дисциплина была хорошая. Правда, уже в 1942—1943 годах кто послабее духом, стал “утекать” в самоволки. Конечно, начальство это пресекало; кого на этом деле ловили, — строго наказывали. Отчислений из спецшколы не было.

По договоренности с руководством спецшколы и по просьбе учащихся, под лозунгом “Все для фронта, все для Победы!”, нас, “спецов”, привлекали к работам на угольных шахтах Прокопьевска. В основном работы были на поверхности, нас использовали как подсобных рабочих. На шахтах был большой “некомплект”, так как многие шахтеры были призваны в Красную Армию и ушли на фронт. Но того, кто был покрепче, направляли и на подземные работы. Нам работа на шахтах была по душе, хотя и было физически нелегко, так как каждый считал, что он вносит свой вклад в общее дело, добывая уголь для заводов, фабрик, паровозов, армии. Возвращались после работы на шахте усталые, голодные, но довольные своим выполненным долгом перед Родиной.

Как известно, в 1941 году немцы наступали на Москву, а в 1942 году — на Сталинград. В спецшколах были организованы ленинские комнаты, в которых проводилась политинформация. В нашей ленкомнате были подшивки газет, и висела большая, хорошая карта Европы. На ней флажками от-

мечалась линия фронта. Как нам было тяжко, невыносимо грустно, и мы были полны ненависти к фашистам, продвигающимся на восток, к Москве, а в 1942 году — к Сталинграду. И как мы шумно, безудержно радовались, узнав про контрнаступление и разгром немцев под Москвой (декабрь 1941 г. — апрель 1942 г.), и про окружение 22 немецких дивизий общей численностью 330 тыс. человек, и полный их разгром под Сталинградом (ноябрь 1942 г. — март 1943 г.). И так нам хотелось скорее на фронт! Многие из нас писали рапорты с просьбой отпустить на фронт. В ответ на это на построениях объявлялось, что эти рапорты не будут удовлетворены, и даже их авторы могут получить взыскания (кстати, ни одного взыскания никто, конечно, не получил). И разъяснялось, что война не будет скоротечной, и учащимся надо будет поучиться еще в артиллерийских училищах, а уже после этого — на фронт.

За учебу на “отлично”, большую общественную работу и досрочную сдачу экзаменов за 9-й и 10-й классы начальник школы и военрук разрешали мне съездить в 1942—1943 годах в Ташкент, где мой отец Виктор Михайлович — до войны старший политрук запаса, а с 24 июня 1941 года доброволец — после ранения продолжал служить в Красной Армии, но уже не на фронте, а в Ташкенте, в должности члена военного трибунала округа. Имея юридическое образование, он был тогда майором юстиции. В этот период моя мама, Ольга Михайловна, будучи директором Московского городского дома народного творчества, с бригадой артистов давали концерты бойцам и командирам Красной Армии. Только за два с небольшим месяца, артисты провели в действующей армии 400 (!) концертов.

В 1942 году военрук спецшколы капитан И.Ф. Карелин был откомандирован на фронт; прибыл старший лейтенант Е.П. Миркин (которого мы тоже очень любили), но и он в 1943 году уехал на фронт. Вместо него в спецшколу был направлен после выздоровления от ранения капитан С. М. Тарамыкин.

Наконец, в начале июля 1943 года состоялся выпуск из спецшколы нашего набора 1940 года. Все мы были призваны в Красную Армию Прокопьевским райвоенкоматом. Нас посадили в вагоны, прицепленные к санитарному поезду, идущему на фронт. Ехали мы не в "теплушках", а в старых дореволюционных общих вагонах. К середине июля мы прибыли в Кострому, где размещалось 3-е Ленинградское артиллерийское училище (ЛАУ), так называемого повышенного типа. До войны во всех артиллерийских училищах был срок обучения два года, а в 3-ем ЛАУ — три.

Училище было на краю города. Бывшие деревянные бараки и конюшни, стоявшие там до конца 1942 года, были умелыми руками строителей, плотников, столяров превращены в штаб училища, казармы с двухэтажными нарами, учебный корпус с отдельными классами, столовую. И даже был оборудован клуб. За территорией училища в сосновой роще был артиллерийский парк орудий, так называемая "огневая позиция" (ОП). Там были 122-мм пушки А-19, 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20, в крытых сараях — 203-мм гаубицы на гусеничном ходу. Все орудия были боевыми. Курсанты по графику зимой разгребали снег на всей ОП и круглый год отчищали ржавчину на орудиях.

Нас, "спецов", распределили в два дивизиона: АИР (артиллерийская инструментальная разведка) и огневой. Я попал в дивизион АИР.

Силами курсантов, имеющих способности к черчению, рисованию, оформительским работам, учебные классы были оснащены необходимыми стендами, турникетами, классными досками и другими средствами наглядного обучения. Кстати, с самого начала войны Главное артиллерийское управление Красной Армии выпускало большими тиражами наглядные учебные плакаты, которые использовались курсантами-“художниками” для различных стендов. Я с детства имел тягу к черчению и рисованию и тоже участвовал в оборудовании классов (мои родители хотели видеть меня впоследствии архитектором, но жизнь распорядилась по-своему). Конечно, оборудование классов проводилось в не учебное время, так сказать, сверх программы, мы к этому относились с энтузиазмом, ведь дело это было общественное и необходимое.

Нашими командирами были: командир дивизиона капитан Курсачев, командир батареи старший лейтенант Е.А. Олейников, командир взвода лейтенант В.А. Камышев. Это были отличные командиры, окончившие это же училище, оставленные в нем на учебно-командную работу. У них многому мы научились, хотя они были только на четыре года старше нас. Преподавателями были очень опытные специалисты. по артиллерийской топографической службе — майор М.Ю. Фурман, по артиллерии — старший лейтенант А.И. Рачков. Учился я на “отлично”, был членом бюро ВЛКСМ батареи и в ноябре 1943 года приняли кандидатом в члены ВКП(б).

Когда мы прибыли в училище, нам объявили, что будем учиться шесть месяцев. Месяца через четыре нам сказали, что срок обучения увеличивается до года, а еще через некоторое время нам сказали, что нас выпустят в апреле 1945 года (а война все шла и шла...). Конечно, удлинения срока обучения

мы воспринимали весьма отрицательно (все рвались на фронт), но что поделаешь, против приказа не пойдешь. Многие писали рапорты с просьбой отправить на фронт, но результат был такой же, как и раньше в спецшколе: рапорты не удовлетворялись.

Шло время, а мы, курсанты, бывшие спецы, с каждым месяцем мужали, набирались знаний, приобретали командирские навыки и политическую закалку. 1 января меня приняли в члены ВКП(б), мне было тогда чуть больше 19 лет.

Подошел и прошел апрель 1945 года, а нашего выпуска из училища все не было... Вдруг в ночь с 8 на 9 мая 1945 года дежурный по батарее громко крикнул: “Подъем! Победа! Война кончилась!”. Конечно, все соскочили со своих нар, и что тут было от радости! В остаток ночи уже никто не спал...

Через несколько дней на одном из построений нам объявили, что курсантский состав нашего училища будет участвовать в подготовке к военному Параду Победы и в самом параде 24 июня 1945 года. Мы, конечно, были очень рады оказанной нам чести.

В один из дней мая нас, курсантов, вместе с командирами посадили в вагоны и привезли в Москву, а потом — в грузовых автомобилях доставили в расположение 1-го Московского артиллерийского училища и разместили в казармах. А дальше — каждый день строевая подготовка, подгонка выданного парадного обмундирования (о котором мы ничего не знали и никогда его не видели), уход за закрепленными орудиями и тягачами, и примерно через день-два — ночные репетиции к параду. Мы были распределены по орудийным расчетам. Наша задача во время парада была почетной, но несложной. Надо было ехать в кузове военного тягача “Ворошиловец”, держаться прямо, между ногами у нас стояли

карабины, которые мы должны были держать строго вертикально, и по единой команде делать равнение направо (кроме правофлангового), а правую руку держать согнутой в локте, горизонтально на уровне плеча. Взгляд при этом должен быть молодцеватым. В кузове тягача было нас 16 человек (четыре ряда по четыре человека). Тягач на прицепе вез 152-миллиметровую гаубицу-пушку МЛ-20, которая считалась лучшей артиллерийской системой Второй мировой войны.

В ночное время мы тренировались на Садовом кольце, на его широкой части в районе Зубовской площади, а в другие дни утром — на Тушинском аэродроме. На тренировках и ночью, и днем я почти каждый раз видел Главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова. Он выделялся плотной фигурой и высоким ростом.

За хорошие результаты тренировок и высокую дисциплину нас в порядке очередности отпускали в увольнение в город и Подмосковье, к родителям, близким и друзьям. Я тоже, раза два, побывал в увольнении, но без ночевки дома. Мои родители, к тому времени возвратившиеся в Москву и уже получившие “послевоенную” работу, были очень рады и горды тем, что их сын в числе других курсантов училища тоже будет участвовать в Параде Победы.

Время шло, мы были готовы к параду. И вот наступило 24 июня 1945 года. В положенное время прозвучала команда “Подъем!”. Мы надели парадное обмундирование, нас покормили “усиленным” праздничным завтраком, мы сели на свои места в кузовах тягачей и через положенное время прибыли на отведенное нашей колонне артиллерии место: это было самое начало улицы Горького, там, где она выходит на Манежную площадь. Для встречи и приветствия принимающего парад Маршала Советского Союза Г.К. Жукова и со-

провождающего его командующего парадом Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского была сформирована из курсантов, сошедших с кузовов тягачей, “рота встречи” — десять шеренг по десять человек. Я был правофланговым этой роты. Вот такой человеческой парадной коробкой мы ждали начала парада.

Погода 24 июня была, прямо скажем, не парадная: с утра шел небольшой дождь, небо было затянуто плотными тучами (поэтому в параде не участвовала авиация). Да и демонстрацию по этой причине отменили. Но настроение у всех было отличное!

Прозвучали десять ударов Кремлевских курантов. Мы знаем, но не видим, что из ворот Спасской башни сейчас выезжает на белом коне Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, а навстречу ему, от Исторического музея на черном коне устремляется Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. Обоих маршалов сопровождают адъютанты. После объезда войск на Красной площади, которые стояли в пешем строю, Жуков и Рокоссовский с адъютантами подъехали к нашей “роте встречи”. И тут в пяти-семи метрах от меня я увидел обоих маршалов. Жуков, поздоровавшись с нами, артиллеристами, и поздравив с Победой в Великой Отечественной войне, поскакал дальше, на Манежную площадь, а за ним и Рокоссовский. Моя радость была огромна: я видел Жукова и Рокоссовского, этих прославленных полководцев на расстоянии нескольких метров!

Возвратившись на Красную площадь, Г.К. Жуков взошел на трибуну Мавзолея и произнес приветственную речь в честь Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Затем началось пешее прохождение всех десяти фронтов войны, а потом дошла очередь и до парада на колесах и

гусеницах, в том числе и до нас, артиллеристов. Мы проехали хорошо, как учили. На расстоянии примерно 20 метров видели Сталина, Молотова, Ворошилова, Калинина, Буденного, других членов Политбюро ЦК КПСС и военачальников.

Парад окончился, но воспоминания о нем у меня остались на всю жизнь. Когда мы после парада возвращались в училище на гусеничных тягачах с прикрепленными орудиями по улицам Москвы, то из окон многих домов высовывались почти по пояс люди — мужчины и женщины — с букетами цветов в одной руке и... с бутылкой вина или водки в другой. Так бурно, сердечно, непосредственно они приветствовали возвращающихся с Парада Победы воинов, приглашая их в дом, квартиру отпраздновать вместе с ними Великую Победу!

Из-за дождя наши мундиры, особенно в плечах, насквозь промокли, размокли и наши стоячие воротнички. Но это ничего не значило в сравнении с полученным нами огромным патриотическим зарядом на всю последующую военную службу.

Когда приехали в училище, нас всех отпустили в увольнение на сутки. Я явился домой, на 1-ю Мещанскую, где с родителями и со всеми нашими соседями (в квартире проживало три семьи) превосходно отпраздновали и Победу, которая была 9 мая, и Парад Победы 24 июня 1945 года.

Через два дня мы, сдав орудия и тягачи в полной исправности, вернулись из Москвы в Кострому и тут же стали готовиться к выпуску из училища. 5 июля был подписан приказ министром обороны СССР о нашем окончании училища и о присвоении нам первого офицерского звания “младший лейтенант”. А ведь до 1943 года по окончании любого военного училища присваивалось звание “лейтенант”. Но мы не

очень опечалились: будем служить Родине младшими лейтенантами. Вместе со мной окончили и спецшколу, и училище позже известные в Военно-топографической службе полковники Б.М. Растобаров и В.В. Додонов.

В училище был устроен грандиозный по тем временам выпускной обед, плавно перешедший в ужин с горячительным (ведь не курсанты, а уже офицеры!).

Потом объявили назначения. Мне, как окончившему училище по первому разряду, было предоставлено право выбора, где служить дальше: в Московском военном округе, других округах нашей страны или в Группе советских оккупационных войск в Германии. Я, не колеблясь, выбрал Германию. Ведь надо было посмотреть на ту страну, из которой вылезла “коричневая фашистская гадина”, война с которой принесла нашей стране неисчислимые, ни с чем не сравнимые бедствия и огромные, невосполнимые человеческие жертвы.

После нескольких дней отпуска в Москве я простился с родителями и выехал к новому месту службы. Вместе со мной получил назначение мой друг по спецшколе и училищу Евгений Федорович Евстратов, которого сегодня, к сожалению, нет в живых.

Поезд до Берлина шел трое суток. Проехали Московскую, Смоленскую области, Белоруссию. В Бресте стояли несколько часов — там была смена ходовых подвагонных тележек с колесными парами с советской широкой колеи на европейскую, более узкую. А затем — Польша.

И тут мы увидели, что через каждые 100—150—200 метров стоят наши советские часовые и охраняют железнодорожный путь от польских националистических банд и бан-

деровцев. А протяженность участка железной дороги по территории Польши составляла 700 км.

Как нам стало известно, некоторое время тому назад несколько неохраняемых эшелонов с демобилизованными советскими воинами старших возрастов, возвращавшихся в СССР, были остановлены, разграблены и все это сопровождалось жутким насилием. В эшелонах были убитые и раненые. Получалось так, что воин уцелел на войне, но мог быть убитым или раненым, проезжая домой по территории Польши. Вот такие охранительные меры вынуждено было предпринять советское командование. На территории Германии часовых, охраняющих линейные участки железнодорожных путей, мы не видели.

Прибыли в Берлин, на Силезский вокзал, а затем, как было предписано, приехали в пригород Берлина — Карлхорст, где получили конкретное назначение: 2-я ударная армия, 116-й стрелковый корпус, 302-я корпусная артиллерийская бригада (командир — полковник Приходько). 651-й отдельный разведывательный артиллерийский дивизион (орад). Командир дивизиона — майор Борис Николаевич Пушкарев, командир батареи топографической разведки — старший лейтенант Виктор Иванович Булычев, а мы — командиры взводов этой батареи: я — 1-го взвода, Е.Ф. Евстратов — 2-го.

На следующий день нам дали возможность объехать основные улицы Берлина, осмотреть развалины на улице Унтер ден Линден — Рейхстаг, Бранденбургские ворота и др. На одной из колонн Рейхстага я тоже расписался.

Что и говорить, Берлин был основательно разрушен, мосты через реку Шпрее взорваны и лежали в воде. Население — женщины и пожилые мужчины — по кирпичику раз-

бирало на улицах завалы, образовавшиеся от разрушения домов. Никакой, конечно, инженерной или строительной техники при этом не было видно.

651 орад размещался в городе Людвигслусте, провинции Мекленбург, в 150 км к северо-западу от Берлина. Людвигслуст, в котором до войны было порядка 30 тыс. жителей, не был разрушен, так как его гарнизон успел срочно сдаться американцам. А через некоторое время по договоренности между советским и американским командованиями американские войска из города отошли на левый берег реки Эльбы. Поэтому не разрушенный город, что было редкостью, достался нашим войскам для размещения.

В наших “Больших кайзеровских казармах”, где размещался орад, был исправной водопровод, на территории — большой и хороший плац для построений и строевой подготовки, спортплощадки для волейбола, тенниса, хорошо оборудованная столовая.

После прибытия в расположение части мы с Е.Ф. Евстратовым представились начальникам. Приняли нас хорошо. Нас уже ждали и возлагали на нас большие надежды. В дивизионе же с таким солидным, почти двухгодичным, образованием офицеров не было: кто-то окончил трехмесячные курсы, кто-то шестимесячное училище.

В тот же день я был представлен личному составу моего взвода, в котором были солдаты в возрасте от 22 до 50 лет (а мне еще не было 20), осмотрел геодезические и артиллерийские приборы и инструменты, которыми был оснащен взвод. Конечно, вся эта техника мне была хорошо знакома еще по спецшколе и училищу. В течение нескольких дней я проводил занятия со взводом по специальной артиллерийской топографической подготовке.

В конце июля 1945 года батарее топографической разведки была поставлена задача — развить в необходимом и заранее выбранном районе артиллерийскую опорную сеть с необходимой точностью и “густотой” пунктов для того, чтобы наша артиллерия вышла в заранее подготовленные районы и была готова к действию. Против кого? Да против американцев и плененных ими немцев, которые даже не были разоружены и проходили в специальных пунктах подготовку к возможным боевым действиям против Красной Армии. Пленным немцам американцы сохранили взводную, ротную, батальонную организацию, сохранили воинские звания, награды и военную форму. Вот так вероломно поступали уже тогда, в 1945 году наши “союзники” по антигитлеровской коалиции.

Батарея топографической разведки задание выполнила. После выборочной проверки вышестоящими специалистами командование одобрительно отнеслось к выполненной моим взводом работе, что было для меня, тогда молодого командира взвода, достаточно лестно.

А через несколько дней мой взвод вместе с другими взводами дивизиона выполнял совсем другое задание. Известно, что большая война не кончается в один день во всех местах, на всех участках фронта. Тем более, если речь идет о Великой Отечественной войне и территории поверженной Германии. Так было и в 1945 году, после 9 мая.

После подписания акта о капитуляции не все гитлеровцы и не на всей территории Германии сложили оружие и сдались. Многие фашисты, боясь справедливого возмездия за свои злодеяния, либо из “идейных” соображений кто группами, кто в одиночку затаились с оружием в лесах, болотах, мелких и крупных населенных пунктах. Значительная их

часть встала на путь бандитизма и политических убийств. Они грабили и терроризировали местное население, убивали жителей, в частности антифашистов. Были неоднократные случаи нападения на советских военнослужащих с целью завладения оружием, документами, советской военной формой. В отдельных случаях фанатично настроенные гитлеровцы разбойничали, будучи переодетыми в добытую ранее красноармейскую форму. Этим наносился огромный ущерб авторитету Красной Армии, гуманной политике Советского Союза в отношении Германии.

Об этом периоде неизбежных и сложных последствий Великой Отечественной войны на территории разгромленной Германии долгое время не принято было говорить. Да и знают об этом сегодня немногие. Почему так было? По-видимому, роль играла все та же традиция приукрашивания тяжелых моментов истории, желание сказать о “легком”, “гладком” и “безоблачном” образовании впоследствии Германской Демократической Республики. Желание “не тревожить” общественное мнение памятью о тех временах, которые остались нелегкими и для немцев после окончания войны, и были сложными для советских оккупационных войск.

К концу 1945 года в ряде районов Германии, особенно на западе и северо-западе провинции Мекленбург, бандитские антисоветские действия бывших гитлеровцев зашли достаточно далеко.

В отдельных частях и соединениях Красной Армии стали пропадать солдаты и офицеры. В связи с этим приказом от 3 августа 1945 года № 063 главнокомандующего Группой советских оккупационных войск в Германии Маршала Советского Союза Г.К. Жукова для ликвидации не сдавшихся вооруженных гитлеровцев были назначены соединения и части

Красной Армии, в том числе 302-я корпусная артиллерийская бригада (кабр) 2-й Ударной армии, в которой я служил.

Всего для проведения боевой операции от нашей части (651 орад) было назначено: офицеров — 7, сержантов — 21, рядовых — 76. В числе офицеров был и я, тогда младший лейтенант, командир взвода. Вся операция в соответствии с упомянутым приказом проводилась в условиях предельной секретности и получила статус операции действующей армии.

Для выявления и ликвидации, оказывающих вооруженное сопротивление фашистов сплошному прочесыванию в районе города Шверин — восточный берег реки Эльбы — подвергались леса, болотистые участки местности, дома в населенных пунктах, включая подвалы и чердаки, строения во дворах. Это была внезапная, быстрая и решительная боевая операция, которая не давала возможности бывшим гитлеровцам опомниться и бежать на запад, за Эльбу — к американцам.

В ходе операции было задержано большое число лиц без документов, в том числе и бывших гитлеровцев. В ряде случаев обнаруженные нами гитлеровцы оказывали вооруженное сопротивление (отстреливались, бросали гранаты). Один фашист был в красноармейской форме и при задержании оказал ожесточенное сопротивление. В деле с перепиской штаба 302 кабр имеется донесение заместителя командира 651 орад по политчасти капитана Чучко командиру бригады, в котором докладывается о выполнении боевого задания дивизионом, где, в частности, сказано: “10 августа в квартире немецкого жителя, жившего на окраине с. Цигендорф, обнаружена одна русская винтовка, один автомат ППШ, один револьвер системы “наган” и офицерская по-

левая сумка. Все это оружие было изъято, и владелец дома был задержан младшим лейтенантом тов. Вороновым…”*

Спрашивается: как советское оружие и полевая сумка оказались в доме немца? Вероятно, против советских военнослужащих был совершен террористический акт, оружие отобрано, спрятано в доме местного жителя-немца, чтобы им можно было воспользоваться в скором времени. Однако это сделать не успели и скрылись.

Все захваченные лица, изъятое у них оружие, а также обнаруженные в ходе прочесывания местности тайные склады (схроны) немецкого оружия, боеприпасов и обмундирования нами передавались оперативным группам НКВД, которые шли вслед за нами.

Группа военнослужащих 651 орад выполнила боевую задачу без потерь (в отличие от некоторых других частей 116-го стрелкового корпуса).

Операция, проведенная во исполнение приказа № 063 Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, имела серьезные положительные результаты: в дальнейшем бандитских, антисоветских вылазок бывших гитлеровцев, насколько мне известно, в советской зоне оккупации Германии не отмечалось.

Эта боевая операция, в которой мне довелось участвовать, была почти аналогичной таким же операциям по выявлению и ликвидации националистических элементов (власовцы, бандеровцы и др.) в Западной Украине, Западной Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии до 1951 года. Разница состояла в том, что власовцев и бандеровцев выявляли и ликвидировали на советской территории, в то время как в 1945 году

* ЦАМО СССР, ф. 302 кабр, оп. 13722с., д. 2, л. П4.

операция против не сдававшихся фашистов проводилась на территории Германии среди враждебно настроенного немецкого населения против Советского Союза и его армии. А обращаясь к сегодняшнему времени, эту операцию можно именовать “антитеррористической”, подобной операциям в Чеченской Республике.

До октября 1945 году наша воинская часть была в Людвигслусте, а затем по приказу командования, совершив на автомашинах 200-километровый марш через города Пархим и Нойбранденбург, 27 октября прибыла в город Анклам, расположенный вблизи от побережья Балтийского моря. Этот город брали советские войска, преодолевая упорнейшее сопротивление немцев. Он был до основания разрушен. В Анкламе мы занимались боевой подготовкой и несли караульную службу.

9 февраля 1946 года в Советском Союзе и в воинских частях за пределами страны состоялись первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР. Меня как москвича и еще сержанта Пурышева, тоже москвича, направили в Москву — отвезти в Президиум Верховного Совета избирательные бюллетени и протоколы выборов военного избирательного округа. Мы благополучно довезли материалы (ехали в отдельном купе), сдали их, куда положено, получили расписку, два дня пробыли дома, после чего вернулись в свою воинскую часть.

И.И. ИПАТОВ

Ипатов Иван Иосифович (1927—2015). Окончил ЛВТУ (1948), геодезический факультет (1957) и адъюнктуру (1962) ВИА им. В.В. Куйбышева. Триангулятор 2-го разряда 63-го геодезического отряда (1948—1951), старший астроном 62-го геодезического отряда (1957—1960), преподаватель и старший преподаватель (1963—1974), заместитель начальника кафедры геодезии и астрономии ВИА им. В.В. Куйбышева (1974—1982). После завершения военной службы старший научный сотрудник Госцентра «Природа» (1982—1992). Кандидат технических наук, доцент. Полковник.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Когда фашистская Германия напала на нашу страну, я был в пионерском лагере. Мы вернулись с ночной рыбалки и узнали о начале войны. Нас тут же стали отправлять по домам. В деревне уже большинство мужчин призывного возраста проводили в армию. Мой отец был еще дома, его призвали в конце 1941 года в трудовую армию, где он проработал на сплаве леса в районе Котласа до 1946 года.

Нас у матери осталось пятеро: я, сестра и еще три брата. Один из них грудной, да и два другие совсем маленькие (трех и шести лет). Мне было 14 лет, сестра на два с половиной года старше меня, но она была не здорова, поэтому мало чем могла помогать матери в работе.

Мама всю войну работала конюхом. Я после занятий в школе помогал ей носить на конюшню воду. Ушатом на коромысле мы таскали воду от колодца на конюшню метров пятьдесят. После прихода из школы мне приходилось выпол-

нять и другие работы по дому (нарубить дров, нарвать травы корове, подремонтировать обувь братьям и др.). Особая сложность была с обеспечением дровами. Летом запасти их не могли (сев, сенокос, уборка урожая). Зимой через две недели давали лошадь для поездки за дровами, и ездить приходилось мне, пропуская занятия в школе. Сухих дров в лесу не было, приходилось рубить сырые, мало пригодные для топки. Часто бригадир просил меня в дни занятий съездить за сеном или еще что-то сделать. Иногда в неделю я не ходил в школу два—три дня.

Хотя немцев в нашем районе не было, но обстановка осенью 1941 года и зимой 1941—1942 годов у нас была напряженная. Немцы захватили Тихвин, перерезали железную дорогу от Вологды до Ленинграда и ежедневно бомбили железнодорожный мост через реку Шексну недалеко от Череповца. Туда и обратно самолеты летели над нашей деревней, всегда в одно и то же время. Один раз немецкий самолет снизился над деревней и обстрелял нашу улицу, где около двух колодцев были люди. Только большие тополя спасли людей от гибели. В стволах тополей насчитали более десятка пробоин.

Осенью 1941 года в нашем районе проходили переформирование сибирские дивизии, которые сначала направлялись под Тихвин, а из-за тяжелой обстановки под Москвой после переформирования их отправляли на Москву. В нашей деревне располагалась артиллерийская часть. В каждом дворе стояли орудия, а в каждом доме располагались солдаты. Я помню, что в нашем доме (в летней половине) был продуктовый склад, а в зимней половине вместе с нами жили кладовщики.

В декабре 1941 года недалеко от нашей деревни сделали вынужденную посадку два наших самолета. Зима была снежная, холодная. Летчиков отправили в Череповец, а охрану самолетов поручили жителям. Каждые сутки по два человека дежурили около самолетов. Чаще дежурили подростки. Ребятня за время дежурства растащила все патроны. Я обычно дежурил за себя, за бабушку Варвару и за дядю Александра. Месяца два стояли самолеты в снегу, а потом тракторами их куда-то увезли.

Бомбежки железнодорожного моста через Шексну продолжались и в 1942 году, но уже реже. Была хорошая противовоздушная оборона в районе моста. Один раз бомба упала совсем рядом от моста, но почему-то не взорвалась.

Однажды зимой 1941/42 года нас учеников старших классов (несколько парней), вместе с военруком (с одной винтовкой) отправили в лес на поиски парашютистов. Мы никого не нашли.

Летом (с мая по сентябрь включительно) занятий в школе не было, все ученики работали в колхозе. Иногда работали и в октябре. Нам — четырнадцати — семнадцатилетним мальчишкам — приходилось выполнять самые тяжелые работы (пахота, сенокос, уборка урожая, перевозка мешков с зерном с поля на склад, сдача сена и зерна государству), возили в Череповец за 20 км. За лето я зарабатывал столько трудодней, сколько мать за весь год.

На трудодни в годы войны хлеба выдавали мало, а денег совсем не выдавали. Питались мы плохо. Младшие братья собирали головки клевера, сушили их во дворе. Потом мать молола их, добавляла в муку, из которой пекла хлеб. Самый младший брат умер в начале 1942 года. Немного выручал приусадебный участок, на котором сеяли ячмень или

овес, сажали картошку, овощи. Картошка была основной едой в эти годы. Но вырастить урожай на приусадебном участке было непросто. На участке все делали только вечером после возвращения с колхозной работы.

После окончания 8-го класса я должен был ехать на месяц на военные сборы. Во время медицинской комиссии у меня признали порок сердца и на сборы не взяли. Меня не взяли на военные сборы и после 9-го класса, хотя в этот раз не было медицинской комиссии.

В октябре 1944 года я получил повестку прибыть в военкомат в Череповец для отправки в армию. Прошли мы медицинскую комиссию, остригли нас и построили для отправки на пересыльный пункт в Вологду. В это время приехал военком, поздоровался с призывниками и спросил: “Кто из вас учится сейчас в десятом классе?”. Нас таких оказалось четыре человека (все из нашей школы). Он сказал: “Отправляйтесь домой, школу не бросать, я проверю”. Так я остался учиться в 10-м классе.

В классе было 12 девушек и 4 парня (Сергей Пушменков, Петр Шмонин, Гена Балдычев и я). Ростом я на голову был ниже всех ребят. Много времени в 10-м классе (да и в 9-м тоже) отводилось на военную подготовку: изучали устройство винтовки, стреляли, ходили на лыжах, тренировались в противогазах.

В год нашего выпуска впервые были введены экзамены на аттестат зрелости. Я был одним из претендентов на золотую медаль. Годовые отличные оценки у меня были по всем предметам, нужно было только все экзамены сдать с оценкой “отлично”. Экзамены мы сдавали в мае, когда уже война окончилась. В колхозе в это время уже шли полевые работы. В дни подготовки к экзаменам я нередко привлекался к рабо-

те в поле. Больше половины экзаменов я сдал на “отлично”. И вот подошел экзамен по истории. На этот экзамен к нам в школу приехал представитель райкома партии. Мне он задал вопрос по работе В.И. Ленина “Три источника и три составные части марксизма”. Эту работу мы не изучали, и я не мог ответить на заданные вопросы. Так я получил первую “четвертку” на экзаменах и лишился золотой медали. В то время мы сдавали больше десяти экзаменов. Экзамен по истории был не последним, но дальше у меня не было желания сдавать все на “отлично”. Получил я еще “четверки” по химии и по тригонометрии, так как большую часть времени, отведенного на подготовку к экзаменам, я работал в колхозе. Наша школа была хотя и сельской, но очень хорошей. Был сильный учительский коллектив (особенно учитель математики Виталий Иванович Мазуров). О том, что подготовка учеников нашей школы была хорошей, говорит и то, что все выпускники нашего класса поступили в институты. Класс был дружный, со многими одноклассниками я долго переписывался. Одна из одноклассниц (Шура Ропакова) стала потом моей женой.

После Победы, в мае 1945 года нам прислали повестки явиться в военкомат на медицинскую комиссию. В этот раз только двоих из класса (меня и Гену Балдычева) признали годными к военной службе. Пушменкова и Шмонина признали не годными. Они стали готовиться для поступления в институт. Мы с Геной Балдычевым должны были прибыть в военкомат для отправки в армию 8 июля 1945 года.

В конце мая закончились экзамены, прошел выпускной вечер, и я распрощался с одноклассниками. После выпускного вечера я еще весь июнь работал в колхозе. За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной

войны указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года я был награжден медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов”.

8 июля 1945 года мы с Балдычевым прибыли в Череповецкий военкомат. Несколько дней мы пробыли в Череповце, пока не укомплектовали группу для отправки на пересыльный пункт в Вологду. Там собрали призывников со всей Вологодской области. Нам, окончившим десять классов, стали предлагать поступать в разные военные училища. Мы с Генкой решили поступить в топографическое училище, хотя не очень знали, чем занимаются топографы, но училище было в Ленинграде. Это во многом и явилось основой нашего решения. На Вологодском пересыльном пункте была собрана группа из десяти человек, желающих поступить в это училище. Фамилии всех товарищей, с которыми мы вместе приехали в училище, я не помню, но с некоторыми из них осталась дружба на всю жизнь. Это Василий Николаевич Лапов и Сергей Сергеевич Дмитриевский. Нас посадили в “теплушку” и отправили в Ленинград, который в то время еще был в развалинах.

Прибывшие в училище были разбиты на две группы. Одну группу, в которую попали и мы с Балдычевым, направили работать на подсобное хозяйство училища — на Карельский перешеек, другая группа стала сдавать вступительные экзамены.

На подсобном хозяйстве, которое располагалось на территории, отошедшей к Советскому Союзу после войны с Финляндией, были видны следы войны (минные поля, разбитые доты, траншеи). Проработали мы около 20 дней, пока не сменили нас товарищи из второй группы, уже сдавшие экза-

мены и одетые в военную форму. Мы же были на подсобном хозяйстве в гражданской одежде.

В этой группе во время переезда из Ленинграда на подсобное хозяйство перевернулась автомашина. Погиб один курсант. Он во время войны был старшиной, провоевал всю войну. Получили ранения еще несколько человек. Рехмунову, с которым позже мы вместе служили в Иркутске, повредило руку так, что она не совсем полностью разгибалась. По этой причине он не поступил в академию.

Вступительные экзамены я сдал успешно, и был зачислен курсантом Ленинградского военно-топографического училища.

В.А. ВИШНЯКОВ

Вишняков Владимир Александрович (1910—1985). Окончил Ленинградскую Военно-топографическую школу (ВТШ) РККА (1931), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (обучался в 1938—1941 и в 1946—1949), окончил с золотой медалью. Топограф, курсовой командир, командир взвода ВТШ (1931—1938), начальник отделения 31-го топографического отряда Западного фронта (1941—1942), начальник штаба, заместитель командира 16-го топографического отряда 3-го Белорусского фронта (1942—1943), командир 6-го топографического отряда Забайкальского фронта (1943—1946). В 1943—1945 гг. руководил топографо-геодезическими работами на территориях Монголии и Северного Китая. Участник Советско-японской войны 1945 г. Старший офицер, начальник 7-го отдела, начальник отделения топографической подготовки войск и специалистов ВТС (1949—1962), начальник отделения боевой подготовки ВТУ ГШ (1962 —1969). Полковник.

В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ

Мне довелось участвовать в великой битве под Москвой от начала до конца. Вспоминая события тех дней, прежде всего, видишь мужество и героизм советского воина, его непреклонную волю к победе, черты нового человека, беззаветно преданного Родине. Военные топографы, все воины, как весь советский народ, жили одной мыслью — победить ненавистного врага.

В середине августа 1941 года наш 31-й моторизованный топографический отряд (мто) под командованием майора Д.Д. Соседова прибыл на автомашинах форсиро-

ванным маршем из Подмосковья на восточный берег Днепра, недалеко от населенного пункта Соловьево.

Обстановка на фронте была сложная. Шли ожесточенные бои. Командование Западного фронта поставило перед Военно-топографической службой задачи: бесперебойно обеспечивать войска топографическими картами, вносить в карты необходимые исправления, создавать опорную геодезическую сеть (ОГС) для привязки боевых порядков артиллерии, что должно было резко повысить эффективность артиллерийского огня и обеспечить управление огнем в единой системе координат. На практике отряду приходилось не только развивать ОГС, но и проводить привязку артиллерии.

Работали под огнем противника. Тесная связь с артиллерийскими частями позволила оперативно обеспечивать геодезическими данными районы огневых позиций артиллерии и передавать им координаты точек ОГС. Так шла работа в районах Духовщины, Ярцева, Ельни, Дорогобужа, Вязьмы. Особенно мне запомнилась Ельня. Именно там, под Ельней, впервые точки геодезической сети были удачно использованы для стрельбы реактивных минометов — наших легендарных “Катюш”.

В районе Дорогобужа офицер нашего подразделения лейтенант Степан Гапонович под огнем противника спас от взрыва ценный груз снарядов для реактивных минометов, которые подвозились тягачом на огневую позицию. Сам он был тяжело ранен. Подвиг лейтенанта Гапоновича был отмечен государственной наградой — орденом Красной Звезды.

В середине октября отряд выполнял новое срочное задание по развитию ОГС по всем рубежам обороны западнее и южнее Москвы и вдоль идущих из Москвы дорог.

Обеспечивался в геодезическом отношении и рубеж непосредственной обороны города. Улицы Москвы были забаррикадированы. Надо было определить координаты заметных местных предметов. Работа сама по себе огромная, а времени было очень мало. Однако выход был найден. Решили использовать листы крупномасштабной съемки (1:2000) Москвы и ее окрестностей. Необходимые планы мы получили с помощью Московского государственного комитета обороны. На эти планы, как на аэроснимки, мы перенесли с карты километровую сетку, и можно было снимать координаты любых объектов. Для артиллерии точность оказалась вполне приемлемой.

Осенне-зимняя погода и закрытая местность затрудняли работу, тем не менее, топографы работали вдвое быстрее, чем предусматривалось нормами. Команда лейтенанта Г.А. – Корешкова за короткий ноябрьский день прокладывала 12 км теодолитного хода. Так работали все, выполняя свой долг.

7 ноября 1941 года с большим волнением мы слушали по радио сообщение о военном параде на Красной площади. Было это рано утром, шел снег. Речь И.В. Сталина раскрыла всю опасность момента, ответственность каждого за судьбу Родины. Работать топографы стали еще энергичнее.

Основные рубежи обороны были подготовлены к 10 ноября: артиллерия получила возможность вести огонь с использованием полной геодезической основы. Тогда мы, конечно, еще не знали, что готовили не только рубежи обороны, но и плацдармы для наступления. Прибывали новые артиллерийские полки из глубины страны, свежие войска, техника…

Перед наступлением полевые подразделения отряда были приданы армиям. Наше подразделение обеспечивало

войска 49-й армии на серпуховском и каширском направлениях. Одновременно продолжалась работа по развитию ОГС. Условия для прокладки теодолитных ходов были очень сложные: лесистая местность, глубокий снежный покров, в значительной мере утрачены геодезические пункты, видимость с пункта на пункт отсутствовала. В отряде применительно к этим условиям были разработаны приемы ускоренного выполнения полевых и вычислительных работ. За короткий зимний день много не сделаешь, работали и ночью.

В эти дни в оборонительных боях пал смертью храбрых начальник топографической службы 49-й армии капитан А.А. Терский, выполняя задание командования по обеспечению картами дивизии, действовавшей в тылу врага.

Большую работу проводили картографическое отделение отряда и фотограмметрическая группа, созданная для обработки материалов воздушного фотографирования. Старшим группы был капитан Н.П. Закуваев — опытный фотограмметрист, отважный и смелый офицер.

Объем дешифрирования аэроснимков с конца августа все возрастал. Составлялись и издавались боевые графические документы — разведывательные карты, которые позволяли командованию точно планировать удары по врагу, кодированные, артиллерийские карты, карты ориентиров, зимних дорог, бланковые карты изменений местности.

При подготовке и в ходе наступления личный состав работал круглосуточно. Усилиями техников-лейтенантов С.Ф. Котова и Г.Т. Симонова совершенствовалась технология издания, ускорялись процессы печатания тиража.

Разведывательные карты доставлялись в штабы армий непосредственно из отряда. Вспоминает полковник в отставке Н.П. Закуваев: “В одном из таких рейсов в штабы 16-й и 5-

й армий я ехал по лесной дороге. Было четыре часа утра. Неожиданно нашу полуторку остановила группа людей в белых маскхалатах. Документы не должны попасть в руки врага, решаю я, вкладываю взрыватель в гранату и говорю шоферу: “Как только открою дверь кабины, беги в лес”. Но здесь к нам подошел человек с автоматом, как выяснилось, начальник нашей засады и сказал: “Своих поймали!”. Я вздохнул с облегчением, а по спине струился пот. Оказалось, что в лес проникли немецкие снайперы — “кукушки” и следовать по дороге было опасно. Документы мы доставили вовремя…”.

В дни подготовки наступления с огромным напряжением работала вся топографическая служба фронта, возглавляемая полковником В.А. Васильевым. Резко увеличился объем работ по снабжению войск картами. Карты стали выдаваться не только из фронтового, но и из центрального склада.

27—28 ноября 1941 года войска Западного фронта нанесли противнику контрудары севернее Москвы — в районе Яхромы и южнее Москвы — в районе Каширы, которые переросли в начале декабря в контрнаступление Советской Армии и разгром немецко-фашистских войск под Москвой.

Наше подразделение в составе войск 49-й армии (начальник топографической службы армии подполковник И.М. Калиниченко) прокладывало геодезическую сеть по оси движения основной артиллерийской группировки. Топографы широко применяли определение азимута по звездам и по Солнцу. Местоположение огневых позиций артиллерии и средств артиллерийской инструментальной разведки иногда приходилось определять не только по топографической карте, но и графически на планшете.

Новый 1942 год встречали на подступах к Малоярославцу. Москвичи прислали на фронт посылки, в которых было все для новогоднего ужина, теплые письма и памятные подарки. Я получил кисет с трогательной надписью, старательно вышитой детской рукой: “Дорогому бойцу от Тани”. Эти подарки были выражением любви и заботы народа о своей армии. И в ответ на нее воины бесстрашно шли в бой. Через день, 2 января 1942 года, войска Западного фронта освободили город Малоярославец.

На ряде рубежей, в частности по реке Угра, вблизи Юхнова, проводилась большая работа по теодолитным засечкам целей противника, выполненным ночью. Артиллеристы теперь могли уточнять координаты, полученные средствами артиллерийской инструментальной разведки, и огонь артиллерии, как отмечалось в одном из приказов войскам 49-й армии, стал точным, внезапным и особо губительным для немецко-фашистских войск. Все в отряде действовали, не щадя себя, но особенно отличились лейтенанты В.А. Тихонин, В.Н. Соколов, С.С. Анфимов, А.А. Кузнецов, старшие лейтенанты Т.А. Ратов, П.П. Назаренко, старшина Е.П. Шпаков и многие другие.

По мере продвижения на запад мы продолжали выполнять работы по привязке боевых порядков артиллерии и, попадая под огневые налеты и бомбежки, нередко несли потери, особенно большими они были в районе Юхнова.

В эти дни я был переведен в прибывший из тыла 16-й топографический отряд, который получил задание развить ОГС в направлении Серпухов — Тула — Белев. Местность там всхолмленная, и можно было широко применить триангуляцию в сочетании с теодолитными ходами и боковыми засечками. Офицеры отряда быстро овладели необходимыми

геодезическими знаниями и навыками. Многие приемы мы позаимствовали у артиллеристов. Например, очень удобным показалось нам проложение хода с ориентированным лимбом теодолита.

В Ясной Поляне остановились, чтобы поклониться праху великого русского писателя Л.Н. Толстого. Но перед нами открылась картина погрома. Усадьба была разграблена. Священная для всего мыслящего человечества могила писателя осквернена... На такое способен только фашизм!

В ходе зимнего наступления советские войска продвинулись на запад на 350—400 км. Части топографической службы фронта приобретали опыт топографического обеспечения наступательных действий войск. Войска в полной мере располагали топографическими картами, штабы — разведывательными картами, артиллерия — полной геодезической основой для стрельбы. Топографическое обеспечение развернулось и в других видах войск.

Военно-воздушные силы обеспечивались специальными аэронавигационными картами для полетов дальней авиации на Берлин и другие военные объекты противника. Привязка зенитной артиллерии к опорной геодезической сети способствовала срыву налетов немецкой авиации на нашу столицу.

Боевые заслуги военных топографов в битве за Москву были отмечены высокими государственными наградами.

О.Г. ЧИСТОВСКИЙ

Чистовский Олег Григорьевич (1923—2004). Окончил ЛВТУ (1942). Топограф 1-го топографического отряда (1942—1944), фотограмметрист, заместитель начальника фотолаборатории Особого горно-экспедиционного топографического отряда ТуркВО (1944—1949). Военную службу завершил командиром взвода курсантов, начальником склада топогеодезических приборов и чертежных принадлежностей ЛВТУ (1949—1953). Действительный член Географического общества СССР (1948), член Союза писателей СССР (1968). Майор.

НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ*

Уже в самом начале Великой Отечественной войны Верховному Главнокомандованию Красной Армии стало ясно, что одним из первоочередных стратегических объектов наступления немецко-фашистских войск является Ленинград.

Учитывая смертельную опасность, нависшую над Ленинградом, Военный совет Северного фронта рассмотрел 25 июня 1941 года разработанную схему обороны, в которой предусматривалось в сжатый срок создать три оборонительных рубежа на юго-западных подступах к Ленинграду.

Особое внимание уделялось созданию Лужского оборонительного рубежа, который требовалось создать к 15 июля 1941 года. Чтобы выполнить решение Военного совета

* Отрывок из книги О.Г. Чистовского “Фронтовые топографы”, Л.: Лениздат. 1985.

в установленный срок, на строительстве этого рубежа ежедневно должно было работать более 0,5 млн человек.

В конце июня завершилось формирование 8-го топографического отряда, из состава которого капитану В.В. Барсукову приказали срочно выделить восемь топографов в распоряжение члена Военного совета Северного фронта А.А. Жданова. Выделенную группу возглавил начальник штаба отряда воентехник 1 ранга К.С. Чубарев. Утром 4 июля в назначенное время топографы явились в Смольный. К.С. Чубарев доложил А.А. Жданову о прибытии в его распоряжение военных топографов. Член Военного совета представил топографа командующему войсками фронта генерал-лейтенанту М.М. Попову. Последний поставил следующую задачу: снять инструментально все инженерные сооружения, создаваемые на Лужском оборонительном рубеже, определить координаты наблюдательных и командных пунктов, а также выполнить другие необходимые топографические работы по усмотрению командования Лужской оперативной группы. Документация по мере ее готовности без задержки должна поступать с нарочными в Смольный, где топографы будут наносить построенные инженерные сооружения на топографические карты масштаба 1:25 000.

Вернувшись в отряд, К.С. Чубарев рассказал капитану В.В. Барсукову о задании, которое было поручено отряду. На совещание по этому вопросу были приглашены инженеры штаба капитан Станкевич и воентехник 1-го ранга Свиногонов. Было решено укомплектовать отделения топографами, умевшими быстро проводить мензульную съемку. На следующий день К.С. Чубарев с топографами выехал в Лугу, чтобы на месте организовать работу. Позже он, будучи уже подполковником в отставке, вспоминал: “На задание в Лугу я

выехал с начальниками трех отделений и топографами- исполнителями. Там представился командованию Лужской оперативной группы и связался с представителями инженерных частей и саперного батальона. Здесь же присутствовали артиллерийский и пехотные командиры, выбиравшие места для ДОТов, ДЗОТов, командных и наблюдательных пунктов. А нам, топографам, предстояло заснять противотанковые рвы, эскарпы, бетонные надолбы, бронированные колпаки для пулеметов и противотанковых ружей. Там, где работы по строительству инженерных сооружений еще не были начаты, следовало использовать колышки, вбитые в землю. После соответствующего инструктажа топографы, не теряя времени, приступили к делу. Одни вели съемку рвов, эскарпов и линий надолб, другие — мест расположения ДОТов, ДЗОТов и металлических колпаков, третьи — наблюдательных и командных пунктов. Такая организация работы исключала дублирование. В [топографической] съемке границ будущих минных полей и проходов на них принимали участие саперы, пехотинцы и разведчики. Надо было изготовить схемы минных полей в масштабе 1:10 000 с изображением проходов в виде ломаных линий…”.

Восемь дней с рассвета и до заката, попадая часто под бомбардировки немецкой авиации, трудились военные топографы, выполняя съемку инженерные сооружения на Лужском оборонительном рубеже.

А в эти же дни в Смольном напряженно работали “камеральщики”. Каждый топограф наносил оборонительные сооружения на свой лист карты, затем остальные переносили их на другие листы. В комнату, где работали топографы, заходили только А.А. Жданов и М.М Попов.

“Когда мы, закончив работу, — вспоминал позднее К.С. Чубарев, — сдали карты со всеми нанесенными сооружениями Лужского оборонительного рубежа и схемы минных полей с проходами, А.А. Жданов поблагодарил нас, пожав руку, и просил меня передать благодарность всем, кто участвовал в съемке рубежа. Конечно, нам была очень дорога эта благодарность…”.

В то время, когда шли ожесточенные бои на Лужской полосе обороны, спешно создавался Красногвардейский рубеж обороны. К топографической съемке его инженерных сооружений и созданию огневой документации привлекли отделения 3-го топографического отряда, которыми командовали капитаны Красовский, Пашков и Дедюля, старшие лейтенанты Некрасов и Вожик.

Вот как о тех незабываемых днях вспоминают участники событий. Полковник в отставке Георгий Николаевич Вожик: “В середине июля 1941 года по приказу командования отряда отделение было направлено на участок Красногвардейского укрепленного района, расположенного близ Петергофа, с задачей — срочно составить огневую документацию в границах батальона. На каждую амбразуру долговременной огневой точки нужно было подготовить стрелковые карточки, на ротный и батальонный участки — огневые планшеты. В качестве основы для стрелковых карточек и огневых планшетов командование отряда разрешило использовать увеличенную репродукцию масштаба 1:10 000, изготовленную фотомеханическим путем с карты масштаба 1:25 000…”.

Подполковник в отставке Николай Михайлович Некрасов: “17 июля наше отделение прибыло в село Рыбацкое и немедленно приступило к сгущению геодезической сети и

привязке возводимых инженерных сооружений к геодезическим пунктам.

Противотанковые рвы, ДОТы и ДЗОТы мы наносили на топографические карты масштаба 1:25 000, которые затем сдавали командованию укрепленного района вместе с ведомостями координат геодезических пунктов и огневых точек. Эта работа проводилась по всему переднему краю рубежа, начиная от левого берега Невы до города Пушкина.

В начале августа отделение переехало на другой участок фронта, в поселок Федоровское — южнее города Слуцка (Павловска). Там помимо указанных выше работ мы готовили стрелковые карточки и огневые планшеты. Очень много труда и времени затрачивалось на составление стрелковых карточек. В ДОТах обычно имелось по нескольку амбразур, а на каждую амбразуру составлялась отдельная стрелковая карточка. На нее обязательно наносились координаты всех видимых ориентиров на расстоянии до трех километров от огневой точки. Если же в секторе обстрела амбразуры ориентиров не было, то топографы выставляли вехи и засекали их с помощью теодолита, чтобы затем вычислить координаты искусственных ориентиров, необходимых для стрельбы. С высокой точностью на стрелковых карточках мы обозначали границы мертвых пространств и выписывали расстояния до них в метрах. Составление стрелковых карточек и огневых планшетов оказалось очень ответственной работой, требующей от топографов исключительного внимания, профессионального умения и аккуратности.

9 сентября отделение перебросили в район деревни Малая Ивановка, южнее Красногвардейска. Там мы тоже занимались подготовкой огневой документации на ДОТы и ДЗОТы… ”.

Отделение, возглавляемое капитаном И.Н. Дедюлей, выполняло съемку инженерных сооружений в деревне Московская Славянка. Получилось так, что часть противотанкового рва, вырытого ленинградцами, оказалась на территории, захваченной врагом. При подготовке контрнаступления на этом участке фронта командиру дивизии понадобилась подробная карта с обстановкой. Капитан И.Н. Дедюля поручил лейтенанту А.К. Летарову перейти ночью линию фронта и нанести на карту ту часть противотанкового рва, которую не успели отметить ранее. “Инструменты, конечно, брать было бессмысленно, — вспоминает полковник в отставке А. К. Летаров. — У меня имелось два компаса (второй я всегда брал на тот случай, если потеряю первый). Блокнот для записи измерений румбов и линий, карта масштаба 1:25 000 на участок, где нам предстояло работать. На карте заранее выбрал надежные контуры, от которых можно промерить шагами расстояния до противотанкового рва с одновременным ориентированием по компасу. Вечером около десяти часов я с двумя красноармейцами вышел на реку Славянку. На противоположном берегу находились фашисты. Желая уточнить, где лучше перейти реку, я окликнул бойца, стоявшего в траншее. В тот же миг на мой голос длинной очередью ударил вражеский пулемет. Пришлось нам спрыгнуть в траншею.

Встретивший нас командир стрелкового взвода показал сравнительно безопасное место, где можно перейти реку вброд. Оказавшись на другом берегу, мы перебежками и ползком в полночь достигли противотанкового рва. На наше счастье, фашисты здесь еще не создали сплошного минного поля. С трудом отыскав на местности нужные контуры, приступили к работе. Шагами я отсчитывал расстояние от опо-

знанных контуров до рва и далее по самому рву, фиксируя показания компаса при каждом изменении направления. В середине и на концах рва для контроля уточнил его местоположение по другим контурам. Нервы были напряжены до предела. Мы замирали от каждого шороха или стука, готовые в любую секунду открыть огонь, но все обошлось благополучно. На рассвете тем же путем мы вернулись в расположение своих войск…”.

12 сентября передовые немецкие части, сломив упорное сопротивление наших войск, захватили Красное Село и двинулись к побережью Финского залива.

Вечером того же дня лейтенант К.В. Пуздырев получил срочное задание: методом инструментальной съемки нанести на топографическую карту масштаба 1:25 000 линию наших окопов в районе станции Лигово. На рассвете К.В. Пуздырев в сопровождении трех бойцов доехал на трамвае №13 до Кировского завода и дальше отправился пешком в сторону Лигова, откуда доносилась канонада. Он еще не знал, что там уже идут ожесточенные бои. В полдень группа прибыла в указанный район и приступила к выполнению задания. Лейтенант объяснил бойцу, где нужно ставить рейку, а сам подошел к инструменту, чтобы с помощью кипрегеля отсчитать по рейке расстояние и прочертить направление на первый окоп. Боец поставил у окопа рейку, но вдруг бросил ее и побежал прочь. “Стой! Куда же ты?” — крикнул лейтенант. Боец остановился, а затем, испуганно озираясь, поднял рейку и подошел к лейтенанту. Оказалось, что какой-то пехотный командир, пригрозив применить оружие, прогнал бойца, чтобы тот не демаскировал позицию, занятую пехотинцами. Спустя несколько минут противник открыл минометный огонь по окопам, которые лейтенант Пуздырев должен был

нанести на карту. Пришлось прекратить работу и вместе с бойцами покинуть зону, обстреливаемую вражескими минометчиками.

После того как фашисты вышли к побережью Финского залива, отделение капитана Красовского, которое выполнило съемку инженерных сооружений в районе Стрельны, было отрезано от своей части. Рискуя наскочить на немецкую засаду и двигаясь под артиллерийским обстрелом, машина с топографами этого отделения направилась в Мартышкино. Там же оказались командиры и бойцы отделения старшего лейтенанта Г.Н. Вожика. Не имея сведений о местонахождении этих отделений, командир отряда майор Ф.К. Назаров и исполняющий должность комиссара отряда старший лейтенант Д.А. Попов 15 сентября выехали в легковой машине на поиски топографов.

О дальнейшей судьбе отрезанных от отряда отделений рассказал в своих воспоминаниях майор в отставке Юрий Витальевич Сазонов, который был в отделении капитана Красовского: “Нашим отделениям выделили участок обороны на окраине Мартышкино с целью не допустить прорыва противника к Ораниенбауму. Затем последовал приказ начальника топографического отдела полковника Мондруса — отделениям прибыть в Ленинград.

Ночью в порту Ораниенбаума погрузили машину на пограничный катер, выполнявший специальный рейс. Когда вышли в море, увидели жуткую картину. Весь берег охватывало зарево. Крейсер “Киров” вел огонь по врагу. Катер двигался медленно, так как бакены на фарватере были потушены.

К утру пришвартовались у спуска около моста Лейтенанта Шмидта. С трудом выкатили на берег автомашину. В

кузов погрузили инструменты и имущество, а сами пешком отправились в часть по безлюдному еще Ленинграду. Был слышен гул артиллерийской канонады. В небе гудели моторы прорвавшихся вражеских самолетов, по которым зенитные орудия вели интенсивный огонь…”.

16 сентября лейтенант К.В. Пуздырев с группой бойцов был направлен начальником отделения старшим лейтенантом Г.Н. Вожикам в район авиагородка близ Лигово для съемки строящихся оборонительных сооружений.

“Всюду кипела работа, — вспоминает К.В. Пуздырев, — ленинградцы строили доты, оборудовали пулеметные точки, рыли окопы, которые соединяли траншеями, готовили артиллерийские позиции. Оборонительный рубеж создавался беспрерывно днем и ночью. Моей задачей было наносить на карту все, что построено…”.

Утром 23 сентября майор Ф.К. Назаров вызвал к себе лейтенанта П.И. Чупрунова. Ему было приказано выехать в район Средней Рогатки и выполнить привязку двух батарей. В его распоряжение была дана машина, помощник лейтенант Н.В. Логинов и десять бойцов. Материалы привязки следовало сдать артиллеристам на месте под расписку.

“Враг рвется к Пулковским высотам, и мы должны остановить его танки артиллерийским огнем, если они вырвутся на Пулковское шоссе”, — подписал задачу топографам капитан-артиллерист.

На совершенно открытой местности были вбиты колышки, обозначавшие места установки главных орудий батарей.

Прокладку теодолитного хода топографы начали с геодезического пункта, расположенного у обочины шоссе, затем перешли к первой переходной точке. В это время бойцы раз-

мотали стальную 20-метровую ленту и приступили к измерению линий между точками хода, обозначенными вехами.

Неожиданно начался артиллерийский обстрел участка, где работали топографы. Снаряды падали так близко, что приходилось ложиться на землю и ожидать, пока рассеются клубы дыма и пыли, чтобы продолжать измерения. Стоять во весь рост у инструмента во время обстрела оказалось невозможно, и Чупрунов с Логиновым вынуждены были работать на корточках. Красноармейцам пришлось ползком промерять линии. Работу топографы завершили на геодезическом пункте, проложив замкнутый теодолитный ход. Здесь же, в придорожной канаве, Чупрунов и Логинов выполнили необходимые вычисления.

Немцы были остановлены у подножия Пулковских высот. Воины, защищавшие этот рубеж, поклялись не отступить с него ни на шаг. Они знали, какое важное значение имеют эти высоты, и стойко отбивали яростные атаки противника.

Меткий огонь нашей артиллерии наносил большой урон технике и живой силе врага. И здесь на помощь артиллеристам пришли военные топографы. Участник боев подполковник в отставке Владимир Павлович Степанов вспоминает: “Под натиском гитлеровцев из района Красногвардейска вместе с отступающими советскими войсками наше отделение, где начальником был мой друг старший лейтенант Н.М. Некрасов, отошло к Пулкову. Личный состав отделения занимался привязкой боевых порядков артиллерии в полосе обороны наших войск на участке Пулково — Кискино — Средняя Рогатка — Шушары. Здесь тогда сосредоточилось много артиллерийских частей.

Во время короткого затишья мы прокладывали теодолитные ходы для сгущения геодезической сети и привязки

огневых позиций. Для быстроты работы я объединился с лейтенантом Н.П. Ознобихиным. Один из нас измерял теодолитом горизонтальные углы, другой по ним определял дирекционные направления и выбирал по таблицам приращения координат. Приходилось носить с собой арифмометр и конторские счеты. Мы своевременно обеспечивали артиллеристов данными для стрельбы. Особенно ценили нашу оперативность в полках тяжелой артиллерии, ибо точность привязки гарантировала меткую стрельбу. В те напряженные дни у нас было очень много работы: боевые порядки батарей, дивизионов, а то и целых артиллерийских полков часто менялись…”.

Встретив сильное сопротивление наших войск, оборонявшие Пулковские высоты фашисты прекратили 23 сентября атаки и стали окапываться. Удалось остановить гитлеровцев и на других участках Ленинградского фронта.

“После стабилизации фронта, — вспоминает полковник в отставке Г.Н. Вожик, — мое отделение выполняло привязку огневых точек в двух дивизиях. Положение каждой точки на местности уточнялось с помощью мерной ленты в заданном секторе обстрела. По материалам привязки огневые точки наносились на карту масштаба 1:25 000. Для батальонов, полков и дивизий мы изготавливали схемы обороны, на которых с высокой точностью показывали все инженерные сооружения и участки действий подразделений. В этой работе участвовали представители инженерной службы дивизий.

По свидетельству майора в отставке Д.Е. Цибульского, в то время отделение, которым командовал старший лейтенант Г.Н. Вожик, выполняло съемку оборонительных сооружений в районе Урицка, где держала оборону 21-я стрелковая дивизия войск НКВД. Днем работать топографам приходи-

лось под постоянным артиллерийским или минометным обстрелом. А с воздуха их обстреливали низко летавшие немецкие самолеты. В ночное время они на передовой также постоянно подвергались смертельной опасности. Особенно опасно было вести съемку ячеек боевого охранения и секретов, расположенных перед линией наших войск. Немцы беспрерывно пускали в небо осветительные ракеты и били по нашим позициям из пулеметов. Как правило, к утру топографы были обязаны завершить обработку всех полевых материалов, собранных накануне ночью, и передать их в штаб дивизии…

Отделение, в котором был старший лейтенант Ю.В. Сазонов, работало у подножия Пулковской возвышенности, в районе деревни Большое Кузьмине. Майор в отставке Юрий Витальевич Сазонов вспоминает: “В сопровождении связных, выделенных командирами стрелковых батальонов, я лазил от одного окопа до другого, определяя свое местонахождение по развалинам домов и сараев, полевым дорогам, сохранившимся телефонным столбам. Нужно было все время сверять местность с картой. На отдельных участках, где не было никаких ориентиров, расстояние просчитывал шагами, сгибаясь чуть ли не до самой земли. Заметив нас, немецкие автоматчики открывали огонь, и тогда мы вынуждены были прятаться в укрытия и ждать, когда прекратится обстрел. Особенно трудно было вести съемку, когда выпал снег, скрывший контуры. Тогда пришлось прибегнуть к методу засечек с применением компаса и визирной линейки. Чтобы отвлечь внимание вражеских снайперов, из запасных шинелей мы делали чучела, а сами, вывалявшись в снегу, выбирались из траншей и вели съемку, пока фашисты били по чучелам. Но на такую хитрость можно было пойти не всегда…”.

Аналогичные задания выполняли военные топографы и на других участках Ленинградского фронта.

4 сентября 1941 года немецкие дальнобойные орудия подвергли Ленинград варварскому артиллерийскому обстрелу. После него начальник артиллерии 42-й армии полковник М.С. Михалкин вызвал на свой командный пункт командира 3-го топографического отряда майора Ф.К. Назарова и спросил его: “Видите вспышки стреляющих по городу батарей?” — “Вижу, товарищ полковник”.— “Дайте координаты этих батарей”. — “Есть”, — ответил майор.

”Признаюсь, — вспоминал впоследствии полковник в отставке Федор Кузьмич Назаров, — во время этого разговора я мучительно думал: поймаем ли мы вспышку таким маленьким объективом, как у нашего теодолита?.. Засечки оптическим инструментом всегда были нашим профессиональным мастерством. Но одно дело — засекать твердые визиры, а другое — мгновенные вспышки и сохранять при этом геодезическую точность. Немым укором всплывали воспоминания о последствиях вражеских обстрелов: человеческие жертвы, разрушения, пожары. Надо было выполнить приказ, как бы велики ни были предстоящие трудности…”.

Воспоминания Ф.К. Назарова дополняет подполковник в отставке В.П. Степанов. “Мы получили приказ командира отряда оборудовать несколько наблюдательных постов, с которых можно было засекать батареи противника по ночным вспышкам. Но чтобы вести засечки вспышек одновременно, надо было обеспечить наблюдательные посты телефонной связью. И тогда артиллеристы разрешили для засечек вражеских орудий в ночное время использовать свои наблюдательные пункты, снабженные полевыми телефонами. Первым моим наблюдательным постом стала каменная колокольня в де-

ревне Пулково. Оттуда в сторону противника открывался хороший обзор. Моим сопряженным наблюдателем был лейтенант В.Д. Соколов. Его пост находился на вышке мясокомбината. В дневное время мы с помощью стереотруб изучали по разным косвенным признакам расположение огневых позиций противника и проверяли ориентировку теодолитов, наведенных на флагшток Дома Советов на Международном проспекте. Ночью засекали вспышки выстрелов орудий, определяя на них направления по горизонтальному кругу-лимбу, который освещали карманным фонарикам. Данные наблюдений со связным отсылали на пункт обработки, который размещался при штабе отделения в деревне Средняя Рогатка. Там воентехник 2-го ранга Д.И. Шевченко по нашим данным определял местоположение орудий на огневом планшете.

В дальнейшем топографами отряда были оборудованы самостоятельные наблюдательные посты. И сопряженные наблюдения велись уже не с двух постов, а с трех, что значительно повысило точность засечек вражеских орудий. Для наблюдательных постов, размещенных на крыше Дома Советов, здании в Морском порту и на башне Кировского райсовета, главным ориентиром служил шпиль Петропавловской крепости. Все наблюдательные посты были связаны телефонными проводами со штабом артиллерии 42-й армии, который находился на Благодатном переулке…”.

На 1 декабря 1941 года топографы 3-го топографического отряда засекли 495 вражеских батарей, обстреливающих Ленинград. “Отряд под командованием Назарова, переданный фронтом в мое подчинение, — отмечал позже генерал М.С. Михалкин, — проделал очень большую работу. Он свел в единую систему координат боевые порядки артиллерии армии, составил карту управления огнем. Отряд топо-

графически привязал к наземным ориентирам все средства противотанковой обороны, создал карту этой обороны. Все это значительно облегчило работу штаба артиллерии армии…”.

Оптические засечки вражеских дальнобойных орудий, обстреливавших Ленинград, в полосе обороны 55-й армии вели специалисты 61-го геодезического отряда. При топографическом отделе штаба армии была создана специальная группа наблюдателей. Данные наблюдений передавались в закодированном виде в штаб армии. Вначале отсутствовала обратная телефонная связь, и это не позволяло оперативно решать вопросы, возникавшие при передаче результатов наблюдений с постов. В дальнейшем такое неудобство было устранено, и вся система оптической засечки, таким образом получила свое завершение.

Наблюдательные посты располагались на высоких сооружениях на расстоянии 10—15 км от линии фронта. Вспышки засекали с трех постов, что обеспечивало высокую точность выявления дальнобойных орудий врага. Вначале геодезисты наводили вертикальную линию сетки нитей теодолита на середину огненного круга вспышки. Но в процессе работы такая точность оказалась излишней, и вспышки стали ловить наружной “мушкой” зрительной трубы. Отказались и от вычисления координат по таблицам, а стали наносить их графически на планшетах масштаба 1:10 000 с помощью прозрачных линеек. Такой способ определения координат орудий противника по точности вполне удовлетворял артиллеристов. Для удобства наблюдений в темное время суток младший воентехник М.А. Сарана прикрепил на лимбе теодолитов лампочки от карманного фонарика, а “мушки” и “целики” на зрительных трубах теодолитов покрыл светящимся соста-

вом, в котором основным компонентом являлся фосфор. Он же сконструировал наконечники для карандашей со вставленными миниатюрными электрическими лампочками, что позволило вести записи в журналах при полной темноте.

Геодезисты, как и топографы, быстро освоились с новым для них делом. В ленинградских газетах появилось несколько корреспонденций, рассказывающих о ратном труде топографов и геодезистов Ленинградского фронта. С волнением перебираешь эти пожелтевшие от времени газетные вырезки, донесшие до нас факты напряженных боевых будней.

Во фронтовой газете “На страже Родины” в номере от 15 сентября 1941 года говорилось: “Точная работа топографа помогает артиллеристам быстро “нащупать” цель и накрыть ее. Воентехник 1 ранга Л.С. Штых и старший политрук Раак вместе со своим отделением под непрекращающимся огнем противника быстро построили геодезические знаки, проложили теодолитные ходы и вычислили координаты точек. Данные немедленно пошли в Н-скую артиллерийскую часть. Артиллерия быстро накрыла цель и сэкономила много снарядов...”.

Как удалось установить, в газетной заметке рассказывалось о геодезистах 61-го геодезического отряда. Специалистам этой же части была посвящена статья в “Ленинградской правде” от 30 октября 1941 года под названием “Боевые дела геодезистов”. Вот отрывок их этой статьи: “Большую помощь артиллеристам в меткой стрельбе… оказывают военные инженеры и техники Н-ского геодезического отряда. Только одно подразделение этого отряда дало за месяц координаты свыше, чем 80 огневых точек противника, большинство из которых уничтожено нашей артиллерией. В самых сложных условиях выполняют геодезисты задания командования. По

12—14 часов бессменно находятся они на наблюдательных пунктах, строго следят за вражескими позициями, не упуская ни одного выстрела вражеских батарей. Геодезическое обеспечение армии связано с использованием сложных инструментов, и каждый геодезист и топограф стремится выжать из этой техники максимум того, что она может дать. Особенно отличаются в подразделении Аксерольда наблюдатели старшие лейтенанты Захаров и Колесников, воентехник 2 ранга Шатров и другие…”.

Бывший начальник топографической службы Невской оперативной группы инженер-подполковник в отставке Владимир Павлович Чернов вспоминает, что в начале декабря 1941 года ночью в районе расположения оперативной группы разорвалось несколько снарядов большой мощности. Один снаряд упал близ штаба артиллерии. Все, кто в момент взрыва находился в штабном блиндаже, почувствовали, как заколебался пол. С потолка посыпалась земля. Открылась дверца чугунной печки, и пламя вырвалось наружу. По громадному осколку снаряда удалось определить его массу — 800 кг и калибр орудия — 420 мм. Специалисты установили, что враг стрелял из мортиры времен первой мировой войны, которая предназначалась для разрушения железобетонных фортов, в частности бельгийских крепостей Льеж и Намюр. Это артиллерийское орудие с коротким стволом и крутой навесной траекторией стреляло на расстояние 12 250 м. Геодезистам было поручено засечь огневую позицию мортиры.

Выполнение задания возложили на отделение старшего лейтенанта А.И. Смирнова. Начальник артиллерии Невской оперативной группы генерал-майор С.А. Краснопевцев предупредил А.И. Смирнова, что во время стрельбы мортиры открывают огонь и другие огневые точки противника, чтобы

помешать звуковой разведке определить место расположения тяжелого орудия. Геодезисты усилили наблюдение. Глубокой ночью была обнаружена очень яркая вспышка, которую удалось засечь с наблюдательных постов, размещенных на водонапорной башне у деревни Островки, на вершине холма около деревни Малое Манушкино и на 30-метровом сигнале “Каменная грива”. Результаты засечек немедленно поступили на пункт обработки, где в это время дежурил воентехник 2-го ранга А.А. Решетов, который нанес их на планшет. После трех выстрелов, проведенных с интервалом 8—10 минут, все направления сошлись в одной точке. Для контроля засекли четвертый выстрел. Графические координаты орудия были переданы по телефону в штаб артиллерии Невской оперативной группы В.П. Чернову. Когда координаты огневой позиции мортиры перенесли на топографическую карту, оказалось, что она находится в песчаном карьере. Об этом начальник артиллерии группы доложил в штаб Ленинградского фронта. Оттуда поступил приказ — обнаруженное орудие большой мощности не обстреливать. Авиационная разведка подтвердила наличие в карьере у железнодорожной станции Горы хорошо замаскированной ветки, по которой орудие вывозилось на огневую позицию. Мортиру уничтожили наши бомбардировщики.

Враг стремился ликвидировать наблюдательные посты геодезистов. Сильнейшему огневому воздействию постоянно подвергалась церковь с колокольней в Пулкове. Подполковник в отставке В.П. Степанов, обслуживавший этот пост, сохранил в своей памяти следующее: “Немцы, видевшие церковь с Дудергофских высот, стали нас все чаще беспокоить. Прямым попаданием снаряда разворотило купол колокольни. Бойцы раздобыли несколько толстых досок и сделали что-то

вроде мостика. По нему мы пробирались в купол церкви, где оборудовали другой наблюдательный пост. Но немцы решили уничтожить его и в середине декабря 1941 года подвергли церковь артиллерийскому обстрелу. Во время этого обстрела мы укрылись в подвале, выход из которого был засыпан битым кирпичом и кусками штукатурки. Спустя несколько дней немецкие артиллеристы разрушили церковь до основания. Новый наблюдательный пост мы устроили в развалинах обсерваторского здания на Пулковской горе. От нашего поста по открытой местности вела бетонная дорожка, которая связывала нас с внешним миром. Она постоянно обстреливалась из орудий и минометов, за что мы ее прозвали “дорогой смерти”. Этот пост обслуживали лейтенант А.П. Зеленев, воентехник 2 ранга Поспелов и я. В одну из декабрьских ночей разрывом мины был ранен боец и поврежден теодолит. Бойца отправили в госпиталь, а теодолит нам заменили. Но немцы, очевидно, пристреляли наш пост, и во время наблюдений миной убило воспитанника Ленинградского топографического техникума Поспелова…”.

Для борьбы с артиллерией противника, обстреливавшей Ленинград, в 42-й армии была сформирована контрбатарейная группа из нескольких артиллерийских полков.

Геодезисты и топографы Ленинградского фронта осуществляли привязку дальнобойных орудий, установленных на железнодорожных платформах, и обеспечивали геодезическими данными морскую артиллерию Кронштадта. По свидетельству адмирала В.Ф. Трибуца, “военные топографы тщательно произвели привязку огневых позиций и определение целей, что способствовало повышению меткости артиллерийского огня кораблей Краснознаменного Балтийского флота”. В дальнейшем на Ленинградском фронте был создан контр-

батарейный артиллерийский корпус под командованием генерал-майора Н.Н. Жданова. Штаб корпуса размещался в здании техникума возле Общественного переулка в Невском районе. К разведотделу корпуса был прикомандирован опытный дешифровщик 3-го топографического отряда старший лейтенант С.С. Ворончук. В его задачи входили дешифрирование на аэроснимках артиллерийских батарей противника, стрелявших по Ленинграду, и нанесение их на топографическую карту. Кроме аэроснимков использовались данные других видов разведки, поступавшие в разведотдел корпуса, который возглавлял подполковник Зорин. Нередко враг сооружал ложные позиции, которые хорошо просматривались на аэроснимках. При малейших сомнениях в правильности данных дешифрирования, проводились визуальная разведка и повторное фотографирование вражеского объекта с самолета.

Работал Ворончук обычно ночью, когда в разведотдел поступали аэроснимки, и просиживал часами над ними, просматривая сквозь лупу. С помощью дешифрированных снимков в разведотделе готовилась топографическая карта, на которой условными знаками были указаны вражеские позиции, их порядковый номер, число орудий и калибр, а на обороте карты выписаны координаты выявленных целей. Этот боевой документ, получивший название карты целей, размножался в нескольких экземплярах в Ленинградской военно-картографической части и постоянно обновлялся. С нее убирали уничтоженные огневые позиции и наносили новые. Свежие экземпляры карты целей регулярно поступали в артиллерийские части, на корабли Краснознаменного Балтийского флота и в эскадрильи бомбардировщиков 13-й воздушной армии. С похвалой об артиллеристах-контрбатарейщиках отзывался Маршал Советского Союза А.М. Василевский: “Славной

страницей героической Ленинградской эпопеи была контрбатарейная борьба с артиллерией противника, варварски обстреливавшей Ленинград. Полагаю, что не погрешу перед историей, если скажу, что именно артиллеристам Ленинградского фронта и Балтийского флота нередко приходилось прокладывать новые пути в теории и практике контрбатарейной борьбы. Воинский труд и искусство ленинградских артиллеристов — от рядовых до командующего фронтом — во многом способствовали сохранению города героя на Неве от варварского разрушения и спасению многих тысяч человеческих жизней в долгие месяцы блокады…".

В начале войны дешифрирование аэроснимков вражеских аэродромов и железнодорожных станций выполняли специалисты Военно-Воздушных Сил (ВВС). По выявленным скоплениям боевой техники противника наносила удары бомбардировочная авиация. Но по мере приближения врага к Ленинграду с юго-запада аэросъемочный материал стал поступать в таком большом количестве, что дешифровщики не успевали его обрабатывать. Тогда к этой работе подключили бывших фотограмметристов Северо-Западного аэрогеодезического предприятия, зачисленных в штат 8-го топографического отряда.

Помимо других срочных заданий дешифрированием аэроснимков занималось отделение лейтенанта А.Ф.-Кустарова. В отделении были такие классные специалисты, как старший лейтенант И.В. Петров, воентехники 1-го ранга С.В. Травяников, Р.Б. Стекольников, воентехники 2-го ранга Н.И. Александров, Г.В. Городнянский, Н.М. Свирщевский, младшие лейтенанты Г.В. Зверинцев, А.И. Ионин, младший воентехник П.Н. Михеев, И.М. Розанов.

В конце октября 1941 года лейтенант-летчик привез в отряд 20 аэроснимков с заданием отдешифрировать результаты бомбардировки нашей авиацией аэродрома противника в районе Красногвардейска (Гатчины). Просматривая аэроснимки под стереоскопом, топографы насчитали 39 поврежденных бомбардировщиков “Юнкерс-88” и три сгоревших истребителя “Мессершмитт-109”. Затем в отделение поступило 13 аэроснимков плацдарма, захваченного нашими войсками в районе деревни Московская Дубровка. Этот плацдарм впоследствии стали называть “Невским пятачком”. Топографы определили на снимках по расположению окопов передний край наших войск, закрепившихся на левом берегу Невы. Тогда весь плацдарм на снимках масштаба 1:7500 можно было закрыть ладонью.

В 20 числах ноября топографам отряда пришлось дешифрировать аэроснимки Ораниенбаумского плацдарма. Сплошной обороны противник к тому времени здесь не успел создать, но гитлеровцы уже рыли траншеи и строили ДЗОТы. Артиллерия была сосредоточена в лесах. На снегу отчетливо виднелись темные задульные конусы выстрелов. В штабе фронта по достоинству оценили работу военных топографов по тактическому дешифрированию.

Вскоре решено было создать 5-ю дальнеразведывательную эскадрилью, которой по заданиям разведотдела штаба фронта поручалось вести аэрофотосъемку инженерных сооружений противника по всему фронту, включая его тылы. Аэрофильмы проявляли и печатали с них аэроснимки в фотоотделении при штабе ВВС. Затем аэроснимки поступали в топографический отдел штаба фронта, а оттуда в 8-й топографический отряд. В созданную в отряде группу дешифровщиков входили Г.В. Зверинцева, А.И. Ионина, И.В. Петрова,

И.М. Розанова и Н.М. Свирщевский. Руководителем группы назначили бывшего преподавателя фототопографии Ленинградского военно-топографического училища капитана Б.А. Станкевича.

Некоторое время спустя топографам предстояло выдержать серьезный экзамен — отдешифрировать на аэроснимках всю систему обороны противника. И вот пачки с аэроснимками были распакованы, командиры стали раскладывать их по маршрутам согласно приложенной схеме. Затем с помощью больших луп и под стереоскопом они принялись по аэроснимкам изучать оборону врага. Полковник в отставке Борис Александрович Станкевич впоследствии вспоминал: “Работали мы на пятом этаже, и с нашей верхотуры были хорошо слышны и свист снарядов и разрывы их, как бы аккомпанирующие нашей горячей работе. Как мне пришлось волноваться за наш дебют! Буквально каждый снимок, уже отдешифрированный исполнителем, я внимательно рассматривал, находя и поправляя обнаруженные ошибки...

К утру на смонтированную заранее фотосхему и на синие оттиски карты масштаба 1:25 000 ровными узорами легли вырытые ДЗОТы, рвы, землянки, окопы, артпозиции и другие военные объекты. Их было так много, что командование отряда усомнилось: не переборщили ли дешифровщики, не показали ли лишнее? Но даже если по неопытности исполнители и показали несколько лишних объектов, то и без этого, глядя на фотосхему, становилось ясно, что фашисты на Ленинградском фронте перешли к позиционной обороне.

Наша первая обобщающая работа по дешифрированию военных объектов противника явилась ценнейшим документом для командования фронта …”.

М.И. ЛОПАТИН

Лопатин Михаил Иванович (1903—1977). Окончил Петроградскую военно-топографическую школу (1926), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1941). Триангулятор 2-го военно-тригонометрического отряда (1926—1931), триангулятор Сибирского военно-топографического отдела (1931—1933), командир геодезического отделения военно-топографического отдела штаба Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии (1933—1934), командир геодезического отделения топогеодезического отряда ЛенВО (1934—1936), командир 61-го геодезического отряда (1941—1942), помощник, заместитель начальника топогеодезического отдела, начальник группы по руководству геодезическими работами (1942—1949) ВТУ ГШ, начальник топографического отдела штаба ЛенВО (1949—1955). Полковник.

В ОБОРОНЕ ЛЕНИНГРАДА

Топографическая служба Ленинградского военного округа включала топографические и геодезические отряды, картографическую и геодезическую части и склады топографических карт. Эти части обеспечивали выполнение топографических, геодезических и картоиздательских работ.

Когда началась война, топографические отряды округа работали в полевых условиях, вдали от Ленинграда, некоторые были на советско-финской границе и сразу же оказались под ударами противника.

Первые задачи по топографическому обеспечению обороны Ленинграда решали 8-й топографический и 61-й геодезический отряды. Вспоминая об этом периоде, полковник Ф.К. Назаров пишет: “В начале июля 1941 года 8-й топогра-

фический отряд получил распоряжение выделить группу топографов и направить ее в Смольный. Начальником группы был назначен начальник штаба отряда воентехник 1-го ранга К.С. Чубарев. В Смольном группу направили к члену военного совета Ленинградского фронта генерал-лейтенанту А.А. Жданову, который поставил задачи топографам в присутствии военачальников фронта. Он хорошо понимал, что может сделать топограф и, не спрашивая ничего, объявил, что надо срочно нанести на карту построенные под Лугой противотанковые рвы, эскарпы, надолбы, минные поля и другие сооружения по донесениям, которые оттуда поступили. Двое суток кропотливой работы военных топографов, и войска получили требуемый документ. Он отражал полную картину противотанковой обороны ключевой Лужской позиции на подступах к Ленинграду. Благодарность А.А. Жданова личный состав 8-го топографического отряда воспринял как высшую награду за свой труд…”.

В июле—августе 1941 года силами нескольких отделений 61-го геодезического отряда были выполнены первые работы в интересах артиллерийских частей фронта.

Враг наращивал удары, стремясь сомкнуть кольцо блокады вокруг Ленинграда. Город стойко защищали части Красной Армии, ленинградцы. В августе 1941 года гитлеровские войска вышли в район города Урицка. Чтобы сдерживать танковые атаки противника на этом направлении, были созданы сильные заграждения, в первую очередь минные поля. Штаб Ленинградского фронта поставил топографическому отделу задачу: нанести местоположение минных полей на топографические карты. В конце августа — начале сентября топографы вышли на минные поля. Одни, без саперов. Работа была тяжелая и опасная, но военные топографы выполнили

ее успешно. Границы минных полей были показаны с ошибками не более 5 м на картах масштаба 1:25 000. Теперь войска могли выполнять боевые задачи, минуя минные поля. Такие же работы выполняли подразделения ВТС фронта в районе Александровской слободы.

Шли первые месяцы войны. Немецко-фашистские орды любой ценой стремились захватить выгодный в стратегическом отношении Ленинград. Войска и население создавали вторую защитную полосу ближе к Ленинграду, что требовало все большего привлечения сил ВТС фронта для топографического обеспечения строительства оборонительных укреплений.

Штаб Ленинградского фронта развернул большую работу по изысканию посадочных площадок и аэродромов в районе Тихвина. По приказанию командования фронта от ВТС направляются 50 топографов и геодезистов. К октябрю 1941 года работа была закончена.

21 августа 1941 года по призыву военного совета фронта, Ленинградского горкома партии и Ленинградского совета депутатов трудящихся трудоспособное население города вновь вышло на строительство оборонительных сооружений и второй защитной полосы. Создаваемые оборонительные полосы нуждались в топографическом обеспечении, в четком графическом отображении на топографических картах. Предстояла большая работа, требующая соответствующего опыта по топографическому обеспечению укрепрайонов. Такой опыт был у 8-го топографического отряда, и отдел штаба Ленинградского фронта направил его для решения поставленной задачи. Работу отряда значительно облегчила имеющаяся карта масштаба 1:25 000. Она была точной и полной. Возникли, правда, трудности при изображении на картах оборони-

тельных сооружений и системы огня в самом городе. Получившая распространение огневая документация для укрепрайонов не отвечала требованиям, которые предъявлялись к ней характером боевых действий в черте крупного города, где каждый перекресток превращался в многоамбразурный ДОТ, улица — в противотанковый заслон, где дома, квартиры становились ДОТами. Поэтому вся система обороны Ленинграда была представлена военными топографами на картах масштаба 1:25 000. Положение нужных точек и заграждений определялось на карте, видимая из амбразур местность в секторах фотографировалась, и из фотоснимков изготовлялись прицельные фотопанорамы.

С началом войны командование фронта принимало меры по восстановлению сооружений и системы огня укрепрайона на Карельском перешейке. Топографическое обеспечение работ в сентябре 1941 года проводил 39-й моторизованный топографический отряд, который, используя созданную им же на этот укрепрайон в 1938—1939 годах документацию, оперативно подготовил карты системы огня и полевых оборонительных сооружений. Эти документы помогли войскам вскрыть слабые места в своей обороне и своевременно принять меры усиления.

К зиме 1941—1942 годов работы по топографическому обеспечению подступов к городу, его оборонительных сооружений и систем огня (кроме участков побережья Финского залива) были выполнены.

Наступила зима, и жизнь в блокадном городе стала еще тяжелей. Но, напрягая все силы, истощенные и голодные люди продолжали стоять насмерть на боевых позициях и у станков. Ленинград жил, Ленинград боролся!

Морозы сковали льдом Неву и Финский залив. Опасность прорыва гитлеровцев в Ленинград по льду Финского залива возросла. Возникла острая необходимость организовать надежную систему огня на этом направлении. И снова в работу включились части ВТС фронта. Топографы подготовили документы, нужные штабу 45-й дивизии и железнодорожному батальону, оборонявшим участок Автово - Торгового порта. Прямо на льду Финского залива были выставлены ориентиры и определены их координаты. Были проведены засечки всех полузатонувших в заливе кораблей и барж, на которых находились посты боевого охранения. Боевую документацию получили все расположенные на льду огневые точки. Маскировка, естественно, была невозможна, а появление на льду человека с геодезическим прибором вызывало немедленный огонь противника. Мужество и большую выдержку при выполнении этой задачи проявил старший лейтенант Г.В. Зверинцев.

Работами по топографической подготовке системы огня на этом участке побережья Финского залива ВТС фронта завершила полную топографическую подготовку внутренней обороны Ленинграда. Город герой был готов встретить врага на ближних подступах, на своих улицах и площадях хорошо подготовленным смертельным огнем.

После безрезультатного штурма укрепленных позиций на подступах Ленинграда, продолжавшегося до конца сентября 1941 года, гитлеровские войска начали массированные воздушные бомбардировки и артиллерийский обстрел. Налеты гитлеровской авиации приводили к большим разрушениям и пожарам, страдало мирное население. Перед войсками противовоздушной обороны (ПВО) фронта встала задача повысить эффективность огня зенитной артиллерии. Ключ к ее

решению был найден в создании единого и точного геодезического обоснования для всей системы ПВО — батарей, средств наблюдения и ориентирования. Эту задачу топографический отдел штаба фронта поставил перед геодезической частью и 64-м геодезическим отрядом.

Предельно напрягая свои силы, геодезическая часть оперативно провела перевычисление густой и точной городской полигонометрии и опорных пунктов триангуляции на весь район ПВО в единую систему, согласованную с топографическими картами и принятую в артиллерии. Таким образом была создана возможность организации системы массированного огня ПВО на общей геодезической основе. Для ее реализации топографический отдел штаба фронта 7 января 1942 года поставил задачу 64-му геодезическому отряду: обеспечить геодезическую привязку огневых позиций 2-го зенитного корпуса, осуществлявшего противовоздушную оборону Ленинграда. Группами по два человека, распределившись по дивизионам, личный состав отряда выполнил задачу точно в установленный срок.

С 20 марта по 20 мая 1942 года проводилась геодезическая привязка всей системы ПВО, занявшей новые огневые позиции. Батареи получили карточки с геодезическими данными, а командиры дивизионов, полков и штаб ПВО — подробные сведения о батареях на картах масштаба 1:25 000. И результаты не замедлили сказаться: теперь зенитная артиллерия отражала налеты авиации противника с большим эффектом. Капитальность геодезической привязки системы ПВО фронта исключила необходимость обращения к этому вопросу в дальнейшем.

Реализуя план осады города, гитлеровцы одновременно с массированными бомбардировками предприняли артилле-

рийский обстрел Ленинграда, который повлек не меньшие потери и разрушения, чем налеты авиации. Надо было подавить вражескую артиллерию на всем фронте. В решении этой задачи активно участвовала ВТС фронта — силами 61-го и 64-го геодезического и 3-го военно-топографического отрядов была проведена геодезическая привязка артиллерийских и минометных батарей, определены засечками (ночью и днем) координаты стреляющих дальнобойных артиллерийских батарей противника, подготовлены исходные данные для стрельбы наших дальнобойных орудий.

Для обеспечения высокой эффективности стрельбы привязка позиций нашей артиллерии проводилась только от пунктов геодезической сети. Другие приемы были запрещены. В 42-й армии по приказанию начальника артиллерии результаты работ топографов были впервые оформлены в виде огневого планшета на карте масштаба 1:25 000.

Координаты позиций вражеской артиллерии выявлялись и определялись инструментальными засечками вспышек стрелявших орудий. Азимуты и время вспышек сообщались по телефону на центральный пост, где они обрабатывались и передавались в штабы артиллерии и армий. Длительные наблюдения за противником и анализ результатов засечек позволили не только выявить позиции артиллерии, но и вскрыть всю систему вражеского огня.

В течение осени 1941 года и зимы 1942 года наряду с топографическим обеспечением боевых действий артиллерии и войск ПВО шло обеспечение инженерных строительных работ, связанных с усилением оборонительного пояса, непрерывно велись работы по точному определению положения переднего края наших войск, который “жил” и передвигался.

ВТС фронта обретала все больший опыт в боевых условиях. Возрастал авторитет военного топографа в войсках.

В декабре 1942 года войска фронта и ударная группировка (67-я армия) приступили к подготовке операции по прорыву блокады Ленинграда. Топографическая служба фронта отдавала отчет, что всестороннее топографическое обеспечение наступления войск будет способствовать успеху решения этой задачи.

Штабы Ленинградского фронта и 67-й армии приступили к подготовке операции. Одновременно началось топографическое обеспечение, которое продолжалось до февраля 1943 года. Напряженно работал 3-й военно-топографический отряд: по аэроснимкам и фотопанорамам было вскрыто более 5000 объектов на переднем крае и в глубине обороны врага. Войска получили фотосхемы с дешифрированными объектами и артиллерийскими позициями, фотопанорамы участков линии прорыва блокады — это дало полное представление о системе обороны и огня гитлеровцев.

Для штабов фронта и 67-й армии были изготовлены карты рельефа в масштабе 1:10 000 на весь район операции по прорыву блокады. В декабре 1942 года картографическая часть составила в масштабе 1:2000 и издала подробный план Шлиссельбурга, который был доведен до командиров взводов (батарей) включительно.

Совместными усилиями топографической службы, разведотдела штаба фронта, штаба артиллерии и отдела инженерных войск создаются карты оборонительных сооружений и огневых средств противника на невском направлении в масштабах 1:10 000 и 1:100 000. Их получают штабы и войска до командиров рот (батарей) включительно.

Пока шла подготовка прорыва блокады, части и подразделения ВТС фронта постоянно привязывали огневые средства, рекогносцировали и наносили на топографические карты инженерные сооружения, позиции войск противника, размножали эти карты. Одновременно в топографическом отношении обеспечивалась дорожная ледовая трасса Ладожского озера и ее оборона.

Опыт ведения боевых действий осенью и зимой требовал более полного и точного топогеодезического обеспечения артиллерии. По приказу командующего артиллерией 67-й армии перед операцией была произведена повторная геодезическая привязка всех боевых порядков. В труднейших условиях зимы и лесисто-болотистой местности подразделения ВТС фронта выполнили приказ в предельно сжатые сроки. До начала наступления военные топографы произвели геодезическую привязку вновь прибывших артиллерийских подразделений.

Мощнейшая артподготовка 12 января 1943 года возвестила о начале операции по прорыву блокады Ленинграда. Ленинградский и Волховский фронты перешли в наступление и на седьмой день боев встретились. Блокада Ленинграда была прорвана! Ликовали ленинградцы, ликовал весь советский народ!

По мере продвижения наших войск вперед подразделения ВТС фронта обеспечивали артиллерию опорной геодезической сетью. Хотя масштаб карты и позволял выполнять эту работу с ее использованием, но указанные на ней предметы, контуры и ориентиры были закрыты на местности снежным покровом или уничтожены. Поэтому в ходе наступления потребовалось не только определять пункты геодезических сетей на предстоящие районы огневых позиций, но и развивать

от исходных пунктов опорную геодезическую сеть для привязки боевых порядков артиллерии и минометов. Исходными пунктами служили надежные ориентиры в расположении противника, которые в подготовительный период были засечены со стороны наших войск.

Топографы дивизий непрерывно обеспечивали войска картами, наносили на них происходившие в боях изменения местности. Исправлением карт занималась и часть топографов из подразделений топографической службы, приданных соединениям на период операции. Прежде всего, исправлялись оперативные карты штабов дивизий и полков, которые топографическая служба фронта размножала и доводила до войск.

При обороне Ленинграда и прорыве блокады ВТС полностью удовлетворила потребность в топографических картах — войскам было выдано около 5 млн листов карт.

После прорыва блокады штаб Ленинградского фронта организовал проверку достоверности дешифрирования военных объектов по аэроснимкам. Разведсхемы правильно отражали характер обороны противника как на переднем крае, так и в глубине. Огневые позиции и оборонительные сооружения противника по аэроснимкам дешифрировались с достоверностью: траншеи, ходы сообщения и противотанковые рвы — полностью, артиллерийские позиции и дзоты — 80%, КП, НП и склады — 70%, минометные позиции, землянки и блиндажи — 50%.

Так бойцы и командиры топографической службы Ленинградского фронта в одной шеренге с воинами других родов войск стояли насмерть у стен Ленинграда в его самые тяжелые дни.

Л.Л. ИВАНОВ

Иванов Леонид Леонидович (1900—1985). Окончил Гатчинскую пулеметную школу и 2-е Советские артиллерийские курсы (1919), Петроградскую военно-топографическую школу (1921), Высшие офицерские курсы ВТС при ВИА им. В.В. Куйбышева (1947). Младший и старший производитель топографических работ в 10-м военно-топографическом отряде (1921—1925), топограф (1925—1933), командир отделения (1933—1934), начальник штаба (1934—1936), командир (1936—1938) 3-го военно-топографического отряда ЛенВО, и.д. командира и командир военно-топографического отряда ЗакВО (1938—1940), помощник и заместитель начальника отдела ВТС штаба Белорусского Особого ВО (1940—1941), врид заместителя начальника отдела ВТС и начальник топографического отделения отдела ВТС штаба Западного фронта (1941), начальник топографического отдела штаба Волховского фронта (1941—1943), штаба МВО (1943—1945), штаба Вост.Сиб. ВО (1945—1946), начальник кафедры военной топографии Военного института иностранных языков (1947—1953). Полковник.

ДВА ГОДА НА ВОЛХОВЕ

Одной из основных задач топографической службы Волховского фронта было обеспечение точного ориентирования войск в условиях лесисто-болотистой местности.

Это был настоящий дремучий лес, преимущественно хвойный, кругом болота, топи. Ни просек, ни дорог, лишь кое-где едва просматривались неизвестно куда ведущие тропинки. Не было в лесу ни заметных оврагов, ни более или менее выдающихся высот, которые можно было бы использовать как ориентиры. И хотя топографическая карта точно отображала местность, ориентироваться по ней было трудно.

Поэтому часто в донесениях ошибочно показывались достигнутые рубежи и положение противника, эти ошибки были особенно заметны на стыках частей.

“Товарищ Иванов, что-то надо делать, чтобы войска не блуждали по лесу, — сказал мне как-то командующий фронтом генерал К.А. Мерецков. — Надо их научить хорошо ориентироваться в лесу”. “Да, товарищ командующий, — ответил я, — этому надо учить командиров батальонов и рот. Кроме того, топографа надо иметь не только в дивизии, но и в полку”. “Вот и займитесь”, — закончил разговор К.А. Мерецков.

После этого состоялось короткое совещание с начальниками топографической службы армий, провели сбор топографов дивизий, и работа закипела.

На должность полковых топографов были назначены лица, имеющие топографическое образование. Началась учеба в войсках и во фронтовом учебном центре. Офицеров учили ориентироваться на местности по компасу, двигаться по азимуту, определять по карте свое местонахождение и положение противника. Практические занятия по военной топографии были проведены с командирами полков, батальонов и рот.

Во второй половине января 1942 года на фронт прибыли из Ленинграда штаб и подразделения 64-го геодезического отряда (командир подполковник А.Я. Пивник). В распоряжение начальника артиллерии 2-й ударной армии направили одно геодезическое отделение отряда.

К весне на фронте велись упорные бои. Активизировалась разведка. Работы у топографов прибавилось. Они сгущали опорную геодезическую сеть (ОГС), работали в укре-

прайоне и на тыловом рубеже по составлению огневой документации.

Одновременно выполнялись рекогносцировка местности и исправление карты. Приступили к составлению карты в масштабе 1:10 000 по аэроснимкам на особо важные районы переднего края и территории противника. Группа топографов дешифрировала аэроснимки. Составлялись и печатались дорожные, разведывательные карты, различные схемы. Но сил и средств не хватало.

Вскоре из Ленинграда прибывал 61-й геодезический отряд (командир подполковник М.И. Лопатин). После небольшого отдыха отряд включился в работу по обеспечению артиллерии ОГС.

Обозначенные на местности столбиками точки ОГС служили ориентирами для войск. Эти ориентиры и их координаты впечатывались в карту масштаба 1:50 000 или в бланковые карты различных масштабов.

В ходе наступления военные топографы, продвигаясь вслед за пехотой, прокладывали теодолитные ходы, проводили наблюдения и вычисления.

Для дешифрирования аэрофотоснимков и создания разведывательных карт был организован фронтовой фотограмметрический центр. Его работой руководил инженер-майор Н.М. Фильчагин. В работе центра участвовали представители разведки, артиллерии, инженерных войск. Аэросъемку выполняла корректировочная авиация артиллерии фронта и самолеты 14-й воздушной армии.

Особенный интерес представляли повторные залеты. Они давали все новые разведданные о противнике. Их накапливали от залета к залету, анализировали, сопоставляли и,

разгадав замыслы врага, использовали для нанесения эффективных ударов.

На отдельные особо важные участки были изготовлены для командующего фронтом крупномасштабные карты рельефа. На них по материалам аэрофоторазведки наносились данные о противнике. Пять-шесть планшетов с такими картами рельефа всегда находились на командном пункте фронта.

Однажды на аэроснимке была замечена едва различимая полоса. Что она означает — по аэроснимку нельзя было определить. Помогла войсковая разведка. Это была новая хорошо замаскированная дорога. Именно по ней немцы скрытно подвозили к фронту вооружение и боевую технику. И обнаружили ее по материалам аэрофотосъемок. По аэрофотоснимкам проверялась также маскировка наших войск.

Малоизвестные в начале войны топографы становились все больше необходимыми фронту. В них нуждались. Им верили. Теперь все чаще можно было слышать такой диалог:

— Товарищ начальник артиллерии, в районе отметок 27,5 и 30,7 появилось девять новых батарей, — докладывает артиллерист-разведчик.

— Откуда узнали? Кто донес?

— По результатам дешифрирования аэрофотоснимков, которые передали нам топографы.

— Топографы! Значит правильно — они редко ошибаются.

Топографам часто приходилось уточнять положение переднего края, обычно на стыках дивизий. С помощью теодолита определяли местоположение своего переднего края, затем — расстояния до окопов противника. Часто их опреде-

ляли в результате засечек осветительных ракет, бросаемых немцами.

К концу 1942 года стали складываться условия для прорыва блокады Ленинграда, готовилась наступательная операция. У топографов была самая напряженная пора: аэрофотосъемка, дешифрирование, изготовление карт, схем, топографическое обеспечение артиллерии, снабжение войск картами.

Наконец, началось наступление. Когда мощным и точным огнем артиллерии укрепления противника были уничтожены, в прорыв устремилась пехота и вслед за ней топографы. Работа шла полным ходом: под огнем противника топографы проводили наблюдения и вычисления, ползком тянули за собой ленты, измеряя расстояние. Артиллеристы подвозили и устанавливали орудия и тут же получали координаты новых огневых позиций. Орудия сразу начинали бить по врагу.

Около полудня 18 января 1943 года, в районах рабочих поселков № 5 и 1 войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились — блокада была прорвана!

Отвоеванный в боях коридор между Ладожским озером и линией фронта шириной около 10 км стал для Ленинграда артерией жизни. За 15 дней здесь была построена новая железная дорога. Ее ленинградцы назвали “Дорогой победы”.

В голодающий Ленинград пошли эшелоны с продовольствием. Но новая железная дорога хорошо просматривалась противником с Синявских высот, и многие эшелоны до города не доходили, разбитые артиллерийским огнем немцев на перегоне. Стали строить другую железнодорожную ветку, укрытую от наблюдения с Синявских высот. А пока надо было обнаружить и уничтожить немецкий наблюдательный пункт. Инженер отделения 61-го геодезического отряда ин-

женер-капитан К.А. Звонарев — после войны доктор технических наук, профессор Ленинградского государственного университета — с трассы железной дороги выполнил по карте обратные засечки на Синявские высоты и таким образом определил вероятное положение немецкого наблюдательного пункта. Артиллеристы через несколько часов уничтожили вражеский наблюдательный пункт. И снова бесперебойно пошли поезда с продовольствием, медикаментами и теплой одеждой для ленинградцев.

Приближалась весна. А это означало, что разольется река Волхов и затопит низины, где располагались наши войска. Топографы получили срочное задание: определить высоту подъема воды на Волхове, обозначить на карте все места затопления. Начались поиски. Нужны были данные о подъеме воды в реках района за многие годы. Работали вместе с Гидрометеослужбой. Поиски, соображения, вычисления, результатом которых стала изданная карта, позволившая принять необходимые меры.

Снова заработал фотограмметрический центр на этот раз, топографы отряда создали “танковую” карту. На ней были выделены места, доступные для движения танков и непроходимые места, указаны обзор с наиболее важных рубежей, глубина болот, грузоподъемность мостов, высота и толщина деревьев в лесу. Были напечатаны анаглифические карты, на которых с помощью специальных очков можно было объемно видеть рельеф местности. Составлялись схемы городов, крупных населенных пунктов, карты ориентиров, дорожные карты.

Конца работе не было видно, ведь впереди нас ждали новые рубежи, новое наступление наших войск.

Н.Н. МИНЕЕВ

Минеев Николай Николаевич (1920—2013). Окончил ЛВТУ (1939), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1949). Топограф 2-го и 1-го разряда, старший топограф 25-го топографического отряда МВО, Юго-Западного фронта (1939—1942), Донского фронта (1942—1943), старший картограф Киевской картографической части (1943—1944). Начальник отделения 6-го аэрофототопографического отряда Вост.-СибВО (1949—1953), начальник штаба 4-го топографического отряда ЗабВО (1953—1955), командир 36-го топографического отряда ПрибВО, КВО (1955—1961), заместитель начальника топографического отдела штаба ЗакВО (1961), начальник Топографической службы ЗакВО (1961—1968), начальник 7-го отдела ВТУ ГШ (1968—1973), заместитель начальника ВТУ ГШ по планированию и производству (1973—1974), заместитель начальника ВТУ ГШ по боевой подготовке и научно-исследо-вательской работе (1974—1976). Заслуженный работник геодезии и картографии СССР. Лауреат Государственной премии СССР за работы в области создания космического геодезического комплекса “Геоид”. Полковник.

С 25-м ТОПОГРАФИЧЕСКИМ ОТРЯДОМ

На летний период 1941 года 25-й топографический отряд, где я служил, получил задание на выполнение топографической съемки Карпат и полевое обследование карт, созданных по материалам фототеодолитной съемки. Отряд выехал в район полевых работ в начале мая. Штаб отряда расположился в городе Коломыя. Отделению майора Х.С. Резникова, в котором был и я, было поручено выполнить полевое обследование по карте, созданной в 1940 году с использованием материалов фототеодолитной съемки. Мне бы-

ло дано задание по обследованию в районе юго-западнее города Сколе, на участке, примыкающем к советско-венгерской границе. Я организовал базу для себя и шести красноармейцев в доме лесника, в деревне, расположенной вдоль горной речки, примерно в 8 км от государственной границы. В деревне проживали гуцулы и несколько семей евреев. Пограничная застава находилась от нас на расстоянии примерно 6 км ближе к границе.

После моего представления начальнику заставы младшему лейтенанту Рабовскому я начал выполнять задание. Дорисовывал рельеф, наносил на карту отсутствующие контура и объекты местности. Часто выходил для работы на границу, для дорисовки рельефа вершин гор. Нередко на границе встречался с венгерскими пограничниками. В этот период над нашей пограничной территорией свободно летали немецкие самолеты.

22 июня утром низко над домом, в котором мы размещались, пролетел самолет в сторону границы, где размещалась наша погранзастава. Дневальный по базе мне доложил, что на крыльях самолета кресты, и я решил, что это наш санитарный самолет, вызванный на заставу, хотя площадки для посадки самолета там не было. На самом деле это был боевой немецкий самолет, получивший повреждение и возвращавшийся с задания.

Через некоторое время ко мне пришел сосед по дому, еврей, который сообщил, что началась война с Германией и немецкая авиация бомбила ряд наших городов. Я не поверил этому, но происходившие в течение дня события — поведение гуцулов, проследование к погранзаставе подразделения кавалеристов и др. подкрепляли сведения о начавшейся войне. 23 июня, не имея никаких указаний из штаба отряда, я

в соответствии со своим планом вышел с красноармейцами на работу на госграницу. По пути я зашел к начальнику погранзаставы. От него я узнал, что началась война и у войск Красной Армии крупные успехи.

Как он сообщил, наши войска взяли Хельсинки, окружили Варшаву и дошли до Бухареста. Мы, воспитанные на песнях “стратегами” победы, не усомнились в правдивости этой информации, полученной на заставе по детекторному приемнику, и посетовали, что нам, видимо, не удастся принять участие в боевых действиях. На самом деле это была хорошо продуманная немецкая дезинформация наших войск, расположенных в предгорьях Карпат, с целью оставить их в немецком тылу. Так с настроением победителя я с командой и выступил на границу. На пути нашего следования по приказу младшего лейтенанта Рабовского к нам примкнул для сопровождения дозор из пяти пограничников. Около полудня мы вышли на линию госграницы. На обратном скате хребта, на Венгерской территории, мы увидели венгерские войска численностью до полка, состоящие из пехоты, кавалерии и артиллерии. Передовые подразделения венгров находились непосредственно у линии границы. Одеты венгры были в парадную форму. В пилотках многих офицеров торчали павлиньи перья. Подходя к нам, венгры четко отдавали честь ружейными приемами. Установив мензулу, я приступил к съемке местности. Работа продолжалась около получаса. Завершив ее, я немедленно возвратился на заставу. Венгры нашему отходу не препятствовали, ведь официально Венгрия вступила в войну против СССР только 25 июля, и это, видимо, спасло нас. На заставе я доложил Рабовскому обстановку. Здесь же меня ожидал посыльный с базы с телеграммой из штаба

отряда — свернуть работу и любыми средствами прибыть в штаб, в Коломыю.

Не без явного саботажа со стороны гуцулов, я на их повозке 24 июня двинулся в путь. В пути нас встретил автомобиль, высланный из штаба отряда, и в этот же день мы прибыли в Коломыю. К этому времени в штабе отряда собрались все топографические отделения. Не прибыла лишь команда лейтенанта Воробьева. В течение трех дней нас, топографов, командование заняло решением обратных геодезических задач, кстати, никому не нужных. Как то вечером, сидя на диване в коридоре штаба, мы, пять командиров, задремали, а мимо нас проходил начальник штаба отряда майор Курочка и раздраженно крикнул: “Война началась, а вы спите!”. Мне тогда подумалось, что война продлится не более недели. На ночь вокруг здания штаба выставлялось оцепление из солдат. Согласно мобилизационному плану в эти дни из отряда к новому месту службы убыло несколько командиров, в том числе и мой начальник отделения майор Резников.

27 июня отряд убыл эшелоном из Коломыи в Гусятин, расположенный на бывшей советско-польской границе. Эшелон следовал уже не через Львов, куда подходили немцы, а через Залещики, Чортков. По этому направлению, через Коломыю, шло множество эшелонов с техникой, имуществом и членами семей командиров из западных районов. С отрядом я не убыл. Мне, с двумя красноармейцами, было приказано остаться в здании штаба и ждать команду лейтенанта Воробьева, а затем всем прибыть в Гусятин. Не трудно представить наше самочувствие ночью в пустом здании штаба. Утром я зашел в ближайший ресторанчик перекусить. Внимание со стороны официантов ко мне и двум пехотным лейтенантам было “нулевое”, но мы, все же заказали завтрак. И

тут через окно я увидел бредущую по мостовой команду Воробьева. Радости при встрече не было предела! Забрав моих солдат, мы пришли на вокзал и тут же посадили их в грузовой вагон с семьями, которые были очень рады такому соседству. Когда мы с Воробьевым пошли к служащим вокзала выяснить время отправки эшелона, то по возвращении узнали, что он ушел. Пришлось сесть в следующий эшелон. В пути следования составы больше стояли, чем ехали и мы, сходя с одного эшелона, пешком проходили несколько стоящих и садились в первый идущий. Ночью солдат мы не нашли, а утром были в Гусятине, доложили обо всем начальнику штаба и были отправлены на вокзал с приказом без солдат не возвращаться. Организовав свое дежурство на платформе вокзала, мы встретили солдат и прибыли в штаб.

В Гусятине отряд расположился на территории костела, поместив лишнее имущество в его сарае, повелев ксендзу сохранить его до нашего возвращения. Из Гусятина отряд с техникой и личным составом на своем автотранспорте убыл в город Деражню. Не поместились на транспорт около 30 солдат. Мне было приказано с этими солдатами пешим порядком дойти до железнодорожной станции Ярмолинцы (путь 70 км) и оттуда по железной дороге через станцию Проскуров прибыть в Деражню. На пути следования ночью к моей команде пристало множество беглых солдат, и она составила около сотни человек. К утру все примкнувшие исчезли бесследно.

На станции Ярмолинцы мы сели на платформу проходящего эшелона, на которой ехали в тыл солдаты и командиры разных родов войск из разбитых на фронте частей.

В Деражне мы были уже в первых числах июля. Там отряд освободился вновь от лишнего имущества, и мы в полном составе и готовности к решению задач на автотранспорте

последовали через города Винница, Житомир на Киев. Житомир был разрушен бомбежками и почти весь горел. В Киев отряд прибыл в начале июля. Штаб отряда разместился в Святошино на западной окраине города. Киев в это время уже обороняли наши войска. Передний край обороны проходил по опушке леса на правом берегу реки Ирпень. Командование отряда предпринимало энергичные меры по нахождению нашего места в общем строю. Ведь мы тогда не располагали никакими наставлениями по нашей деятельности в боевых условиях. На вооружении у нас имелись только мензулы и 30-секундные теодолиты. Отсюда и наши возможности. Наконец эта задача была решена, и все топографические отделения приступили к геодезической привязке огневых позиций артиллерии. Я вошел в состав отделения майора Макаровского. Но до начала работы в этом отделении меня вызвал начальник штаба отряда майор Курочка, который начертил на карте трассу, идущую из тыла наших войск на их передний край, и выходящую за передний край в пойму реки Ирпень. По этой трассе он приказал мне проложить теодолитный ход.

Я приступил к выполнению задания, проложил ход до переднего края обороны войск, находящегося в лесу, и, перейдя этот край, вышел в открытую пойму реки в сторону противника. Пройдя метров двести от переднего края мы, видимо, были обнаружены немцами, которые открыли по нам минометный огонь. Снаряды рвались вокруг нас. Мы спешно возвратились в лес под страшную ругань пехоты, а немец огонь перенес тоже в этот участок леса. Появились раненые. Вернувшись в штаб, я доложил обо всем майору Курочке. У меня так и осталось неясной цель прокладки этого теодолитного хода. Вскоре Курочка был переведен по службе в тыл, а начальником штаба был назначен майор Смирнов. Выйдя из

штаба, я направился в рядом стоящую столовую. Заказал обед. Началась бомбежка города немецкими самолетами. Одна из бомб угодила в кухню этой столовой, здание которой разрушилось. Я выбрался через разбитое окно. Кругом было много раненых. И тут ко мне подошла девушка-официантка и сказала: “Товарищ лейтенант, хоть вы-то заплатите за обед”. Куда деваться, заплатил. На пути в штаб я видел много убитых. В Киеве мы оказали помощь в эвакуации железнодорожным транспортом топографических карт со склада. Эта работа на станции происходила при постоянной бомбежке немецкими самолетами.

В конце июля штаб отряда перебазировался на северо-восточную окраину Киева, в Бровари. Обосновались мы в лесу. В это время в отряд прибыло пополнение из Ленинградского военно-топографического училища (ЛВТУ) — лейтенанты Гарюнов, Григорьев, Жук, Дрига, Железкин, также пополнение из московских вузов. Дрига, в вечернее время, прекрасно исполнял для нас арии из опер. К сожалению, он здесь же и погиб при выполнении задания. Вскоре, под натиском немцев, Киев был оставлен нашими войсками. Впоследствии была учреждена медаль “За оборону Киева”, которой я был награжден в июне 1963 года.

С отступающими войсками наш отряд в течение августа—октября двигался по маршруту Чернигов — Нежин — Бахмач — Конотоп — Сумзы — Белгород. Чернигов был уже полностью разрушен, и бомбежка велась по отдельным сохранившимся зданиям. По маршруту отступления наших войск отряд на больших площадях развивал опорную геодезическую сеть на предполагаемых рубежах обороны, в частности, по рекам Сейм, Псел и др. В это время мне присвоили звание старшего лейтенанта.

В ноябре 1941 года — апреле 1942 года было время относительного затишья на фронте, деятельность отряда велась в районе городов Савинцы, Балаклея, Изюм. В последнем разместился штаб отряда. Отделения определяли аналитические пункты в позиционных районах артиллерии, составили план Изюма, занимались оперативным исправлением топографических карт с помощью мензульной съемки. Аэрофотосъемки в этих целях не было. Стояла зима с морозами до -40°С. Валенок и полушубков у нас не было. Для нас это было большим испытанием.

В мае—июне 1942 года готовилось, а затем началось Харьковское наступление войск Юго-Западного фронта. Командующим фронтом был Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Наступление войск 36-й армии началось на Кировоград успешно. В эту армию от нашего отряда было прикомандировано три топографических отделения. Убыл с ними и командир отряда подполковник Н.Н. Любимцев. Но вскоре наступление наших войск захлебнулось, и вся 36-я армия оказалась в окружении немцев. Остались в окружении и наши отделения вместе с командиром отряда. Как сообщила тогда наша пресса, число пропавших без вести составило 75 тыс. человек. Из окружения вышли пять наших топографов, среди которых были старший лейтенант Новогран, капитан Большаков и лейтенант Жук. Так отряд потерял больше половины своего личного состава.

Во время пребывания командира отряда Н.Н. Любимцева в составе наступающих войск на него в штаб отряда пришли два приказа, один — о присвоении ему звания “полковник” и второй — о назначении его на службу в Военно-Топографическое управление Генерального штаба. Вскоре

командиром нашего отряда стал инженер-подполковник И.И. Бориневский.

После крупнейшего поражения наших войск в Харьковской операции началось форсированное отступление, а порой и попросту бегство войск Юго-Западного фронта, а вместе с ними и нашего отряда. В ходе него отделение майора Макаровского получило задание — развить геодезические сети в районе западнее города Алексеевка. Прибыв в Алексеевку, Макаровский большую часть отделения направил на выполнение задания. Но уже на следующее утро состоялся массовый налет немецкой авиации на город. Около дома, в котором мы с лейтенантом Железкиным ночевали, взорвалась бомба, и мы с трудом выбрались из помещения. Прибыв в отделение, мы увидели изрешеченный осколками наш автомобиль и разрушенные помещения. Во время бомбежки был убит прибывший накануне в отделение из штаба отряда сержант, комсомольский работник.

Через город спешно отходили наши войска. Видя эту обстановку, майор Макаровский послал лейтенанта Железкина для сбора работающих топографов в полевых условиях. Обстановка все накалялась, и Макаровский принял решение — с оставшейся частью отделения убыть в штаб отряда, расположенный восточнее Алексеевки. Мы на автомашине, у которой на колесах не было и резины, она была побита осколками бомбы, выехали в путь вместе с отступающими войсками. По дороге нас беспрерывно бомбили немецкие самолеты. К вечеру мы прибыли в штаб отряда. Остальные топографы нашего отделения, выполнявшие задания в районе Алексеевки, в том числе и лейтенант Железкин, оказались в плену у немцев. Так отряд лишился еще одного топографического отделения. В штабе отряда, когда мы прибыли, уже по-

чти весь личный состав с техникой был отправлен на восток. Оставались заместитель командира отряда майор Ю.П. Жуков, несколько бойцов и какое-то имущество. Наступала ночь, мы прилегли отдохнуть. Утром в комнату, где спал я и еще кто-то вбежал человек и крикнул, что немцы на горе. Горой был крутой обрыв в 300 м от нашего помещения. Я спал одетым, вскочил, надел сапоги, забыв надеть портянки, и выбежал во двор.

Во дворе стоял груженый автомобиль, в кузове которого стояли майоры Жуков и Макаровский. Они крикнули мне, чтобы я догонял, и уехали. Я выбежал на дорогу, по которой ехали и бежали наши и, включился в этот поток. Через короткое время бегства я почувствовал сильную боль в ногах. Без портянок в сапогах я натер ноги до крови. Пришлось схватиться за борт проезжавшего автомобиля и вскочить в его кузов. Кузов был битком набит артиллерийскими снарядами. Так я проехал большое расстояние. На остановке мне попалась оседланная лошадь, которую я поймал, и весь день до наступления ночи ехал на ней.

Заночевал вместе с бежавшими воинами в каком-то селе. Утром своей лошади я не нашел, и пришлось пешим порядком следовать дальше к Дону. В Богучаре я с трудом переправился по мосту через Дон и уже в тех краях нашел свой 25-й топографический отряд. Точнее в городе Калаче Воронежском. Утром, после первой ночи, меня разбудили и приказали ехать в топографический отдел штаба фронта. Стоял автомобиль “Эмка”, набитый людьми. Места в кабине не было, и я пристроился на подножке автомобиля. Так мы выехали в топографический отдел. Оказалось, что когда отдел отходил из Россоши, то начальник отдела подполковник Зевакин, отправив своих подчиненных, сам на автомобиле, наби-

том топографическими картами, решил их доставить в новый пункт размещения штаба фронта. Однако переправить автомобиль по мосту через Дон ему не удалось, и он переправил карты на лодке на левый берег реки и там закопал их в песке.

Для эвакуации этих карт была создана группа из трех человек, куда попал и я, под командованием майора Старосельского. В пути следования Старосельский периодически останавливал автомобиль и спрашивал у бредущих нам на встречу красноармейцев: “Где немцы?”. Те отвечали, что везде. Так мы добрались до залесенной поймы Дона, добыли у проходящего обоза повозку, и по лесной дороге двинулись к реке. Углубившись в лес, кому-то показалось, что там люди, и Старосельский, приняв их за немцев, приказал повернуть обратно. Так ни с чем мы прибыли в топографический отдел. А через два дня, командир этого отдела, ведающий вопросами картоснабжения, поехал и сам извлек эти карты.

Отступление наших войск продолжалось. В конце июля наш отряд оказался на Волге, севернее Сталинграда. Скверное настроение было у нас. Ведь мы практически оставили всю самую обжитую территорию страны. К сожалению, в отряд на Волгу не прибыло еще одно топографическое отделение майора Рязанова. При отступлении его отделение на повозках ехало по дороге, по сторонам которой росла рожь. Майор Рязанов и его подчиненный младший лейтенант Б.Г. Афанасьев шли впереди. И тут, из ржи по отделению началась стрельба немецкой засады. В штаб отряда прибыли только Рязанов и Афанасьев. Так в отряде не стало еще одного топографического отделения. Конечно, в ходе войны отряд систематически пополнялся командирами — топографами. Афанасьев вскоре после этого ушел из отряда в резерв фронта. Там он был назначен топографом дивизии, с которой

прошел до Берлина. Награжденный тремя орденами, после войны он вернулся для завершения учебы в Военно-инженерную академию. Закончил службу Б.Г. Афанасьев заместителем начальника Военно-топографического управления Генерального штаба. Начиная с фронта, и в течение всей службы мы были с Афанасьевым большими друзьями.

В августе 25-й топографический отряд вошел в состав войск Донского фронта. В этом месяце отделение майора Макаровского готовило огневые планшеты в укрепленном районе вдоль речки под Красноармейском на юге Сталинграда. С этого периода начались постоянные бомбежки города и его окрестностей немецкой авиацией.

В сентябре отделению Макаровского было дано задание - создать топографическую карту в масштабе 1:200 000 на западную часть Прикаспийской низменности. Это был участок от района озера Эльтон на юг 150 км и на восток 100 км. Был дан срок всего один месяц. Мне было приказано проложить вдоль этого участка мензульный высотный ход с выставлением знаков с номерами отдельных точек хода, от которых топографы отделения должны были начать топографическую съемку. Моей команде были выделены лошади и приставлен казах с верблюдом. Мензульный ход я начал от геодезического пункта с севера. Пройдя несколько километров хода и перейдя речку, мы вступили в сплошной песок с барханами. Вскоре мы почувствовали жажду, но вода кончилась. К середине дня всякие предметы в пустыне как бы выросли раза в три в высоту, а прямое и обратное превышения между смежными точками хода оказались с одним знаком — “плюс”. Я пытался править визирную ось кипрегеля, но результат оставался прежним. Оказывается, это был пустынный мираж, о котором я не имел понятия. Работу я продолжил, не

видя своей вины. К концу дня жажда у команды достигла предела. Я стал думать о том, как же мне выполнить задание. А ведь еще у нас были и кони. Располагаясь на ночлег, я случайно воткнул лезвие лопаты в песок, вынув ее я увидел, что лезвие влажное. Приказал солдатам рыть яму и вскоре мы увидели, как на небольшой глубине в нее стала поступать вода. Она была мутноватая, но пресная. В этот вечер мы выпили два ведра кипятка с чаем. Так была решена проблема с водой.

Закончив в течение пяти дней прокладку 150-километрового высотного хода, я “привязался” к конечному геодезическому пункту. Разность в высотах между начальным и конечным пунктами составляла около 25 м, а невязка хода у меня составила 150 м. Не видя причин и не найдя способа что-либо сделать, я отправился на базу отделения, расположенную на севере этого участка. В отделении я застал командира отряда Бориневского и старшего инженера штаба Говорухина. Первый вопрос командира отряда ко мне был по поводу невязки хода. Я ответил, что катастрофическая. После этого командир приказал, чтобы мне дали новую таблицу рефракций. В работе же я пользовался таблицей Савицкого, рассчитанной только для средней полосы местности. Рассчитав превышения с применением новой таблицы, я получил допустимую невязку хода — около 1 м.

В дальнейшем, в период подготовки войск Донского фронта к наступлению на Сталинград и в ходе этого наступления наш отряд осуществлял геодезическую привязку опорных пунктов артиллерии, определение координат важнейших целей и объектов противника, изготовление разведывательных карт, установление переднего края наступающих войск. Все это продолжалось в ходе всей наступательной операции,

вплоть до разгрома немцев под Сталинградом. В январе 1943 года я был командирован в штаб Донского фронта, где с лейтенантом из соседнего отряда мы наносили на рельефную карту оперативную обстановку наступающих войск Донского фронта до полной ликвидации немецкой группировки.

Так закончилась боевая деятельность 25-го топографического отряда в первый, самый тяжелый период Великой Отечественной войны. Деятельность отряда была отмечена правительственными наградами. Десять офицеров были награждены орденами и медалями. В их числе и я был награжден медалями “За боевые заслуги”, “За оборону Сталинграда”. Командование отряда решило направить меня на учебу в Военно-инженерную академию, о чем я не мог и помышлять. Да начала приема в академию я был направлен служить старшим картографом в Киевскую картографическую часть в Саратов, из которой после вызова из академии я и убыл на учебу. Когда я уезжал из отряда, в его составе из пяти топографических отделений, вступивших в войну от госграницы, остались в строю лишь два начальника отделения (майоры Макаровский и Рязанов) и человек пять топографов, в числе которых был и я. Фактически это был совершенно новый по составу топографический отряд.

В дальнейшем, в период наступления Советских войск на Запад, 25-й топографический отряд, как и другие части службы на фронте, приобрел опыт и выполнил значительно больший круг задач по топографическому обеспечению войск. Создавались различные специальные карты, такие как бланковые, разведывательные, артиллерийские, кодированные, танковые, карты водных рубежей. Продолжалось развитие опорной геодезической сети для артиллерии. На фронте появились поезд-литография, походные карты, отделения мо-

торизованных отрядов. Широко применялась аэрофотосъемка, по данным которой дешифрировалось положение войск противника, определялись координаты целей, оперативно исправлялись топографические карты. Все это способствовало успешному ведению наступательных операций войск фронтов.

25-й топографический отряд закончил свою боевую деятельность в Австрии, в Вене.

М.М. САЧЕНКО

Саченко Андрей Григорьевич (1909—2000). Окончил полковую школу 51-го артиллерийского полка (1933), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1937). Командир взвода управления артиллерийского дивизиона (1932—1933), старший топограф 4-го топографического отряда (1938—1939), инженер штаба, начальник отделения 19-го топографического отряда (1939—1941), помощник начальника топографического отделения оперативного отдела штаба 6-й армии Южного и Юго-Западного фронтов (1941—1942), начальник штаба 36-го моторизированного топографического отряда (1942—1949), преподаватель кафедры топографии Военно-педагогического института Советской Армии (1949—1953), заместитель начальника топографического отдела штаба ОдВО (1953—1960). Инженер-полковник.

В АТАКУ ВОЕННЫЕ ТОПОГРАФЫ ХОДИЛИ РЕДКО

Мой муж, военный топограф полковник Андрей Григорьевич Саченко, во время Великой Отечественной войны был на передовой практически все четыре года*. Однако он, как и многие прошедшие эту тяжелейшую войну, не любил вспоминать о ней. Тем не менее, то немногое, что он иногда рас-

* В основу статьи положены воспоминания Марины Михайловны Саченко. Материалы о боевом пути 36-го моторизированного топографического отряда и послужной список полковника А.Г. Саченко предоставил С.В. Сергеев. Литературная обработка статьи В.В. Глушкова.

сказывал, я запомнила и хочу передать молодому поколению военных топографов как его воспоминания и как память о нем.

Начало войны военинженер 3 ранга А.Г. Саченко встретил на советско-румынской границе, будучи начальником отделения 19-го топографического отряда (то). К тому времени он был опытным и достаточно квалифицированным специалистом. В его активе были годичные курсы в полковой артиллерийской школе, командование взводом управления артиллерийского дивизиона, геодезический факультет Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева, служба в должностях старшего топографа и инженера штаба отряда, опыт выполнения различных топографо-геодезических работ.

19 то базировался вблизи военного аэродрома, который 22 июня 1941 года в 4 часа утра был атакован фашистскими бомбардировщиками. Немногочисленному, имеющему на вооружении только стрелковое и личное оружие отряду, пришлось спешно отходить от границы. Автомобильного транспорта в отряде не было, поэтому для перевозки инструментов и вещей были наняты подводы. Наметив маршрут движения по топографической карте, выехали. Вперед отправили верхового, который предварительно договаривался о смене лошадей с местными жителями в деревнях, лежащих по пути следования отряда. Скорее всего, только поэтому удалось уйти от преследования немцев и выйти без потерь с государственной границы.

В июле 1941 года А.Г. Саченко был назначен старшим помощником начальника топографического отделения оперативного отдела штаба 6-й армии Южного (позже Юго-Западного) фронта и воевал в этой должности до конца января 1942 года. В этот период ему пришлось испить горькую

чашу отступления вместе с частями Красной Армии до дна — отступать пришлось далеко вглубь страны до Дона и Волги.

Судя по скупым воспоминаниям Андрея Григорьевича, много разных событий произошло с ним прежде, чем началась Сталинградская битва. Например, однажды ночью в дождь немцы пристроились в хвост нашей отступающей колонне и вместе с ней перешли по мосту через Дон на другой, казалось, спасительный берег. Оттуда вскоре фашистами был открыт губительный огонь по нашим подразделениям. У нас были большие потери…

30 января 1942 года военинженера 2 ранга А.Г. Саченко назначили начальником штаба 36-го моторизованного топографического отряда (мто). В этой должности он прошел всю войну. Офицеры-топографы хорошо знают, насколько ответственной и многосторонней является должность начальника штаба в мирное время, а в военное — длинный перечень его должностных обязанностей увеличился едва ли не на порядок.

36 мто был сформирован 7—10 июля 1941 года в городе Умани. Первым его командиром был майор Е.С. Сидин, затем в том же 1941 году его сменил подполковник Н.Н. Райский, а с 1943 по 1951 годы командиром был снова подполковник Е.С. Сидин. Отряд состоял из трех топографических, одного картографического и одного геофототеодолитного отделения. С июня 1941 года по май 1945 года он последовательно входил в состав Юго-Западного, Донского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов. Боевой путь 36 мто прошел через города Харьков, Воронеж (декабрь 1941), Сталинград (июнь 1942), Курск, Орел (апрель—июль 1943), Гомель (март 1944), Мозырь, Ковель (май 1944), Варшава (июль 1944), Штеттин (январь—март 1945), Берлин (май

1945). Отряд участвовал в топографическом обеспечении ряда наиболее крупных операций Великой Отечественной войны.

С июля 1941 по май 1942 года личному составу отряда пришлось выполнять сгущение геодезических пунктов вблизи артиллерийских позиций по левобережью Днепра в районе Кременчуг — Грядижск, топогеодезическую привязку зенитных батарей, дешифрирование аэроснимков на полосу обороны противника, изготовление рельефных карт оборонительных рубежей и другие работы.

В окрестности Сталинграда 36 мто прибыл еще до начала боев на его подступах, а во время подготовки и проведения Сталинградской битвы был задействован для привязки боевых порядков наших войск и минных полей, уточнения линии переднего края, обеспечения топогеодезическими данными артиллерии, обработки материалов аэрофоторазведки обороны противника. Отряд нес потери: были раненые и убитые. Ведь известно, что на войне смерть была закономерностью, а жизнь — случайностью. Как вспоминал Андрей Григорьевич, на фронте с этой поистине счастливой случайностью ему здорово везло.

Так, одно время штаб отряда находился на противоположном от Сталинграда берегу Волги. А.Г. Саченко вместе со своими подчиненными в очередной раз под бомбежкой переправлялся через реку на плоту. Бомбы падали рядом. Как ему казалось, переносил он это довольно спокойно. Во всяком случае, внешне. Только благополучно переправившись, он обнаружил, что рука, сжимавшая металлическую пряжку ремня от планшетки, была окровавлена — пальцы были стерты до кости, но боли он совершенно не чувствовал.

Был еще такой случай. Во время боев за Сталинград большая нагрузка выпала на картографическое отделение отряда, которое работало днем и ночью, а для поддержания его работоспособности требовался бензин. Подвезти его можно было только по узким улочкам, которые вследствие обстрелов и бомбежек горели сплошным пламенем — дома были кирпичными только снизу, а верхние этажи были деревянными. Вот они-то и пылали. Машину загрузили бочками с бензином, но ехать с таким грузом по горящим улицам было очень опасно. Шофер вести машину отказался. Тогда сам начальник штаба, накрыв бочки мокрым брезентом, сел за баранку и дал газу. Снова повезло, проскочил.

В другой раз Андрей Григорьевич едва только встал с раскладушки, как осколок снаряда оторвал кусок брезента, где считанные секунды тому назад лежала его голова. Однажды во время артобстрела его от верной смерти спасли толстые стены чудом уцелевшей церкви.

Помнится, уже после войны мы с мужем плыли на пароходе по Волге до Сталинграда. К Андрею Григорьевичу подошла женщина, которая организовала вечер воспоминаний о боях за город и спросила: “А вы воевали в Сталинграде?”. И тут я слышу в ответ: “Нет!”. Я возразила ему: “Ну почему “нет”, ведь тебе есть что рассказать?”. А он в ответ: “Я ведь в атаку не ходил!” и, помолчав, добавил: “Ведь ты все знаешь, вот и расскажи”.

Да, в атаку военные топографы не ходили, а если и ходили, то редко. Это пехотинцам доставалось все самое трудное и страшное, что было в ту войну. Поэтому те, кто пережил это, хорошо знал, кому больше доставалось. Но топографы делали свое необходимое и нужное на войне дело,

стойко перенося все тяготы и лишения фронтовой жизни, добывая вместе со всеми нашими воинами желанную Победу.

После Сталинградской битвы 36 мто принимал участие в боях на Курской дуге. Там часть офицеров отряда была распределена в артиллерийские подразделения, для обеспечения их топогеодезическими данными. В этой битве А.Г. Саченко участвовал уже в звании инженер-майора, которое ему присвоили в апреле 1943 года.

В конце августа того же года отряд вместе с войскам пошел на Запад. Иногда шли вперед так быстро, что настигали фашистов при входе в лежащий на пути населенный пункт. В таких случаях топографический инструмент откладывался, и в ход шли винтовки. 25 сентября 1944 года ратные дела 36 мто были отмечены наградой — ему было торжественно вручено Красное Знамя.

При подготовке и проведении Висло-Одерской операции отряд занимался развитием артиллерийских сетей на плацдарме рубежа река Висла, а с февраля по март 1945 года — выполнял съемку района Познани. За образцовое выполнение задач по топографическому обеспечению войск Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 апреля 1945 года 36-й Краснознаменный моторизированный топографический отряд был награжден орденом Красной Звезды.

Перед взятием Берлина командование 36 мто получило задание от Маршала Советского Союза Г.К. Жукова сделать макет города и его окрестностей. Это задание, о котором уже писали многие участники этого знаменательного события, было выполнено военными топографами в срок и с высоким качеством. Андрей Григорьевич хорошо помнил, как накануне наступления наших войск прославленный маршал приезжал в отряд, садился на возвышение в комнате, где нахо-

дился макет и, подперев свой тяжелый подбородок рукой, подолгу смотрел на него, изучая город.

После войны топографы и картографы еще четыре года продолжали выполнять свою работу в Германии. Отряд дислоцировался в Мольсдорфе, предместье Берлина. В 1949 году он был перемещен в Вальмиеру (Латвия). В том же году начальник штаба отряда инженер-подполковник А.Г. Саченко был назначен преподавателем кафедры топографии в Военно-педагогический институт Советской Армии.

В 1950 году отряд получил наименование 36-й топографический Штеттинский Краснознаменный ордена Красной Звезды. Тогда же А.Г. Саченко было присвоено воинское звание инженер-полковник.

В отряде долго сохранялась добрая традиция: каждый год 9 мая его ветераны собирались вместе, чтобы отпраздновать очередную годовщину Дня Победы, помянуть друзей-сослуживцев... К сожалению, в настоящее время в живых уже, пожалуй, никого не осталось. Но память о тех, кого нет с нами, о моем муже Андрее Григорьевиче Саченко — активном участнике Великой Отечественной войны, кавалере орденов Красного Знамени, Красной Звезды (двух), Отечественной войны 1-й и 2-й степени, награжденного медалями “За боевые заслуги”, “За оборону Сталинграда”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина” и другими, жива.

В.Н. ПЕРЕВЕРТКИН

Переверткин Владимир Никифорович (1907—1986). Окончил Ленинградскую Военно-топографичекую школу (ВТШ) РККА (1933) с отличием и занесением фамилии на Доску почета, отделение руководящего состава Курсов усовершенствования начсостава при ВТШ (1935), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1941—1943, 1946—1949) с золотой медалью. Топограф 1-го разряда ВТШ (1933—1934), топограф 1-го разряда топогеодезического отряда БВО (1934— 1936), ВТШ (1936—1937), 2-го моторизированного отряда (1937—1938); начальник отделения 9-го топографического отряда Юго-Западного, Сталинградского фронтов (1941—1942), начальник топографического отделения штаба Донского, Сталинградского, Южного, 4-го Украинского, Прибалтийского и Белорусского фронтов (1942—1944), топографического отдела штаба 2-й гвардейской армии (1944—1945), начальник 1-го отделения — заместитель начальника топографического отдела штаба МВО (1945-1946) и штаба Вост.-Сиб.ВО (1949—1950), начальник топографического отдела штаба Приморского ВО (1950—1951), заместитель начальника 4-го отдела ВТУ ГШ (1951—1954). Полковник.

БИТВА НА ВОЛГЕ

Шел декабрь 1942 года. В междуречье Волги и Дона у стен героического Сталинграда войска Донского фронта все плотнее сжимали кольцо окружения вокруг 22 отборных немецко-фашистских дивизий Паулюса — одного из авторов плана нападения фашистской Германии на СССР. Окруженный враг бешено сопротивлялся, выполняя приказ Гитлера и надеясь на обещанную и скорую помощь.

Решением Верховного Главнокомандующего наша 2-я гвардейская армия генерала Р.Я. Малиновского из резерва Ставки была включена в состав Донского фронта.

В ночь на 7 декабря на станции Иловля выгрузился эшелон с оперативной группой штаба армии, в составе которой находился и я — начальник топографической службы армии, имея при себе небольшой запас карт на район выгрузки. Остальной личный состав отделения с двумя автомашинами следовал по железной дороге Поворино — Сталинград.

Выгрузившись, мы увидели, что станции, как таковой, нет. Все разрушено и искорежено. Осталось лишь несколько землянок с курившимся из железных труб дымком, да виднелись остовы сгоревших вагонов, сваленные в кучу разорванные взрывами железнодорожные цистерны, серпантины скрученных чудовищной силой рельсов. А кругом глубокие бомбовые воронки, заснеженная степь.

Оперативная группа штаба армии, следуя указаниям встретивших ее представителей штаба Донского фронта, развернула пункт управления и начала принимать прибывающие эшелоны с войсками. Начальнику топографического отделения пришлось в одиночку набирать комплекты карт, выдавать их топографам прибывающих соединений и представителям штабов армейских частей, а также вести строгий учет выдаваемых карт — они были в большинстве своем секретные. Скажу прямо, 24 часов в сутках не хватало.

В эти напряженные дни большую помощь нам оказал топографический отдел штаба фронта. Его начальник майор П.А. Зевакин и комиссар С.С. Никоненко быстро обеспечили нас недостающими картами. Это позволило выдать карты каждому командиру батальона (дивизиона) для совершения марша в районы сосредоточения. Начальник штаба армии

генерал-майор С.С. Бирюзов строго следил за тем, чтобы топографические карты доводились до войск в необходимом количестве и своевременно.

Мне запомнилась первая встреча с генерал-майором С.С. Бирюзовым, впоследствии Маршалом Советского Союза, начальником Генерального штаба. Однажды в топографическое отделение, располагавшееся в поселке Иловля в составе второго эшелона штаба армии, прибыл офицер оперативного отдела с приказанием генерала-майора С.С. Бирюзова: “Топографическому отделению со складом карт немедленно переехать в первый эшелон штаба в хутор Вертячий. Переверткину явиться с докладом!”. Тотчас перебравшись в Вертячий, топографическое отделение быстро разместилось в заранее приготовленном по указанию начальника штаба помещении с установленным телефоном. Захватив с собой на всякий случай схемы обеспеченности войск картами и другие материалы, я быстро отправился к генерал-майору С.С.Бирюзову и незамедлительно был им принят.

Я увидел склонившегося над картой, разложенной на столе, генерал-майора с орденом Ленина на груди. Выпрямившись, внимательно глядя на меня, он вдруг спросил: “Переверткин? Почему вы отсиживаетесь во втором эшелоне? Почему я должен вас разыскивать? Впредь ваше место в первом эшелоне штаба, рядом со мной! Ясно? Теперь докладывайте”.

Выслушав доклад, генерал-майор Бирюзов одобрил проделанную нами работу по обеспечению картами перегруппировки армии. И тут же добавил: “Постарайтесь быстрее обеспечить все войска “километровкой”, а для артиллеристов достаньте 50-тысячные карты”.

Развернув свою рабочую карту масштаба 1:500 000, я попросил указать, на какие районы требуются карты. Генерал-майор показал на район Сталинграда. Мне все стало ясно. Пока войска армии выгружаются и идут маршем через заснеженную степь, надо успеть получить карты всех масштабов на район Сталинграда из ближайшего склада Донского фронта и оперативно обеспечить ими прибывающие в исходный район наши части. Я воочию убедился, насколько важно топографическому отделению располагаться рядом с начальником штаба и оперативным отделом. Чем раньше я узнаю свою задачу, тем большим временем буду располагать для ее выполнения.

А тогда, под Сталинградом, возвратившись от начальника штаба, я с моим помощником С.А. Саляевым сразу же занялся расчетами и подготовкой заявки в топографический отдел штаба фронта на карты. Мы прикидывали, когда их получим, кого привлечь к набору комплектов для соединений и частей, что следовало бы попросить у начальника штаба для скорейшей доставки карт в войска, сосредоточиваемые в довольно обширном районе западнее Сталинграда.

Нашу работу прервал телефонный звонок — это начальник оперативного отдела полковник М.Д. Грецов просил меня срочно зайти к нему. Прибыв по вызову, я отметил его взволнованный и встревоженный вид.

“Товарищ Переверткин! Срочно нужны карты на район Котельниково и далее до Ростова. И не только штабу, но всем войскам армии. Обстановка только что круто изменилась. У Котельниково противник нанес удар по ослабленной 51-й армии. Свежие немецкие танковые и моторизованные дивизии, в составе которых имеются новые тяжелые танки “Тигр”, не считаясь с потерями, пытаются прорваться к окруженной ар-

мии Паулюса и деблокировать ее. Нам поставлена задача спешно занять рубеж по речке Мышкова, во что бы то ни стало задержать и разгромить ударную группировку фельдмаршала Манштейна, не допустив ее соединения с окруженными войсками у Сталинграда. Так что быстрее, как можно быстрее давайте карты — скоро войскам будут ставиться задачи на выдвижение и сражение. И учтите, наша армия уже переподчинена Сталинградскому фронту".

После всего услышанного у меня голова пошла кругом. Где добыть карты, много крат, если времени считанные часы? Вот-вот части начнут получать команды о начале выдвижения, а у них имеются только "полумиллионка" и совсем немного "двухсоток". До фронтового склада 200 км. Пока проедешь туда и обратно на машинах по заснеженным метелями дорогам уйдет двое-трое суток. Решение было принято такое: срочными шифртелеграммами просить штабы Донского и Сталинградского фронтов доставить в армию хоть сколько-то карт самолетами связи ПО-2; обратиться за помощью к своим коллегам — начальникам топографической службы 5-й ударной армии капитану Г.А. Селиванову и 57-й армии майору В.Н. Сорокину, располагавшими некоторым количеством карт на полосу наступления группировки Манштейна; отправить транспорт за Волгу в ближайший склад Сталинградского фронта, в котором получить карты в соответствии с полной потребностью армии.

Решение наше оказалось правильным. Вот так "с миру по нитке" удалось заполучить карты и своевременно обеспечить ими сначала войска первого, а затем второго эшелонов и резервы. Много лет прошло с той поры, а меня не покидает чувство глубокой благодарности моим боевым товарищам по Сталинградской битве Г.А. Селиванову и В.Н. Сорокину за

оказанную ими помощь в сложной боевой обстановке, за их боевую солидарность и товарищескую взаимовыручку.

17 декабря штаб нашей 2-й гвардейской армии остановился в Верхне-Царицынском, в котором размещался штаб 57-й армии, сражавшейся с окруженным противником. Наши же корпуса — их было семь (!) — в это время успели за несколько часов до подхода передовых частей Манштейна занять рубеж по промерзшей до дна речушке Мышкова. Разгорелись ожесточенные и кровопролитные бои, так правдиво описанные писателем Ю.В. Бондаревым в его романе “Горячий снег”.

Карт, доставленных самолетами связи и предоставленных соседними армиями, еле-еле хватило лишь на район, в котором кипело сражение, да и то по “голодной” норме. Но мне-то было известно, что, отразив удар танков Манштейна, армия начнет наступление в направлении на Ростов. Поэтому потребуется, как мы с С.А. Саляевым подсчитали, не менее полумиллиона карт разных масштабов. Маломощными ПО-2 здесь не обойдешься. Соседи всем, чем располагали, по-братски поделились с нами. Только что прибывшая машина из фронтового склада доставила карты не только для нашей, но и соседней 5-й ударной армии, и только в основном на район начавшегося сражения. На дальнейшую глубину карт в армейском складе практически не было, а ведь войска будут наступать — карты потребуются каждому командиру роты, а то и взвода. Выход был только один — немедля ехать самому на фронтовой склад, находившийся за Волгой в Ленинском. Переправы через Волгу после недавнего ледохода снова действовали. Снаряжаем наши ЗИСы в дальнюю дорогу. Генерал С.С. Бирюзов, несмотря на острый дефицит горючего, распорядился обеспечить нас достаточным количеством бензина.

К этому времени относится случай, чуть было не подорвавший добрую репутацию топографической службы армии. А дело было так. Обеспечение картами войск, занимавших рубеж по реке Мышкова, проводилось в большой спешке — иначе было нельзя. И вот мы обнаруживаем, что на самый центр полосы обороны нашей армии среди доставленных карт не оказалось одного номенклатурного листа карты масштаба 1:100 000. На самый центр обороны армии — "окно"! В центре рабочих карт многих командиров будет зиять "дыра", равноценная тысяче квадратных километров на местности! А ведь в этой "дыре" наши дивизии ведут кровопролитный бой с гитлеровским танковым тараном!

Выручили наши топографы-умельцы. Нашлось два экземпляра злополучного листа карты, которые были С.А. Саляевым быстро "подняты" специальными чернилами. С полученных двух гектографических печатных форм на гектографе было отпечатано около 100 экземпляров схематической карты.

23 декабря командование нашей армии докладывало прибывшим представителям Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковнику А.М. Василевскому и командующему Сталинградским фронтом генерал-полковнику А.И. Еременко ход сражения по склеенной рабочей карте, в центре которой была наклеена и наша "импровизированная" карта. Честно говоря, я был очень рад, что все закончилось благополучно.

Но вернемся к поездке за Волгу, за картами. Это был трудный и беспокойный трехсуточный рейс без сна и отдыха. Пока добирались до переправы, боялись, как- бы не заглохли двигатели — на том морозе можно было разморозить радиаторы. На подходе к переправе были сотни машин, ожидавших

своей очереди. Нас пропустили быстро, узнав, что мы следуем по срочному заданию штаба армии, но загрузили машины ранеными для доставки в близлежащий госпиталь.

Обратный путь с картами, а их было шесть тонн, был еще тяжелее. Степная дорога на взгорках была скользкой — машины буксовали, а в балках застревали в сугробах. Приходилось часто разгружать машины, вытаскивать их и снова нагружать. Вконец измотанные, мы вернулись на командный пункт армии 26 декабря — как раз началось наше контрнаступление. Тут же, не отдохнув и часа, мы приступили полным составом отделения к выдаче карт прибывшим дивизионным топографам на направление армии Котельниково — Ростов-на-Дону. Тогда у нас было радостное настроение — все-таки успели дать карты войскам. Началось освобождение родной земли, перед топографической службой 2-й гвардейской армии встали новые задачи.

Прошли годы, но и сегодня, в преддверии очередной годовщины Дня Победы, я остаюсь бесконечно благодарным моим бывшим подчиненным: друзьям-однополчанам по 2-й гвардейской армии военным топографам С.А. Саляеву, Н.И. Смирнову, Д.З. Аркаченкову, печатникам Клочкову и Петунину, водителям Е.И. Максимову и И.Н. Абрамову, войсковым топографам за их ратный труд, профессиональное мастерство, за преданность нашей профессии. Благодаря их мужеству и самоотверженности топографическая служба 2-й гвардейской армии в Сталинградской битве и в последующих сражениях успешно выполнила свои задачи.

В.И. СТЕПИН

Степин Василий Иванович (1913—19??). Окончил Школу художников, чертежников и фотографов при военно-картографическом отделе Управления военных топографов (1931), Иркутскую школу младшего начальствующего состава ВТС (1936), курсы усовершенствования начальствующего состава запаса (1939, курсы усовершенствования офицерского состава при ЛВТУ (1946). Топограф 5-го мото-ризированного отряда (1936—1937). Уволен в запас (1937—1939). Картограф Ташкентской картографической части (1939—1941), топограф 27-го мотомеханизированного корпуса (1941), помощник начальника отделения снабжения отдела ВТС штаба 49-й армии (1941—1944), помощник начальника топографического отдела штаба 49-й армии (1944—1945). Военную службу завершил начальником 3-го отделения топографического отдела штаба ДВО (1949—1953). Подполковник.

ОТ МОСКВЫ ДО ЭЛЬБЫ

Великая Отечественная война застала меня в должности топографа 27-го механизированного корпуса. Вскоре я получил назначение на должность начальника 2-го отделения топографического отдела штаба 49-й армии. Начальником отдела был капитан А.А. Терский, его заместителем — начальник 1-го отделения воентехник И. Галанин.

Армия входила в состав Резервного фронта и готовила оборонительный рубеж западнее железной дороги Вязьма — Ржев. Картами войска были обеспечены. Трудности носили организационный характер. Не было, например, наставления по топографическому обеспечению войск. Задача в основном сводилась только к снабжению войск картами и выписками

из каталогов координат геодезических пунктов. Причем карты выдавались в войска без всяких норм. Картопечатных средств в отделе не было. Некоторые офицеры штаба придерживались старых, давно отживших взглядов, когда обеспечение картами частей и соединений в военных округах возлагалось на оперативные отделы штабов и рассматривалось наравне с другими видами снабжения. Не было ясного представления о топографической службе в войсках. Говорили: “Подумаешь, задача! Выдать карту может любой грамотный солдат”.

В свете таких взглядов и рассуждений в первой половине октября 1941 года топографический отдел штаба армии был расформирован. Функции топографического обеспечения войск взял на себя оперативный отдел. С этой целью при оперативном отделе было создано 3-е отделение в составе: начальника отделения, его помощника и писаря-учетчика карт. Капитан А.А. Терский считал это недоразумением и был глубоко убежден, что престиж топографической службы армии будет восстановлен.

Для того чтобы полнее представить себе, в какое положение попала топографическая служба, необходимо сказать несколько слов об обстановке, в которой оказалась 49-я армия. Создав глубоко эшелонированную полосу обороны, войска армии готовились к активным боевым действиям. Но в конце сентября 1941 года был получен приказ Ставки Верховного Главнокомандующего: 49-й армии сняться с занимаемых рубежей, погрузиться в вагоны и переместиться на Курское направление. Войска оставили свои позиции и приступили к погрузке на железнодорожный транспорт. Как раз в это время гитлеровцы начали свое генеральное наступление на Москву. Оборона действующей впереди нас 30-й армии

была прорвана. Обстановка резко обострилась. Противник нанес авиационный удар по железной дороге Вязьма — Ржев, где шла погрузка и началось движение воинских эшелонов в сторону Вязьмы. Штабу армии, подвергшемуся 3 октября интенсивной бомбардировке на станции Новодугинская, был дан приказ — следовать к месту назначения через Москву, Сухиничи, Брянск.

Под Калугой поступили сведения о том, что противник овладел Сухиничами и его моторизованные части продвигаются на Малоярославец. Путь по железной дороге был отрезан. Войска, входившие в состав армии, оказались на территории, занятой противником и повели тяжелые бои в окружении.

Командованию и штабу 49-й армии пришлось возглавить войска в районе Калуги: это были разрозненные части и подразделения. Предпринятые попытки задержать продвижение фашистских войск успеха не имели. Калугу пришлось сдать. Штаб отошел к Алексину и далее к Серпухову.

В этой чрезвычайно сложной обстановке ярко проявились организаторские способности, твердость характера и большая сила воли капитана А.А. Терского. Надо было освободиться от крупномасштабных карт, которыми мы располагали в полосе обороны под Новодугинской, и обеспечить войска картами тех же масштабов на новые районы, не предусмотренные в наших расчетах. Время для выполнения этих задач было ограничено до предела. Положение усугублялось еще и тем, что противник перерезал дороги на фронтовой склад, к тому же автомобильная рота не имела свободного транспорта.

Нелегко было преодолеть возникшие трудности, но капитан А.А. Терский блестяще с ними справился. Более того,

он, предвидя пополнение, которое должна была получить армия, буквально за несколько часов, пока штаб отходил к Алексину, сумел создать армейский запас карт в полуторном размере. Нужно отдать должное оперативности Военно-топографического управления Генерального штаба, которое снабдило нас картами, минуя топографический отдел штаба фронта.

В ходе оборонительных боев под Серпуховом началась энергичная подготовка к наступательным операциям, что потребовало от штаба армии полного напряжения сил. В армию стали прибывать все новые и новые части. Круглосуточно шла выдача карт. Особенно много работы было в ночное время.

Офицерский состав топографической службы был подключен к работе оперативного отдела. На нашу долю выпало установить связь с разобщенными частями, выходившими из окружения, и обеспечивать их картами. В распоряжении капитана А.А.Терского находился самолет У-2. По ночам он перелетал линию фронта и возвращался обычно на второй день поздно вечером.

Надо ли говорить о том, с каким тревожным чувством и волнением мы провожали своего начальника в такие полеты и совсем уж невозможно выразить словами горечь утраты, которая постигла нас, когда летчик доставил Анатолия Александровича в штаб армии со смертельным ранением. Это случилось 22 декабря 1941 года, в самый разгар боевых действий: войска Западного фронта перешли в решительное контрнаступление и уже обозначился полный разгром гитлеровских войск под Москвой.

Ход боевых действий армии убедительно показал, что топографическое обеспечение войск не может ограничивать-

ся только снабжением их картами. Артиллерию, например, перестали удовлетворять выписки из каталогов геодезических пунктов. Возникла необходимость в получении координат дополнительных точек для подготовки огневых позиций артиллерии с минимальной затратой времени.

В 1942 году в штабе армии был создан топографический отдел с подчинением непосредственно начальнику штаба армии. На должность начальника отдела прибыл майор И. Калиниченко. Он имел опыт работы в войсках действующей армии; с его назначением топографическая служба прочно заняла свое место в работе штаба.

Вскоре мы получили “Наставление по топографическому обеспечению войск”. В дивизиях и корпусах были назначены войсковые топографы. На вооружение отдела поступила специально оборудованная автомашина АКА-41 с картопечатным станком марки УВТ-1. Появилась своя электростанция (малогабаритный движок). За отделом были закреплены три автомашины: одна ЗИС-5 и две ГАЗ-АА. По мере надобности выделялся дополнительный автотранспорт и самолеты. Штат отдела увеличили — были выделены печатник, лаборант и чертежник.

Снабжение войск картами осуществлялось через армейский склад карт, который пополнял свои запасы из фронтового склада. Топографы дивизий и корпусов обязаны были приезжать в топографический отдел за картами и другими материалами только в период устойчивой обороны. Во время наступательных операций и особенно, когда наступление наших войск носило стремительный характер, войсковые топографы освобождались от этих обязанностей. Топографический отдел имел необходимые запасы карт в первом эшелоне и развозил их по корпусам и дивизиям на своем транспорте.

Такой порядок обеспечивал строгий контроль за бесперебойным снабжением войск картами и давал возможность своевременно упреждать заявки топографов в ходе наступательных операций, когда менялись направления ударов или осуществлялся маневр.

Норма снабжения войск картами исходила из расчета доведения их до каждого командира взвода. Большое внимание уделялось учету, хранению и бережному обращению с картами в войсках. Для этого воинские части имели аттестаты, в которых делались записи о числе полученных, возвращенных и списанных карт по масштабам, без перечисления номенклатур. Карты маркировались. Каждый офицер, получивший карту, нес за нее персональную ответственность. Факт потери карты считался чрезвычайным происшествием и подлежал расследованию. Карты с нанесенной обстановкой регистрировались по делопроизводству и находились на особом учете, а те, в которых миновала надобность, возвращались на армейский склад.

Артиллерийские части снабжались картами наиболее крупных масштабов, каталогами координат геодезических пунктов. Некоторые геодезические пункты были уничтожены противником или находились на значительном удалении от боевых порядков артиллерии, поэтому проводилось сгущение геодезической сети. В таких случаях топографический отдел штаба фронта прикомандировывал к нам одно из отделений 31-го моторизированного топографического отряда. Так, на Серпуховском направлении (под Москвой) работало отделение под командованием майора В.А. Вишнякова.

Обеспечивая артиллерийские части опорной сетью, офицеры-топографы часто под огнем противника мужественно выполняли поставленные перед ними задачи, помогали

артиллерийской топографической службе привязывать боевые порядки и огневые позиции артиллерии, определять координаты огневых точек противника, готовили данные для стрельбы по закрытым целям.

При подготовке наступательных операций войска получили топографические карты с впечатанными в них данными воздушной разведки. Ограниченные возможности технических средств не позволяли топографическому отделу штаба армии изготавливать такие карты в нужном количестве. Эту работу выполнял топографический отдел штаба фронта совместно с аэрофотослужбой Военно-Воздушных Сил. Если же материалы аэрофотосъемки поступали в штаб армии, мы немедленно приступали к их дешифрированию. Опознанные объекты противника дополняли данные других видов разведки. Изготавливали две-три сотни листов разведывательных карт и передавали их в войска.

После прорыва обороны противника, мы иногда имели возможность проверить на местности - правильно ли опознавались артиллерийские и минометные батареи, инженерные сооружения, пулеметные площадки, скопления различного транспорта и другой боевой техники врага. Точность и полнота дешифрирования аэрофотоснимков получали высокую оценку.

Несколько слов хочется сказать о специальных картах. Они готовились для бомбардировочной авиации, для бронетанковых войск, дорожные карты — для инженерных войск, штабные (кодированные) карты — для управления войсками во время боя. Готовились и другие документы вплоть до глазомерных планов местности, где располагался штаб армии.

Особой заботой топографического отдела штаба армии была топографическая подготовка войск. Многие молодые

офицеры, которые получили военное образование по сокращенной программе, офицеры, призванные из запаса, зачастую имели поверхностное представление о топографической карте, затруднялись в ориентировании на местности, допускали ошибки в начертании переднего края обороны, сообщали неточные сведения о расположении войск.

Топографический отдел через топографов дивизий и корпусов осуществлял постоянный контроль за организацией и проведением занятий по военной топографии в полках, батальонах и ротах. Время для проведения занятий выбиралось в зависимости от обстановки и тесно увязывалось с выполнением плана, поставленного частям и подразделениям. Занятия с командирами и начальниками штабов соединений проводились, как правило, во время сборов, которыми руководил командующий или начальник штаба армии. На этих занятиях обсуждались вопросы наиболее целесообразного использования тактических свойств местности, занимаемой нашими войсками и войсками противника.

Если ставилась задача прорыва вражеской обороны, топографический отдел готовил карты рельефа, сооружал макеты на земле. Для изготовления таких карт использовался картон или толстая оберточная бумага. Когда позволяли условия местности, мы изготавливали карты-макеты рельефа. В таких случаях верхний лист карты не наклеивался, сохранялись образовавшиеся “пирожки”. Это несколько нарушало естественную наглядность рельефа, зато горизонтали можно было читать даже на ощупь.

При таком способе изготовления макетов рельефа выпадало некоторое количество условных знаков, но при сравнительно небольшой насыщенности ими листа карты, соответственно выбранном масштабе сечения и известной акку-

ратности в работе, большинство условных знаков сохранялось. Карта рельефа и карта-макет позволяли легко определять поля невидимости, быстро подсчитывать превышения, находить скрытые подступы к обороне противника, выбирать наиболее безопасные места для передвижения на переднем крае и, конечно же, служили хорошим наглядным пособием на занятиях по военной топографии.

Макеты, сооружаемые на земле, вызывали большой интерес у многих общевойсковых командиров. Здесь мастерство военного топографа выражалось в умении воспроизвести местность со всеми подробностями, изображенными на карте. На макете обозначался передний край. По данным разведки наносились выявленные тактические объекты противника (оборонительные сооружения, заграждения, огневые позиции и т. п.). Макеты использовались для изучения вопросов, связанных с организацией наступления, по ним проводились занятия и решались задачи предстоящих операций.

Большую пользу приносили учебные сборы топографов дивизий и корпусов. На сборах ставились задачи войсковым топографам, сверялась учетная документация, решались конкретные вопросы, связанные с контролем подчиненных частей, планированием работы, учетом и отчетностью, проходил всесторонний обмен опытом.

Главное внимание в руководстве топографической службой армии уделялось поездкам в войска начальника отдела или его помощника. Топографическое обеспечение войск фиксировалось актами, своевременно принимались меры по устранению обнаруженных недостатков. Большое значение имели личные контакты с командирами и начальниками штабов корпусов, дивизий и отдельных частей. Коллективный опыт находил отражение в директивных указаниях по

топографической службе армии, в приказах и распоряжениях командования.

Работа топографического отдела проводилась в тесной связи со всеми штабами и управлениями родов войск, но особенно крепкими были деловые контакты и дружба с оперативным отделам. Мы всегда были в курсе боевой деятельности всех частей и соединений, входящих в состав армии. Знали не только ближайшие, но и последующие задачи своих войск и соседей на флангах. Заранее получали необходимую нам информацию о передвижении войск, о направлении главных ударов, изменениях численного состава и т.д. Это позволяло заблаговременно пополнять запасы карт, маневрировать ими в полосе боевых действий и решать другие вопросы топографического обеспечения.

Офицерам топографической службы часто поручались проверки по самым разнообразным вопросам жизни и боевой деятельности войск. В свою очередь офицеры оперативного и других отделов штаба армии и штабов соединений при выезде в войска не оставляли без внимания вопросы топографической службы. Такая взаимопомощь создавала слаженность в работе штабов и оказывала положительное влияние на управление войсками.

49-я армия прошла героический боевой путь. Этот путь начинался в тяжелых оборонительных боях под Москвой и был завершен северо-западнее Берлина на разграничительной линии с союзниками по реке Эльбе.

Топографическим отделом штаба 49-й армии в разное время также командовали майор С. Бибергаль и подполковник А. Велигорский. Они были хорошими организаторами, отлично знали свое дело, блестяще решали задачи топографической службы в войсках.

Бессменно заведывал армейским складом карт старший сержант Судаков. Рослый, крепкого телосложения юноша из Чувашии, он отличался исключительным трудолюбием. Сержант был фотолюбителем, и однажды в морозный солнечный день января 1942 года он сфотографировал на развалинах сожженного дома мальчика лет пяти-шести, прятавшего в своей одежонке домашнюю кошку. Ребенок, потерявший родителей и переживший ужасы боя, еле слышно стонал, а кошка, согретая детским теплом, ласкалась к нему и безмятежно мурлыкала.

Вскоре на обложке журнала “Огонек” появилось фото старшего сержанта Судакова и проникновенные стихи С.Я. Маршака, призывавшие бойцов Красной Армии отомстить фашистским извергам “За кровь, пролитую в Поповке и за ребенка на снегу”. Позже эта фотография была воспроизведена на страницах журнала “Советский Союз”.

Безупречно выполняли свои нелегкие обязанности водители автомашин — старший сержант Кисничан, рядовые Сердюк и Веревкин. Много труда и энергии внесли в общее дело топографического обеспечения войск армии печатник старший сержант Ситюков, чертежник А. Яковлев — автор проекта герба Таджикской ССР, фото-лаборант А. Телешев — сын известного писателя Н.Д. Телешева и другие.

Личный состав топографического отдела штаба 49-й армии отличался своей организованностью, дисциплиной, исполнительностью, инициативой. Боевая армейская дружба, безграничное уважение друг к другу, полное доверие и сердечные отношения помогали нам переносить самые трудные дни фронтовой жизни, служили источником постоянной бодрости, уверенности и высокой работоспособности.

За отличное выполнение боевых заданий командования все солдаты, сержанты и офицеры топографической службы 49-й армии были награждены многими орденами и медалями.

А.Г. ЗУБЕНКО

Зубенко Александр Гордеевич (1926—2007). Окончил ЛВТУ (1949), заочно МИИГАиК (1961). Пулеметчик в пулеметном эскадроне 4-го гвардейского казачьего кавалерийского корпуса (1942), курсант 60-го стрелкового полка (1944), командир пулеметного расчета 68-й гвардейской стрелковой Краснознаменной Проскуровской дивизии (1944—1946). После войны командир взвода курсантов в ЛВТКУ (1949—1955), старший топограф, командир роты топографического обеспечения в 3-ем топографическом отряде (1955—1963), преподаватель цикла топографии (1963—1968), старший преподаватель, заместитель начальника кафедры топогеодезического обеспечения ЛВВТКУ (1968—1986). Заслуженный работник высшей школы. Полковник.

ВОЙНА — ЭТО, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ВЕЛИКОЕ ТЕРПЕНИЕ

У меня, как у всякого человека пожилого возраста, хранятся старые фотографии военных лет, времени, когда началась моя военная служба. Они не многочисленны. И время было не то, и возможности были сильно ограничены. На снимках — лица тех, кого нет среди нас. Мы, волею судьбы или случая, выжившие, ставшие уже втрое и четверо старше, мудрее, должны увидеть в них, то сокровенное, что так дорого было для них и в равной степени не забыть в череде лет их имена, их дела, поведать потомкам о смысле их жизни, и особенно — об их безвременной смерти. Миллионы мужчин, парней, женщин, девушек приняли смерть, ясно сознавая,

что, как бы не была дорога жизнь, судьба Родины несравненно дороже.

В годы войны, когда человеческая жизнь нередко являлась лишь средством к цели, не суть важным казалось имя погибшего. Главной заботой живых было вовремя придать земле упавших рядом. Второпях, в горячке боев мы ограничивались в лучшем случае короткими поминальными словами, устанавливали фанерную пирамидку с фанерной красной звездой. Теперь усилиями общественности, ветеранов войны и юных следопытов восстанавливаются и продолжают появляться имена даже на самых глухих захоронениях. В этом заключается справедливый и глубокий задуманный смысл, ведь имена на обелисках — это последнее, что осталось от бойца в жизни.

С годами мы меняемся, не обязательно делаемся хуже, просто становимся иными. Но важно, чтобы эти изменения, если они неизбежны, происходили в сторону нравственного совершенствования, вели к улучшению, а не к ухудшению — трусости, равнодушию, себялюбию, очерствению.

Для меня война начиналась четыре раза.

Конечно, как и для всего советского народа, она началась в воскресенье 22 июня 1941 года, но начало этой войны было где-то на западе, далеко от Кубани, где 15-летний сельский мальчик, который десять раз подряд смотрел фильм “Чапаев” и во все горло распевавший знаменитую в ту пору песню “Если завтра война...”, считал, что через неделю наша славная Красная Армия разобьет врага “малой кровью, могучим ударом”.

Суровое дыхание войны я почувствовал в ноябре 1941 года, когда 21 ноября фашистские войска заняли Ростов,

оттеснив 56-ю отдельную армию за Дон и к востоку от города.

Выполняя указание “не оставлять врагу ни грамма горючего, ни корки хлеба, ни грамма мяса”, эвакуировали все, что могло быть использовано немцами. Я участвовал в эвакуации скота из колхозов района. Зимой, сутками не слезая с лошади, уводили громадные гурты коров, лошадей, овец на юг, ближе к Кавказу. 29 ноября 1941 года Ростов был взят нашими войсками, а эвакуация была прекращена только в середине января 1942 года. Снова возобновились занятия в школе, где в мае я закончил 9-й класс. Летом 1942 года всем классом работали в колхозе и с тревогой наблюдали за развитием событий на фронтах войны. А события развивались стремительно.

Оборонительное сражение на Северном Кавказе началось 25 июля 1942 года на рубеже реки Дон, а 5 августа 1942 года моя родная станица Крыловская была занята фашистскими войсками.

В то время, когда на северной окраине станицы уже раздавались автоматные очереди фашистских автоматчиков, я с матерью и двумя старшими сестрами покидал южную окраину станицы. Судьба спасла нашу семью от немецкой оккупации. Спас нас от оккупации мой отец, Гордей Андреевич Зубенко, член ВКП(б), до войны работал заведующим районным финансовым отделом.

С началом войны, как и многие другие, он получил так называемую бронь, т. е. освобождение от призыва в армию. Но отец приложил все силы и в декабре 1941 года добровольно вступил в 17-й казачий кавалерийский корпус (17 ккк), который был организован на Кубани на добровольных началах. После падения Ростова этот корпус был брошен

навстречу танковым армадам, которые двинулись по равнине Кубани к Кавказу и Сталинграду. Решающее сражение казачий кавалерийский корпус принял на рубеже реки Куголя под станциями Шкуринской и Кущевской. За мужество, стойкость и храбрость приказом Верховного Главнокомандующего 17 ккк был переименован в 4-й гвардейский казачий кавалерийский корпус (4 гв. кк).

Как ни храбро дрались казаки, чтобы не допустить немцев на Кубань и в предгорья Кавказа, но вынуждены были отступать. Сейчас, изучая историю Великой Отечественной войны, можно понять тех, кто не удержал эти рубежи и пал смертью храбрых — соотношение сил и средств сторон к началу битвы за Кавказ было явно не в нашу пользу. Например, удержать армаду немецких танков кавалеристам, которые в основном были вооружены карабинами и шашками, было просто невозможно.

Полк, в котором служил мой отец политруком пулеметного эскадрона, отходил через нашу станицу, и отец верхом на коне заскочил домой. 10—15 минут на сборы, и все мы — мама, сестры Наташа и Нина и я — за этот короткий промежуток времени покинули наш дом. В дальнейшем все мы были зачислены добровольцами в 4 гв. кк. Мама была поваром, Наташа — санинструктором, Нина и я — пулеметчиками. На пулеметной тачанке началась моя боевая жизнь. Бои под станцией Пашковской, под Горячим Ключом, под Шаумяном у Туапсе, бои ожесточенные, кровавые, смертельные. События этих дней запечатлены в фотографии корреспондента корпусной газеты, где сфотографирована вся наша семья, с оружием в руках, в казачьей форме. Этот снимок был опубликован в журнале “Огонек” за ноябрь или декабрь 1942 года, он хранится в Центральном музее Вооруженных Сил в

Москве, в Музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Ленинграде, он демонстрировался в киноэпопее “Великая Отечественная”, в фильме “Оборона Кавказа”.

После того, как корпус был переброшен из-под Туапсе через Тбилиси под Гудермес, по приказу командования наша семья в ноябре 1942 года была отправлена в тыл, в Красноводск и дальше, на Алтай. В корпусе остался мой отец, который 23 декабря 1942 года погиб смертью храбрых в боях под местечком Арарат (это вблизи населенного пункта Ачикулак). На Алтай наша семья не попала, а судьба забросила нас на Урал, в город Березники, где мы все работали на Березниковском химическом комбинате. В октябре 1943 года я вместе с семьей, кроме сестры Наташи, которая добровольно ушла в армию, возвратился в станицу Крыловскую. Я поступил, хотя и с опозданием, в 10-й класс, но учиться не пришлось, так как 7 января 1944 года был призван в Красную Армию. В это время мне было 17 лет и 21 день.

То, что мы в ту пору видели, когда на страну обрушился удар гитлеровского фашизма, никак не соответствовало нашим довоенным представлениям. Все в народе чувствовали неотвратимо надвигавшуюся войну. Но кино, книги давали совсем не ту картину, которая была в реальности. В кино действовали наши люди — вполне симпатичные персонажи и несимпатичные фигуры противника. Все, как правило, заканчивалось скорым и могучим ударом по врагу при малых потерях с нашей стороны. Тогда нам казалось, что иначе не должно, да и не может быть, что за всем этим стоит правда жизни. Хорошо помню хроникальный фильм “Борьба за Киев” о маневрах Киевского Особого военного округа. С каким восхищением мы, мальчишки, смотрели его по несколько раз. Какие укрепления, какие танки! А воздушные десанты? Де-

сантники сидят прямо на крыльях бомбардировщиков ТБ-3 и, скользнув по крылу, прыгают вниз. Враг разбит!

Первые дни боевых действий показали всю надуманность этих ситуаций. Вместо скорых побед, к которым мы были подготовлены довоенным воспитанием, на нас обрушилось почти невообразимое. И мы должны были не просто наблюдать, но самым непосредственным образом участвовать в войне, найти в ней свое место, выстоять в неожиданной ситуации громадных уронов и потерь, не потерять веру.

Конечно, и в самые тяжелейшие времена мы верили в победу. Но высшая доблесть состоит не в том, чтобы в трагических обстоятельствах сохранить веру в победу, а в том, чтобы побороть себя, преодолеть отчаяние и страх. Весь народ верил в победу, и это придавало ему невиданную силу.

Война не отпускает наше поколение, может, еще и потому, что мы были молоды, когда уходили на фронт, и наше мировосприятие было чрезвычайно обостренным. Помимо мозговой, умственной памяти, война глубоко осела в памяти эмоциональной. Я, например, помню свое душевное состояние в разные периоды, в какие-то определенные моменты — угнетенность, чувство безнадежности или, наоборот, приподнятого настроения, радости, счастья.

Свою службу я начал в 60-м учебном стрелковом полку, в пулеметном батальоне. Учебный полк готовил для действующей армии командиров минометных и пулеметных расчетов. Десятичасовые занятия в полевых условиях, невзирая на погоду, полная боевая выкладка, километры прорытых траншей, тысячи окопов для стрельбы лежа, доведение действий до автоматизма. Многие, в том числе и я, писали рапорта с просьбой отправить на фронт, за что получали “нагоняй” от командования. Но наступило время, и нас отправили

на фронт! Я — командир пулеметного расчета, воинское звание “ефрейтор”. Вместе со своими товарищами в составе маршевой роты прибыл в уже знаменитую 68-ю гвардейскую стрелковую Проскуровскую дивизию, которая дислоцировалась под Раввой Русской, а потом была срочно переброшена в Румынию и Венгрию.

Будапешт был окружен. Уже 24 декабря 1944 года завязались бои на окраинах города, начался знаменитый будапештский штурм.

Немецко-фашистское командование придавало огромное значение обороне Будапешта. Расположенный на узле 26 железнодорожных и шоссейных магистралей, Будапешт стратегически представлял своеобразные ворота в Австрию, Чехословакию, в южные провинции Германии. Падение венгерской столицы выводило из войны последнего союзника Германии. С падением этого города пошатнулся бы весь южный фронт немцев, который все еще нависал над Балканами.

Неудивительно, что немецко-фашистское командование стягивало под Будапешт многочисленные войска, перебрасывало сюда лучшие резервы. Гитлеровские генералы грозили дать Советской Армии под стенами Будапешта реванш за Сталинград. Немцы разбрасывали листовки, в которых фюрер хвалился: “Берлин сдам, а 3-й Украинский в Дунае выкупаю”.

Громадный город с территорией 200 кв. км, начиненный войсками и техникой, с действующими заводами, которые еще выпускали танки и снаряды, оказался зажатым в железные тиски. Советское командование старалось предотвратить бессмысленное разрушение города и тысячи жертв мирных жителей.

28 и 29 декабря 1944 года мощные армейские звуковые станции с переднего края фронта беспрерывно передавали окруженным сообщения советского командования. Дикторы сообщали, что 29 декабря в 11 часов по московскому времени в расположение противника прибудут с советской стороны парламентеры вручить окруженным ультиматум. Советское командование предлагало противнику вполне гуманные условия капитуляции.

29 декабря в 11 часов в направлении Кишпелинга выехала легковая машина. На ней развевался большой белый флаг. В машине ехал офицер-парламентер с текстом ультиматума. Наши бойцы заранее получили приказ прекратить огонь в этом районе. Когда машина въехала в расположение вражеских передовых позиций, из всех окон и чердаков по стеклам кабины ударили фашистские пулеметы. Парламентер был убит.

В то же время на другой берег Дуная, в Буду, был направлен второй парламентер — капитан Остапченко с переводчиком. Гитлеровцы пропустили парламентера в штаб, но принять ультиматум отказались. Когда он, высоко подняв белый флаг, уже возвращался в нашу зону, фашисты открыли огонь ему в спину. Парламентер упал, обливаясь кровью. Так могли поступить только фашисты. С давних времен во всех войнах парламентеры пользовались правом неприкосновенности. Но они упали на мостовую от фашистских пуль, упали и белые флаги, которые должны были даровать жизнь тысяче людей, спасти город от разрушения. Теперь оставалось только одно — карать! Тысячи советских орудий, 250 самолетов ответили на это. Как живые задрожали серые кварталы! Будапешт, выбрасывая гигантские языки пламени, окутался ед-

ким дымом и гарью на 50 ночей и дней. Завязались бои в кварталах современного европейского города.

Вспоминаю один эпизод из боев за Будапешт. Пулеметные расчеты пулеметной роты во время боя придавались стрелковым ротам и взводам. Стрелковая рота, которую поддерживал мой расчет и другие расчеты, успешно продвигалась от квартала к кварталу, пока на ее пути не встретилась глубокая, глубиной 20—30 м и шириной по верху 100—150 м железнодорожная выемка. На противоположной стороне выемки — траншеи, в которых засели гитлеровцы. Наступление роты захлебнулось. Подтянулся и наш пулеметный расчет. Молодой младший лейтенант, по возрасту чуть старше меня, командир взвода, набросился на меня: “Давай, сержант, огоньку по фашистам, не давай им поднимать головы, а мы броском преодолеем эту выемку”. Но как только наши солдаты начали спускаться на дно выемки, на них посыпался град гранат. Многие остались лежать на дне, остальные возвратились. Рядом с выемкой стояли дома, четырехэтажные, с черепичной крышей. Собравшись за домами, выработали план: мой пулеметный расчет и другой расчет по лестнице поднимаются на чердаки и оттуда по сигналу (ракета) командира взвода огнем прижимают фрицев, не дают высовываться из траншей и бросать гранаты; наши бойцы без приказа спускаются в выемку, затем поднимаются на противоположную сторону, и в этот момент пулеметные расчеты прекращают огонь, бойцы забрасывают траншеи гранатами и врываются в них.

Когда я поднялся на чердак, то через разбитую местами черепичную крышу увидел в траншее большое количество немцев. Мне сверху было хорошо их видно. В голове витала только одна мысль: скорее бы ракета и не увидели бы меня

немцы раньше. Присмотревшись, увидел, что траншея, загибаясь, немного не заходит за угол дома, где бы немцы были бы в безопасности. Взлетает ракета! Пулемет установлен раньше на какую-то бочку, наведен на траншею заранее по прицелу, расстояние не более 200 м, заправлена целая лента 250 боевыми патронами. Немцы после открытия огня почти легли на дно траншеи, но, почувствовав, что их будут атаковать, стали убегать по траншее, стараясь спрятаться за дом. Они вынуждены были выскочить из нее и по 10—15 м пробежать поверху. Перевожу ствол пулемета на это место. Жду очередного фрица, вот он готовится выскочить. Выскочил, короткая очередь и он, взмахнув руками, падает. Один за другим они выскакивают из траншеи и пытаются убежать за дом. Некоторым это удается, но большинство остаются на месте. Между тем наши бойцы уже ворвались в траншею. Наша задача выполнена, да и дальнейшая стрельба может поразить наших, к тому же отставать от пехоты нельзя. Даю команду “за мной”, снимаем пулемет и спускаемся вниз, догонять своих.

С трудом преодолеваем выемку, вскакиваем в траншею, так как немцы усилили огонь из следующего здания, и продвигаемся по траншее. В траншее убитые немцы, лежат в разных позах. Я никогда не обшаривал убитых, хотя видел, что некоторые наши бойцы это делали. Забирали часы, курево, портсигары и различные мелкие вещи. На моем пути лежит лицом вверх немец, на поясе кобура, в кобуре — пистолет. Немцы кобуру носили слева, на самом животе. Так, конечно, удобнее. Не могу удержаться от искушения, открываю кобуру, вытаскиваю вороненый “Вальтер” и случайно смотрю на лицо убитого.

Он открывает один глаз и кричит: “Гитлер капут!”. Вот тут, честно признаться, я испугался. Наставляю его же пистолет (кстати, он был заряжен) на него и кричу: “Хенде хох!”. Он медленно поднимается, бросает свой ремень с кобурой и поднимает руки. В это время меня догоняет мой подносчик патронов с двумя коробками лент, связанных ремнем. Он носил их через плечо. Увидев все это, он говорит, что раз “Гитлер капут”, то помогай нам его одолеть, и кладет на плечо немца связанные коробки. Тот аж присел и заорал: “Кранк, кранк!. Подносчик Александр Мерзляков перед войной был учителем немецкого языка, выругался по-русски, переложил коробки на другое плечо немца, и мы бросились догонять своих. Далеко идти не пришлось, так как сильный огонь из впереди стоящих зданий заставил наших остановиться. Когда возбуждение боем улеглось, я обратил внимание на нашего пленного. Лицо его было бледное и временами его искажали гримасы. Он время от времени говорил “кранк” и показывал спину. Потом начал снимать шинель, куртку, завернул рубашку, и мы увидели, что он ранен. Вероятно, наша пуля вошла под кожу чуть выше поясницы, прошла точно под кожей и вышла у лопатки, оставив багрово-красный след, почти без крови. Мы оказали ему помощь, и так как мой подносчик немного мог говорить по-немецки, ему удалось выяснить, что наш пленный был не немец, а англичанин, 24 лет от роду, механик самолета. Английские самолеты летели бомбить Берлин, самолет был подбит, экипаж выбросился на парашютах и был взят в плен. Сначала лагерь, потом работа в ремонтных мастерских. Два месяца назад его перевезли в Будапешт, где он ремонтировал моторы, а три дня назад дали оружие и послали на передовую, поручив немцу бдительно за ним присматривать. По его словам, он в наших солдат не стрелял и

ждал случая перейти на нашу сторону, а поэтому и притворился убитым. В Англии у него есть жена и уже двое детей. Мы его допрашивали, а он все время говорил: “Сибир, Сибир”. Наступали сумерки, нам было некогда возиться с этим английским летчиком, указав ему дорогу в тыл, мы его направили туда. Он очень был удивлен, но быстро пошел в указанном направлении и исчез в темноте. Думаю, что он направился в Англию, а не в Сибирь. Интересно, вспоминает ли он этот случай, если жив? При взятии оружейного завода, который был огражден железобетонным забором высотой метра три, я отсекал огнем из пулемета немецкую пехоту, которая накапливалась для контратаки. Затем, брошенной из-за забора гранатой был ранен, наводчик — тоже, а один из бойцов взвода убит.

Сейчас молодое поколение часто спрашивает, что такое война?

Вообще война — это, прежде всего, великое терпение. Долго идти, тяжело нести, изо всех сил толкать, вытаскивать, копать, пилить, забивать, вычерпывать воду из окопа, долбить мерзлоту, не спать до умопомрачения или на ходу забываться мгновенным, как обморок, сном, мерзнуть, на посту промерзлыми сапогами колотить нога об ногу, терпеть сырость, дождь, жару, жажду, иногда сутками не есть и ожидать куда-то запропастившуюся кухню, грызть затхлый, чудом сохранившийся сухарь, курить листья, мох, добывать огонь кресалом, спать одетым, а иногда и морить вшей, спать на сырой земле и просто в снеговой яме, терпеть вражеские пули, зверские минометные обстрелы и бомбардировки, когда кажется, что бомба летит прямо в тебя, подавлять в себе злость и искушение ответить огнем. Война — это страшное зло!

11 мая 1945 года для меня война была закончена. В Австрии, под Леобеном, на реке Энс наша дивизия встретилась с союзниками — американцами. Но моя служба в армии после войны не закончилась…

Я горжусь тем, что отношусь к поколению, которое сумело выстоять в этой кровавой и жестокой войне и отстояло честь и независимость нашей Родины!

В.А. АРЕСТЕНКОВ

Арестенков Владимир Алексеевич (1925—2006). Окончил ЛВТУ (1951), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1959). Рядовой 202-го запасного стрелкового полка (1943), командир минометного расчета 1083-го стрелкового полка 312-й стрелковой дивизии Западного фронта (1943—1944), командир отделения разведки 256-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона ПВО (1944), командир отделения 1-й отдельной бригады ПВО (1945). Топограф 2-го разряда 5-го топографического отряда ПриВО (1951—1954), начальник отделения, старший инженер штаба, начальник штаба (1959—1967), командир 50-го топографического отряда ЗакВО (1967—1968), командир 68-го топогеодезического отряда ГСВГ (1968—1972), начальник Топографической службы ГСВГ (1972—1973), начальник 6-го (боевой подготовки и кадров) отдела ВТУ ГШ (1973—1979), военный советник по созданию топографической службы при ГШ ВС Народной Демократической Республики Йемен (1979—1982). Полковник.

“О ДРУЗЬЯХ, ТОВАРИЩАХ…”

Свою жизнь с профессией военного топографа я связал в 1948 году, когда поступил в Ленинградское военно-топографическое училище. А в армию был призван в самый разгар войны — в январе 1943 года. В апреле того же года был уже на фронте, под Вязьмой в колонне, следовавшей на пополнение поредевших частей. Новобранцев, вроде меня, было мало. В основном это были обстрелянные бойцы, возвращавшиеся на фронт после излечения в госпиталях. Город был в руинах и развалинах, а на местах окрестных деревень — пожарища. Равнодушно смотреть на все это было невозможно. Чем ближе мы подходили к линии фронта, тем чаще и

отчетливее становились слышны звуки артиллерийских залпов и разрывы снарядов. Навстречу, в тыл, шли ходячие раненые зачастую в окровавленных бинтах.

Вскоре мы оказались в расположении 312-й стрелковой дивизии. Я был определен в 1083-й стрелковый полк, в минометную роту 2-го батальона. Прибывшим — вместо того, чтобы обогреть, накормить, дать просушиться — выдали карабины, патроны, каски, саперные лопатки. Затем повели показывать, где и как расположены огневые позиции минометов, где находится противник. Тогда же показали, как следовало маскировать свои огневые позиции, рассказали, как беречься от огня снайперов противника, от осколков снарядов и мин, проверили, как мы умеем стрелять, указали сектор обстрела на случай отражения атаки противника. Учили нас в быстром темпе, встречных вопросов, как правило, не допускалось. Мол, все остальное, вас интересующее, увидите и поймете сами.

В конце занятия старшина роты предупредил, что на котловом довольствии мы будем стоять с завтрашнего дня и что ежедневно во время обеда или ужина нам будет выдаваться по 100 граммов водки. Сегодня же мы, хотя и не стоим еще на довольствии, будем ужинать из походного полкового котла вместе со всеми и даже выпьем за счет тех, кто погиб в последние сутки. Потом я узнал, что “безвозвратные потери” были почти каждый день.

312-я стрелковая дивизия была сформирована в 1942 году на Алтае. В ее состав входили 107-й, 1081-й и 1083-й стрелковые полки, 859-й артиллерийский полк и 599-й саперный батальон. Командиром дивизии был полковник А.Г. Моисеевский, начальником штаба — полковник Я.Н. Сабуров, командиром нашего 1083-го стрелкового полка

— майор А.Н. Коростылев. После продолжительных кровопролитных боев за населенный пункт Карманово Гжатского района Смоленской области и безуспешной попытки форсировать реку Осьму на подступах к городу Дорогобужу, части дивизии перешли к обороне. Это была активная оборона. В частях дивизии, кроме строительства оборонительных сооружений, велось непрерывное наблюдение за противником, производилась разведка боем, разведчики вели ночные поиски, артиллерийским и минометным огнем мы накрывали скопления противника.

Командир нашего минометного взвода, старший лейтенант Новиков, с большим старанием делал из нас, новичков, умелых воинов, работая с каждым персонально и по вопросам материальной части миномета, и по правилам ведения огня. Ему было около 30 лет, до войны работал учителем в сельской школе. Мешковатый и не очень ладный с виду он, тем не менее, действовал и командовал всегда четко, продуманно. Никогда ни на кого не кричал и не повышал голоса. С изумительной настойчивостью он разъяснял устройство миномета, терпеливо “вдалбливая” нам порядок работы с буссолью, соотношение градусных делений с угломерными тысячными долями радиуса, нашедшими широкое применение в войсках, особенно в артиллерии. Он так просто и убедительно рассказывал о миномете, что трудно было представить, как бы велись войны, если бы минометов вообще не было. С его слов, получалось, что это самое лучшее артиллерийское орудие, что из него поражаются цели не только на открытой местности, но и в укрытиях, в глубоких складках местности, на обратных скатах высот, что скорострельность у него очень высокая, что он наиболее удобен в условиях труднодоступной местности, так как легко переносим. Закрытые цели, ко-

торые не поражаются настильным артогнем и огнем стрелкового оружия, успешно поражаются минометным огнем. Располагать огневые позиции минометов можно было в глубоких оврагах и рвах, ведь стрельба обычно ведется при углах возвышения его ствола от 45 до 85°, и огонь безопасно ведется через голову своих войск.

За успехи в учебе меня назначили наводчиком, а вскоре я был уже командиром минометного расчета. До сих пор, когда слышу такие слова, как “требовательный”, “доброжелательный”, “чуткий”, “отзывчивый”, “заботливый”, я вспоминаю своего первого фронтового командира взвода старшего лейтенанта Новикова. В отличие от других командиров он в любой обстановке оставался естественным, человечным.

Командир роты капитан Слободчиков был заметно моложе нашего взводного. Выглядел он довольно элегантно, но держался всегда высокомерно не только с нами, солдатами, но и с командирами взводов. Так же он относился и к своему ординарцу Мише — шустрому блондину, симпатичному и веселому парню, всеобщему любимцу роты. Такой же симпатичной была у него дома, в деревне в Калининской области, и невеста. Он показывал нам ее фотокарточку.

Однажды ночью, когда проводилась разведка боем, погиб наш командир взвода. Вечером, готовясь к ночной вылазке, он оставил нам, своим подчиненным, домашний адрес жены. Разведка предполагалась настолько рискованной, что возвратиться живым из боя он не надеялся. Так оно и вышло.

Ранним утром части нашей дивизии перешли в наступление с задачей: прорвать сильно укрепленную полосу обороны противника, выйти к реке Рясна и в дальнейшем овладеть Дорогобужем. Освобождению города и района в целом от немецких захватчиков придавалось большое значение. До-

рогобуж имел важное стратегическое значение для наших войск. Он находился на пути к еще оккупированному немцами Смоленску, кроме того, через Дорогобуж проходила шоссейная дорога от города Ельни до станции Сафоново Московской железной дороги.

В результате упорных боев передний край обороны противника был прорван, и дивизия в районе деревни Сикарево овладела крупным узлом сопротивления. Однако немцы, подтянув свежие резервы, контратаковали наши части и остановили их дальнейшее продвижение. Надо сказать, что фашисты дрались с большим ожесточением. Это вынудило части дивизии закрепиться на достигнутом рубеже. Нам удалось продвинуться всего лишь на 4—6 км.

На новом месте, вблизи того ДОТа, за который еще вчера вели бой, санитары убирали тела погибших, отыскивали тяжело раненых и оказывали им помощь. Мы, минометчики, готовили там новые огневые позиции.

Около разбитого немецкого убежища лежало несколько обгоревших тел наших воинов. В ночном бою они приблизились к блиндажу, но их обнаружили и встретили струей из огнеметов. Перед нами лежали скрюченные, без обмундирования, обгорелые, с ожоговыми язвами, безликие, окоченевшие люди. Когда я это все увидел, к горлу подступил ком, мешая дышать. Предполагая, что среди них мог находиться и наш командир взвода, мы внимательно осмотрели погибших. Но его опознать было невозможно, многим из них суждено было значиться пропавшими без вести.

В 10—15 шагах от этого жуткого места мы увидели за колючим кустом шиповника погибшую медсестру. Ее сразила пуля. Молодая, рослая, стройная и красивая она лежала на спине, прижав к себе санитарную сумку. Ветер шевелил ее

красивые черные локоны. “На такие стройные ножки туфельки бы на высоком каблуке одевать, красивые у нее были бы детишки! — сказал один пожилой санитар. — Да, война — это не женское дело!”.

Готовясь к наступлению, мы постоянно совершенствовали систему своей обороны. Были у нас основные огневые позиции, запасные, ложные, а самым необходимым орудием производства — саперная лопата. Уставали, что называется, до безумия. Постоянно хотелось спать, есть, а в жару и пить. Воды не хватало. Как-то ординарец ротного Миша вызвался оказать нам помощь: ползком добраться на нейтральную полосу к роднику за водой. До этого он уже не раз выручал нас таким образом. Но в тот день не получилось. Его выследил немецкий снайпер, и Миша с простреленной головой остался лежать у родника. Вынесли мы его оттуда только под покровом ночной темноты. Утром под ружейный салют Мишу похоронили. Вместо жизнерадостного доброго молодого человека, любимца всей роты, появился новый могильный холмик.

Противник упорно сопротивлялся, контратаковал наши наступающие подразделения, вел ожесточенный артиллерийский огонь, свирепствовала и его авиация. С неимоверными трудностями, неся большие потери, мы медленно продвигались вперед, на запад.

Во время артиллерийского обстрела нам часто приходилось укрываться от осколков рвущихся снарядов в простейших укрытиях — нишах, которые мы делали в своих траншеях.. Воздух над передним краем иногда был насыщен пороховой гарью так сильно, что затрудняло дыхание, доводило до тошноты.

Однажды в период кратковременного затишья я попытался посмотреть из траншеи в сторону противника. Моя пилотка на голове в одно мгновение была пробита пулей. Меня, к счастью, не задело. Эту пробитую пилотку я носил до зимы.

В другой раз во время артобстрела я лежал, прижавшись к сырой матушке—земле, в отрытой мной нише. В это время по траншее пробегал старшина из соседней роты. Он сделал мне замечание, что, мол, в таких случаях укрытие младшие должны уступать место старшим по званию. Я, как дисциплинированный солдат, конечно, уступил старшине свое место и приютился рядом (в трех-четырех метрах) на дне траншеи. Вскоре артобстрел прекратился, в ушах стоял звон, запах пороховой гари витал над траншеей и окопами. Мы готовились к отражению атаки противника. Оглянулся я на старшину, а он не встает — из виска, куда вонзился совсем маленький осколок снаряда, тоненькой струйкой стекала кровь. Старшина был мертв. Невольно подумалось: как мало надо человеку, чтобы отправиться в мир иной.

На следующий день в то же самое время, что и накануне, опять начался артиллерийско-минометный обстрел наших позиций. Неприятное и грустное занятие сидеть под шквальным неприятельским обстрелом. Почти каждый день кого-нибудь из товарищей приходится хоронить и думать, что на его месте мог бы быть и ты. Каждый день решалась судьба каждого из нас. Я лежал в своей нише: на голове каска, на груди автомат, а сверху плащ-палатка.

Снаряд разорвался прямо над моим укрытием. Осколками меня не задело, но суглинисто-песчаный грунт, находившийся над головой, от сильного взрыва осел на меня. В свои 18 лет я оказался заживо погребенным. Я отчетливо сознавал, что до моей кончины осталось совсем немного. Ды-

шать из-за недостатка воздуха становилось все труднее, пытался пошевелиться — тщетно, слой песка плотно облегал мое тело. Когда-то в книжках я читал, что перед смертью люди свою прожитую жизнь вспоминают. Хотите — верьте, хотите — нет, но от этой мысли мне стало смешно: вспоминать было нечего. Только обидно было, что так бесславно кончается жизнь…

Как-то незаметно я стал вроде засыпать, но вдруг встрепенулся, попытался еще раз пошевелиться — бесполезно. Мой вопль отчаяния тотчас заглушился песком, попавшим в рот. Чувствую, что начинаю задыхаться, конец явно приближается...

Обстрел наших позиций прекратился. Мои товарищи приготовились к отражению очередной атаки немцев. Вдруг кто-то из ближайшего ко мне окопа заметил, что на том месте, где было мое укрытие, зияет воронка от снаряда. Бросились разрывать это злополучное место. К тому времени я еще был в сознании и сразу почувствовал удар лезвия саперной лопатки по голове, на которой была надета каска. Тут же откопали мою голову, и я всем своим молодым существом почувствовал приток долгожданного живительного воздуха. Осознать сразу все вокруг происходящее мне было довольно трудно: выстрелы, взрывы, команды, озабоченные выкрики товарищей. Но вот слышу, как во сне, чей-то повелительный голос: “Ноги ему откапывай, а то не вытащишь!”. Донесся и другой голос: “Не теряйте понапрасну время, кончайте с ним возиться, он же мертвый”. Видно слабовато подавал я признаки жизни. Последняя фраза так резанула по моему тлеющем сознанию, что мне захотелось крикнуть: “Зачем живого-то собираетесь хоронить”. Но не было сил не только кричать, но и открыть рот и глаза. До скрежета и боли я стиснул зубы

и стремился побольше вдохнуть воздуха. Очень хотелось показать, что я еще живой. Хотелось, чтобы это заметили. В мозгу шевелилась мысль: неужели бросят и оставят одного? Мне кажется, что тогда я весь был наполнен обидой на свою нескладную судьбу. Сознание мое померкло, а очнулся я тогда, когда почувствовал, что меня куда-то аккуратно укладывают. Несмотря на сильный шум в ушах услышал радостные возгласы: “Молодец сержант, выжил!”.

Открываю глаза, вижу — товарищи радуются, заговаривают со мной. Скоро мне становится легче, стараюсь приподняться на локоть, затем и на ноги. Сделал несколько шагов, но ноги первое время, как ватные, подкашиваются. Под землей я был какие-то считанные минуты, но они показались мне вечностью. Благодарил я товарищей, которые меня спасли, возвратили с “того света” и подарили второй день рождения. Видимых повреждений, кроме крови, слегка сочившейся из носа и уха, у меня не было. На этот раз смерть обошла меня стороной.

Повезло мне и тогда, когда пуля из немецкого автомата, отрикошетив от брони танка, воткнулась мне в подбородок. В медсанбате хирург вытащил этот кусочек смертоносного металла и бросил его в рядом стоящий цинк из-под патронов. Я слышал, как он звякнул о металлическое днище, но почему-то с того момента и до сих пор я будто ношу кусочек металла в своем подбородке.

В течение октября—ноября наша дивизия с тяжелыми боями шла на запад. Мы несли большие потери, погибли многие командиры и бойцы, мои друзья, товарищи. Были смертельно ранены командир нашего полка подполковник А.Н. Коростылев и командир батальона майор Я.И. Радченко.

Меня отправили в полевой подвижной госпиталь, и моя служба в 312-й стрелковой дивизии закончилась.

Спустя много лет после окончания войны мне передали стихотворение, написанное сыном майора Я.И. Радченко, посетившего могилу своего отца на Братском кладбище в деревне Бабиновичи, под Оршей, в Глушковском котловане, где покоится 1682 советских воина. Оно вызвало в моей памяти огромный поток воспоминаний. И здесь, в моей статье, посвященной Великой Победе, я, думаю, оно будет уместно.

Памяти бойцов и командиров 1083-го стрелкового полка 312-й стрелковой Смоленской дивизии посвящается
Р.Радченко

Стоит над рекою Черницей
Тихмяновская высота.
В реке студеная водица,
Кругом — раздолье, красота.

Давно нет хутора Глушково,
Шумит на этом месте лес,
Кругом поля, не слышно слова,
Над головой лазурь небес.

Вдоль леса, прямо на опушке,
Траншеи заросли травой.
Когда-то здесь гремели пушки
И полыхал смертельный бой.

Трещали алчно пулеметы,
Свинцовый ад со всех сторон.
И в том аду редели роты,
Редел стрелковый батальон.

Был дан приказ: “Назад ни шагу!”
Стояли насмерть, до конца...
Живым — медали “За отвагу”,—
Я потерял в тот день отца.

И вот уж сорок лет, как спят
Бойцы под братским обелиском.
Листвой березы шелестят,
Склонясь во вдовьей скорби
низко.

Тихмяновская высота.
Глушковский хутор и Черница...
Здесь тишина и красота.
А в облаках — погибших лица.

Над головой лазурь небес,
На ветке тенькает синица,
Шумит на месте боя лес...
А по ночам отец мне снится...

С.П. ПЕРЕВЕРЗЕВ

Переверзев Сергей Петрович (1918—19??). Окончил Старо-Оскольский геолого-гидрогеодезический техникум (1939), ЛВТУ (1941), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1952). Топограф 1-го разряда 47-го военно-топографического отряда (1941—1943), топограф и начальник топографической службы 48-го стрелкового корпуса (1943—1945). После войны участвовал в топогеодезическом обеспечении Семипалатинского атомного полигона (1947). Военную службу завершил старшим научным сотрудником, начальником лаборатории Института Военно-морского флота СССР (1952—1961). С июня 1974 г. преподаватель Высшего военного училища железнодорожных войск и военных сообщений им. М.В. Фрунзе. Подполковник.

В 48-м СТРЕЛКОВОМ КОРПУСЕ

Управление стрелкового корпуса было сформировано в мае 1943 года в Москве. В этот корпус я с должности топографа 1-го разряда 47-го топографического отряда (командир полковник В.А. Михайлов—Морозов) был направлен для продолжения службы на должность топографа управления и начальника топографической службы корпуса.

Ранее (1941—1942 гг.) в составе отряда мной выполнялись топографические работы по обновлению старых дореволюционных карт с применением мензульной съемки в районах Горьковской, Кировской областей и Чувашской АССР. В основном топографические работы проводились вдоль правого и левого берегов Волги в масштабе 1:100 000. При этом полевые материалы топографической съемки использовались

военными инженерами часто на месте при строительстве оборонительных полос.

В апреле и до середины мая 1943 года я выполнял полевые работы по обновлению топографических планов в масштабе 1:10 000 на Москву.

В середине мая я вступил в должность топографа корпуса. В топографическом отделе Московского военного округа перед отправкой на фронт я получил скромное оборудование: множительный прибор — (гектограф) с набором специальных чернил и руководящие указания по специальному учету топографических карт.

В конце мая управление корпуса прибыло в состав 69-й армии Воронежского фронта, который держал оборону на Белгородско-Харьковском направлении Курской дуги. С конца мая по июнь включительно корпус стоял во втором эшелоне западнее города Короча. В этот период проводилось формирование отделов, штабов и служб и отрабатывалось их взаимодействие. Я, как начальник топографической службы корпуса, немедленно связался с топографическим отделом штаба армии (начальник подполковник Степанов), получил по аттестату необходимые карты масштабов 1:50 000 и 1:100 000 на район расположения дивизий корпуса.

Первым стал вопрос хранения полученных карт, решение которого во фронтовых условиях оказалось весьма сложным. Учет топографических карт был налажен очень строгий, карты топографам дивизии выдавались по аттестатам и накладным. Новые карты выдавались отделам только после сдачи использованных, которые уничтожались по акту списания.

В конце июня 1943 года корпус в составе трех дивизий занял оборону на рубеже Белгорода. К этому времени диви-

зии были полностью обеспечены на полосу обороны топографическими картами масштабов 1:50 000, 1:100 000 и доведены до командиров батальонов, а за два дня до наступления немецких войск из топографического отдела штаба армии были получены специальные карты масштаба 1:25 000 с впечатанной в них огневой системой противника, дешифрированной по аэроснимкам. Карты срочно были доставлены связными в дивизии и артиллерийские полки. Они способствовали успешному проведению контрартподготовки перед наступлением немецких войск. Кстати, после прорыва обороны немцев и взятия Белгорода и Харькова по заданию топографического отдела была проведена проверка достоверности вскрытия огневой системы противника в полосе обороны корпуса. Несмотря на тяжелые условия работы (местность в результате артиллерийской обработки была сильно изменена, изрыта), все же удалось определить, что примерно 75% огневой системы противника было вскрыто верно.

В результате активной обороны с 5 июля по 23 августа 1943 года и в дальнейшем после освобождения Белгорода и Харькова в стремительном наступлении по Левобережной Украине состав корпуса часто менялся (иногда два-три раза в сутки). Выбывшие из состава корпуса дивизии карты не сдавали, уносили с собой. Новым дивизиям, вошедшим в состав корпуса, карты выдавались в недостаточном количестве, поэтому возникли серьезные перебои в обеспечении картами других, приходящих в состав корпуса дивизий.

В связи с этим в дальнейшем картами дивизии непосредственно обеспечивались топографическим отделом штаба армии и только в тяжелых, сложных условиях боевой обстановки. Контроль же за учетом и распределением карт в дивизиях оставался за мной. Как правило, я находился при

оперативном отделе штаба. Это мне давало возможность быть постоянно в курсе оперативной обстановки, что особенно было необходимо при своевременном составлении заявок на получение карт. Хотя транспортных средств в моем распоряжении не было, мне всегда предоставлялся транспорт оперативным или другими отделами штаба для перевозки карт. После освобождения Кременчуга (в конце сентября 1943 г.) состав корпуса практически стал постоянным, что способствовало более слаженной работе топографической службы.

Позднее при поддержке начальника топографического отдела штаба армии подполковника Ляпустина мы добились назначения в стрелковых полках нештатных топографов-учетчиков карт из сержантов, знакомых с основами топографии и владеющих навыками черчения и рисования. В результате в полках улучшились учет и распределение карт. Топографы полков выполняли графические отчетные боевые документы, проводили перспективную зарисовку переднего края обороны. Такие зарисовки использовались командованием корпуса и армии.

За время боевых действий корпуса топографической службой по приказу командира корпуса проводилось уточнение расположения переднего края обороны на Днепровском плацдарме севернее Кременчуга (сентябрь 1943 г.), в пойме реки Прут, перед Яссами (май 1944 г.) и при форсировании реки Одер (1945 г.).

Особенно мне запомнилась тяжелая работа на небольшом Днепровском плацдарме, оборону которого после форсирования удерживал корпус в составе пяти ослабленных дивизий.

11 сентября 1943 года я был вызван на плацдарм командиром корпуса генерал-майором Рогозным для проведе-

ния работ по уточнению переднего края обороны. В конце дня под сильным минометным огнем саперы на плоту переправили меня на правый берег Днепра. Тут же, на берегу, вблизи расположения наблюдательного пункта командира корпуса я собрал всех топографов дивизии и поставил задачу по уточнению расположения войск на плацдарме, занимающих оборону.

Местность, на которой предстояло работать, в топографическом отношении была сложной: высокий песчаный берег, прилегающее к нему пространство почти полностью песчаное с кустовой растительностью, изрядно изрытое разрывами снарядов и мин. На такой местности было очень сложно вести отождествление контуров с картой масштаба 1:50 000, поэтому в войсках возникли разночтения в нанесении границ плацдарма на картах.

Для ускорения работ зоны стыков были распределены между нами. Работы начали рано утром с рассветом, до начала открытия огня немцами. К шести часам каждый на своем участке “привязал” свой стык переднего края к уцелевшим на местности остаткам контуров. Здесь, конечно же, помогли опыт ориентирования на местности и интуиция.

По окончании работы мы снова собрались на берегу и по результатам обследования составили по карте масштаба 1:50 000 отчетный документ, который скрепили своими подписями. В результате сравнения уточненный размер плацдарма оказался почти в два раза меньше указанного в донесении штабу армии.

При докладе результатов уточнения командир корпуса выразил сомнение в достоверности проведенной работы и приказал ночью повторить работу. На это я ответил, что ночью такую работу на этой местности выполнить невозможно.

Вечером 12 сентября 1943 года мне было приказано вернуться на “Большую землю”. За выполненную работу по уточнению переднего края на плацдарме я и топографы дивизии были представлены к государственным наградам. Позднее, примерно спустя две недели, разведчики из разведотдела принесли мне “подарок” — фрагмент немецкой карты с нанесенным на 12 сентября плацдармом в том же точно размере, который определили мы.

В ноябре—декабре 1943 года корпус держал оборону под Кировоградом. Бои были тяжелые, немецкие войска при поддержке до 200 танков почти ежедневно и по нескольку раз в день атаковали наши позиции. Холмистый, изрезанный лощинами рельеф местности в полосе обороны корпуса затруднял чтение рельефа на карте. В этих условиях командир корпуса приказал мне изготовить карту рельефа местности в масштабе 1:50 000 на полосу обороны корпуса. Для этого тыловиками были быстро изысканы необходимые материалы по моей заявке (фанера, листы картона, клей, ножницы, ланцеты).

Получив в топографическом отделе штаба армии инструменты, я впервые вместе со своим помощником в течение трех суток смонтировал на полосу обороны корпуса карту рельефа. Удачно подобранный вертикальный масштаб модели, аккуратно натянутая на модель карта, понятное зарамочное оформление — все это создало у командования хорошее впечатление. Сразу же появилась возможность более четко представить рельеф в полосе обороны, облегчало принятие решения в постановке тактических задач, отпала необходимость определения полей невидимости на карте.

В дальнейшем при длительной обороне мной еще дважды изготавливались карты рельефа в масштабе 1:50 000 на

полосу обороны корпуса: южнее Флаешты, на реке Прут перед городом Яссы, где в длительной обороне (май—июль 1944 г.) противник был прижат к Карпатам, и на оборонительный рубеж корпуса западнее Львова. В ходе боевых действий корпуса, когда карт оказывалось недостаточно, вычерчивались и размножались на гектографе бланковые (одноцветные) карты.

Для анализа боев на сборах командного состава изготавливались крупномасштабные карты-схемы с нанесением боевой обстановки.

По отчетным графическим материалам штабов дивизий топографической службой составлялась общая графическая боевая документация на всю полосу боевых действий корпуса, которая являлась отчетной для штаба армии и ведения истории боевых действий войск корпуса.

Документация составлялась на карте масштаба 1:50 000, на которую наносились: передний край наших войск и противника, разграничительные линии между дивизиями, боевые порядки полков, артиллерийских и минометных батарей.

Во время наступательных операций возникла необходимость оперативного доведения новых боевых задач до командиров дивизий. Для этого использовались очень важные и ответственные графические боевые документы: карты — приказы, к изготовлению которых начальник штаба привлекал только меня.

Карта-приказ составлялась на карте масштаба 1:50 000. На нее наносились: разграничительные линии дивизий, исходный рубеж, ближайшая и последующая задачи.

Для выполнения графических работ и размножения документации у меня и у топографов дивизий в непосредствен-

ном подчинении, кроме штатных учетчиков карт, находились нештатные чертежники из сержантского и рядового состава, которые освоили топографическое черчение.

За период боевых действий по распоряжению начальника штаба корпуса дважды проводилась учеба с офицерским составом в управлении корпуса и дивизиях по вопросам военной топографии с выходом на местность. Занятия проводились по программе, разработанной топографическим отделом и утвержденной начальником штаба 52-й армии. Такие занятия были проведены в период длительной обороны на реке Прут и в Польше, при выводе корпуса из боя для пополнения перед проведением Берлинской операции. Кроме того, используя каждую возможность, учили, инструктировали учетчиков топографических карт, а также офицеров по вопросам подготовки карт к использованию и хранению.

В общем, топографическим обеспечением боевых действий войск корпуса командование было довольно. Здесь уместно будет отметить, что в этот период инициативно, грамотно работали по топографическому обеспечению боевых действий войск дивизионные топографы майор Кудрявцев, капитан Шапилло, капитан Кашин, с которыми я в основном прошел весь боевой путь 48-го стрелкового корпуса от Белгорода до Ясс, с Сандомирского плацдарма до городов Лигниц, Гелнц и Прага.

В.П. ЛИТВИНЕНКО

Литвиненко Виктор Петрович (1922—2007). Окончил ЛВТУ (1942), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1952) с отличием. Топограф 5-го топографического отряда (1942—1946). После войны участвовал в топогеодезическом обеспечении Семипалатинского атомного полигона (1947). Военную службу завершил командиром 7-го топогеодезического отряда ДВО (1966—1968), начальником учебного отдела — заместителем начальника ЛВВТКУ (1968—1978). С 1978 г. — преподаватель, заведующий дневным отделением, заместитель директора по учебной работе Ленинградского (Санкт-Петербургского) техникума геодезии и картографии. Заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации, Почетный геодезист. Полковник.

КАРТА НА ФРОНТЕ

В Ленинградское военно-топографическое училище я поступил в начале войны, в июле 1941 года. Школу я закончил с отличием, но вступительные экзамены сдавал с оценками то “неуд”, то “отлично”, так как на меня оказывал сильное влияние мой товарищ — он не особенно хотел поступать в училище. Меня вызвал начальник политотдела училища (я уже был тогда кандидатом в члены ВКП(б), и сказал “надо”. На этом мои колебания закончились.

Наш новый набор разбили по ротам, причем сделали это по росту. В 1-й роте были самые высокие, в 3-й самые низкорослые курсанты, я попал во вторую роту. Командовал ротой капитан О.М. Костикян. Командиром батальона был майор П.А. Купцов, комиссаром — майор Стоянов. Нашим взводом командовал капитан Иван Алексеевич Бердяков.

Вооружили нас польскими карабинами и 30 июля эшелоном через Мгу и Вологду отправили в Горьковскую область. Разгрузились на станции Кудьма, и на берегу реки того же названия мы разбили палаточный лагерь.

Общевойсковой сбор был очень жестким — полевые занятия были приближены к подготовке молодого бойца военного времени: полная солдатская выкладка, подъем в 6 часов и до 22 часов ни минуты покоя. Постоянные тревоги и марш-броски нас сильно выматывали.

Несколько раз капитан И.А. Бердяков показывал нам кипрегель и рассказывал, как с ним надо работать, демонстрировал разрезную горку. Мы впервые познакомились с технологией съемки рельефа и нанесением контуров.

В конце августа мы выехали в деревню, где выполнили мензульную съемку в масштабе 1:10 0000. Я с благодарностью вспоминаю своего взводного командира за то, что он очень быстро и правильно научил нас выполнять съемку. Показывал работу на точке каждому курсанту и всегда был с нами. Съемочную сеть развивали все вместе, но на своем планшете работал каждый самостоятельно.

Завершив первую топографическую работу, приступили к съемке в масштабе 1:25 000. На дворе стоял сентябрь, шли дожди, дороги раскисли. Участки для съемки нам нарезали на расстоянии 5—6 км от деревни, где мы располагались. Очевидно, там был “поучительный” рельеф. Каждый из нас нес на себе, кроме оружия, патронов, противогаза, еще и полный комплект съемочного инструмента. Учитывая, что питались мы скудно, и взять с собой поесть было нечего, мы тащились домой, проклиная все на свете. Все поля были убраны, но одно капустное поле с остатками урожая нас немного поддерживало.

Несмотря на трудности, задание мы выполнили в срок, и были очень довольны. В конце ноября мы прибыли в поселок Абабково.

Абабково — это местечко, в котором был раньше женский монастырь. Последние годы в нем располагался дисциплинарный армейский батальон, его отправляли на фронт, и к нашему приезду не все еще выехали. Коридоры в “красном” здании были перегорожены лавками, чтобы мы не общались с солдатами. Монастырь был обнесен трехметровой кирпичной стеной, поверх которой щетинился еще забор из колючей проволоки. По углам периметра стояли сторожевые вышки.

У нас была отрядная организация учебного процесса. Я был во 2-м учебно-топографическом отряде. Мой командир взвода был одновременно начальником отделения, а взвод-отделением.

Зима в тот год была очень суровой, стояли морозы минус 30—40°С. При температуре ниже минус 38°С занятия в полевых условиях не проводились. А таких занятий было много: танковая подготовка, физическая — с обязательным рукопашным боем, штурмовая полоса — длинная, с множеством препятствий, лыжная подготовка с 20-километровыми кроссами, где победителю вручалась пачка махорки, тактика с атаками по глубокому снегу, огневая подготовка на стрельбище. В перерывах грелись у костров. Сил было мало, поскольку питались мы плохо.

Занимались в классах в шинелях, здания отапливались печами, а дров было мало. Однажды весь состав училища был направлен на заготовку дров. 1-я рота пилила лес за Окой (10—12 км от училища), остальные возили и носили трехметровые бревна на другой берег реки. С последним рейсом каждый должен был доставить в училище несколько бре-

вен. Бревна тащили волоком, привязывая к ним ремни или на лыжах, которые связывали, делая из них подобие саней.

Занятия по многим предметам проводили начальники отделений: черчение, практические задачи по топографии и геодезии. Геодезию вел А.Н. Прозоровский, топографию — Д.И. Васильчиков, фототопографию — А.А. Жорников, общественные дисциплины — Г.В. Колесов. Изучению теории топографии очень помогала наша практическая работа, выполненная осенью. Мы уже знали, как выполняется съема контуров, рельефа, знали условные знаки.

Организовывались многодневные тактические учения с лыжными переходами, атаками, которые не всегда заканчивались благополучно. Однажды поморозили ноги многие курсанты, а капитана Костикяна отвезли на лошадях. В одном из учений мы после возвращения в городок так выбились из сил, что дальше идти не могли. Спасибо, кто-то из командиров догадался и выслал навстречу нам лыжников с мешком сухарей.

Важно подчеркнуть — никто не роптал, все тяготы воспринимались как должное, терпели, ждали лета и выпуска из училища.

Воспитательную работу в основном проводили капитан Бердяков и политрук Винокуров — комиссар нашего отряда. Читались сводки с фронта, рассказывалось о героизме наших воинов, оказывалась помощь местным органам власти в агитационной работе среди населения ближайших деревень.

Кормили нас, как уже говорилось, очень скудно, чаще всего на обед был свекольный суп. Транспорта в училище не было. С середины зимы нас стали посылать за хлебом в город Павлово на пекарню. Отправлялся взвод на поезде, на двоих курсантов выдавался большой ящик, куда укладывались бу-

ханки хлеба. Пекарня была одноэтажной, окна ее были открыты, и мы видели, как из печей работницы выхватывали большие жаровни с формами и переворачивали их. Если у выскочивших из форм буханок отлетала “крышка”, то женщины выбрасывали их в окно нам, мы их на лету ловили, обжигая пальцы, и ели.

С этой историей была большая неприятность. Курсанты взвода из нашей роты, которые первыми отправились за хлебом, на обратном пути поотрывали верхние “крышки” буханок, вынули полностью мякиш, а “крышки” поставили на место. Это быстро обнаружилось, и весь взвод был отправлен на фронт.

Острота с продовольствием подтверждалась и тем, что повесился даже начальник продовольственной службы, и тем, что на всех приемах пищи в столовой присутствовал вновь назначенный начальник училища подполковник П.С. Паша.

Движок электростанции работал редко, и помещения освещались малочисленными керосиновыми лампами. Воды также не хватало. По графику на ночь на водокачку наряжался взвод курсантов. Мы становились в две шеренги вдоль двух жердей насоса и качали всю ночь, каждый качок давал кружку воды.

Наша рота размещалась в белом двухэтажном корпусе, а взвод — в небольшой комнате. Спали на двухъярусных койках по три человека на двух соседних койках.

Табак нам не выдавали, а тогда многие пристрастились к курению. Мне родственники прислали посылку с табаком и, долгое время я был в центре внимания, так как многие старались “забить” очередь на курение после меня, называлось это “дай 40”.

По вечерам перед поверкой нас “собирали”, так как было темно, строили, и в мороз мы совершали марш-бросок на 3—4 км, невзирая на снег, метель и пр.

На полевую практику мы выехали ранней весной. Половина отделения под руководством старшего лейтенанта Серикова разместилась в деревне Батманово Сосновского района (я был в этой группе), вторая половина под руководством капитана И.А. Бердякова в селе Ярымово.

Начали мы практику с развития аналитической сети. Работал я в паре с курсантом Подгорным и с теодолитом типа Гильденбрандт. Сеть была густая, на центральной вехе наблюдали 12 направлений.

Руководитель практики был гидрологом по образованию и нам оказать помощь ничем не мог. Немного понимали в геодезии бывшие артиллеристы: наш помкомвзвод сержант А.П. Кулаков и командир отделения младший сержант Котенко. В основном мы обращались к инструкциям. Приехавший как-то верхом на лошади на поверку военный-инженер 2-го ранга Н.И. Казанкин признал нашу работу хорошей. Затем выполнили нивелирование нивелиром с перекладной трубой и проложили теодолитный ход.

В середине лета поступила команда — половине курсантов нашей группы убыть в Абабково, а оставшиеся, в том числе и я, переехали в деревню Ярымово к начальнику отделения капитану И.А. Бердякову для продолжения практики. Впоследствии мы узнали, что примерно половина нашего набора была оставлена еще на год обучения и их направили на строительство землянок для жилья, чтобы подготовиться к зиме 1942/43 года. Мы же были выпущены досрочно.

В Ярымово я выполнил мензульную съемку в масштабе 1: 25 000 на площади 10 кв.км и 1: 50 000 на площади

20 кв.км, а также комбинированную съемку на аэроснимке около 5кв. км, площадную и маршрутную глазомерную съемку. Практика была организована очень хорошо, жили мы в школе, имели чертежную и все необходимое. Капитан И.А. Бердяков был страстным поклонником мензульной съемки и передал это качество мне. Вставали мы очень рано и в 7 часов уже были в поле, работали до 20—21 часов.

Несмотря на сложности технического обеспечения, каждый курсант имел полный комплект инструментов и выполнял работу самостоятельно. Этот принцип поддерживался и все последующие годы.

Таким образом, за год обучения я выполнил съемку пять раз, не считая глазомерных измерений и других основных видов геодезических работ. Оценил уровень своей подготовки я позже. Так случилось, что после выпуска я прибыл в топографический отряд в момент выезда топографов на задания, и было не до меня. Мне выдали инструмент, ночью наклеили планшет и сразу отвезли на участок работы. Я развил съемочную сеть и приступил к съемке в масштабе 1: 50 000 без каких-либо колебаний и без дополнительных советов — наставлений начальника отделения тогда я убедился, что могу работать самостоятельно, мою работу оценили на “отлично”.

Позже, будучи преподавателем в училище, я неоднократно встречался с И.А. Бердяковым в полевых условиях. Это был великий труженик и скромнейший человек, его трудно было “оторвать” от курсанта, когда он показывал технологию съемок, дорисовывая ситуацию часто в темноте после захода солнца.

С питанием в полевых условиях стало несколько лучше. Использовали “подножный корм”. Выбивали на чехле от

планшета колоски пшеницы, толкли их в ступе и варили кашу. Капитану И.А. Бердякову стреляли из малокалиберной винтовки диких голубей. Он жил с большой семьей на один паек, и ему было трудно. Горьковское население всегда очень любило чай, поэтому наш курсант-начпрод делил маленькие пачки чая между курсантами, а мы его меняли на табак. Я, например, отдавал его семье реечника, а он брал в поле бутылку молока. Замечательно было то, что ни один командир не говорил никогда о трудностях быта, так же вели себя и курсанты. Мы уже в ранние годы проявляли стойкость и терпение.

В конце сентября мы переехали в Абабково на выпуск. Вместо капитана О.М. Костикяна командиром отряда был назначен майор А.С. Николаев, будущий начальник Военно-топографического управления Генерального штаба (ВТУ ГШ).

На выпуск приехал начальник ВТУ генерал М.К. Кудрявцев. Он собрал нас в клубе и сделал доклад о работе топографов на фронте, рассказал, в частности, об одном отряде, который спешно покидал Крым в результате прорыва фронта и оставил там все материально-технические средства, склады, походный картографический комплект и 2/3 личного состава. В этот — 5-й военно-топографический отряд — я и был назначен. В конце выпускного мероприятия был устроен несколько лучший обед, а затем танцы. Я случайно оказался рядом с начальником училища и начальником ВТУ. Начальник училища подполковник П.С. Паша сказал, что вечер нужно прекращать, так как для электродвижка осталась одна канистра бензина из НЗ, на что генерал ответил: “Пускай в расход канистру, пусть ребята потанцуют”.

Обмундировали нас неважно, практически по-солдатски, долго ожидали, пока привезут сапоги. Так закончился 13-месячный курс обучения в училище, названный 5-м военным выпуском.

В первых числах октября 1942 года я с группой молодых лейтенантов выехал в Саратов в распоряжение начальника Военно-топографической службы Приволжского военного округа полковника В.П. Александрова. Там собиралось несколько отрядов (5, 10, 25-й) в связи с готовящейся Сталинградской операцией.

Кстати, мои сослуживцы по 5-му отряду, рассказали об отступлении в Крыму. Инструменты они зарыли в большую воронку, а машину карт сложили штабелем, вылили на него бочку бензина и подожгли. Через 10 минут, когда сгорел бензин и костер погас, убедились, что слегка обгорела лишь упаковка карт. Пришлось пачками карт забросать колодец. Позже, весной 1944 года, из Киева командир послал двух топографов в Крым посмотреть, не сохранилось ли наше имущество. Возвратившись, посланцы рассказали, что карты немцы из колодца извлекли, а яма из-под инструментов была забита трупами.

Топографы работали в полевых условиях, сообщили об отходе отряда не всем, поэтому выходили по одному или группами, переправляясь через Керченский пролив на подручных средствах. Например, начальник штаба с женой, которая работала в штабе машинисткой, поплыл на двух связанных автомобильных камерах. Сильным течением их снесло в море, и совершенно случайно их подобрал торпедный катер.

Остатки отряда двигались по Северному Кавказу и вышли к Каспию. Переправились морем в Астрахань, погрузи-

лись в эшелон и направились на север вдоль Волги. В районе озер Эльтон и Баскунчак эшелон бомбили, и одна из бомб попала в паровоз.

В таком несколько потрепанном состоянии я и встретил свой отряд на станции Баланда. Отряд с ходу приступил к выполнению задания.

После крымской эпопеи командование части полностью сменили и командиром был назначен майор Лукьянский. Отряд пополнился топографами за счет землеустроителей из Краснодарского землеустроительного управления в то время, когда отходил по землям Кубани. Была пополнена и материальная часть — мы получили инструменты, в основном кипрегели и мензулы. Циркуля-измерителя я не получил, взамен выдали пропорциональный циркуль, работать которым было неудобно.

Значительно позже я понял, что не только военная, но и топографическая обстановка тогда была сложная. Восточнее меридиана Москвы крупномасштабных карт не было. Несколько отрядов, вытянувшись цепью вдоль Дона и Волги от Воронежа до Сталинграда, срочно проводили топографическую съемку в масштабе 1:50 000. Для ускорения работы полную трапецию топографу не давали, а резали на две—три части, затем монтировали и сдавали в картографическую часть. Несколько трапеций мы вычерчивали способом издательского черчения.

Задание я получил после того, как все топографы отделения разъехались по своим участкам, и начальник отделения занялся мной.

По пути движения на мой участок мы заночевали у лейтенанта Б. Макарова, где мне наклеили планшет и нанесли участок площадью 60 кв. км, отрезанный у моего соседа. На

следующий день меня высадили на хуторе Октябрьском, где было четыре—пять домов. Это было в первых числах ноября 1942 года.

Съемку выполняли мензульную в масштабе 1:50 000. Высотной опорной сети не было. Для увязки высотных полигонов за основу принимали высоты, подписанные на карте масштаба 1:200 000. Когда уже началась съемка, нас собрал майор Г. Петров, заместитель командира отряда, и приказал нам отнаблюдать некоторые направления по высоте для связи проходящего через несколько отделений громадного полигона площадью 180 кв. км, который опирался на две нивелирные марки, установленные на железной дороге. Действительно, через некоторое время мне прислали увязанные высоты, и я подправил рельеф.

Помню, произошел интересный эпизод, характеризующий обстановку того времени. Собрались мы у соседа по трапеции, человека сугубо гражданского, землемера, никогда не выполнявшего съемку мельче масштаба 1:5000. Съемка в масштабе 1:50 000 ему не давалась, и он приходил ко мне советоваться. Я как мог, помогал ему, но, в, конце концов, его все-таки отправили в запасной полк. На совещание мы пришли за 10—20 км пешком. Уже стояли морозы, 7 ноября выпал снег. Собралось нас человек пять—шесть, к вечеру. Заместитель командира отряда объяснил нам задачу и приказал отправиться утром на участки, отнаблюдать необходимые стороны и к вечеру прибыть с результатами. Младший лейтенант Недосекин, в недавнем прошлом тоже землемер, стал возражать, что выполнить задание за день не может, так как день короткий, ему нужно пройти 20 км только до участка и обратно столько же.

Петров начал раздражаться, повышать голос. Недосекин стоял на своем. Кончилось тем, что Петров приказал Недосекину стать к печке, вытащил пистолет и сказал, что сейчас расстреляет его. Нам всем пришлось вмешаться, отобрать у Петрова пистолет и успокоить его.

После окончания съемки этого участка мне дали северную часть трапеции на реке Хопер (приток Дона) у станции Летяжевка, отобрав ее от землемера, который за это время снял лишь 5 км. Южную часть трапеции снимал лейтенант Б. Макаров, а реку и прилегающие к ней с обеих сторон леса — младший лейтенант Недосекин.

Съемку выполнять было трудно: температура -25°С, глубокий снег, бездорожье... В довершении мы не имели зимнего обмундирования, а приближался новый 1943 год.

30 декабря наше отделение завершило задание и на лошадях отправилось в штаб отряда в поселок Казачка. Прибыли 31 декабря в 20 часов и начальник штаба в честь наступления Нового года разрешил нам лечь спать, что мы и сделали, устроившись на полу между столами.

Несколько зимних месяцев мы вычерчивали “чистовым” (т. е. издательским) черчением полевые трапеции и готовили их к изданию. Отряд размещался в поселке Алексеевка под Куйбышевым.

Ранней весной 1943 года отряд эшелоном двинулся на задание в те же районы Дона, но на станцию Лиски эшелон не пускали. Этот железнодорожный узел постоянно бомбили, поэтому нам пришлось на трапеции добираться своим ходом.

В начале я сделал часть трапеции в районе Истобное, а затем получил задание на съемку участка в полторы трапеции, примерно 550 км2 в районе станции Давыдовка на Дону. На участке было три геодезических пункта, необходимых для

развития съемочной сети графическим способом. На левом пологом берегу Дона размещалась станица Старая Хворостань, в районе которой немцы зимой захватили плацдарм, а весной их выбили. Поэтому побережье реки было засорено боеприпасами, оружием, искореженной техникой.

В селе через Дон был наведен понтонный мост, который часто бомбили, перед мостом находились штабеля снарядов для “Катюш”.

Самое неприятное для нас было то, что окружающие поля были заминированы. Мины устанавливались зимой и нашими войсками, и немцами, поэтому их при внимательном осмотре можно было обнаружить, но мешали прошлогодние заросли бурьяна, стоявшие стеной. Размещение минных полей я не знал, поэтому не раз, пройдя 200—300 м от дороги в поле, я обнаруживал, что нахожусь в заминированном месте. Приказывал солдатам идти по моим следам, а сам раздвигал сухие стебли бурьяна и внимательно рассматривал место, куда поставить ногу. Идти назад было так же опасно, как и вперед, поэтому шел впереди.

Некоторое время спустя стало известно, что мой сосед младший лейтенант Недосекин и его солдат погибли, подорвавшись на мине. Они сошли с дороги, направляясь к линии шестов, пригодных для вех, на которых, очевидно, была протянута связь, и не дошли.

Однажды за ужином хозяйка дома, где я временно проживал, сказала, что со мной хочет познакомиться одна девушка. Я как-то не обратил на это внимания и после ужина пошел на площадку перед домом. Вскоре я услышал рокот самолета и по звуку определил, что это был немецкий бомбардировщик. Самолет на моих глазах вошел в пике и сбросил бомбы. Очевидно, бомбы были зажигательные, так как

сразу вспыхнуло несколько домов. Мне показалось, что загорелся дом, где размещались солдаты, и я побежал туда. Перебегая улицу, я увидел, как огненный шар двигался по переулку в сторону холма за селом. Солдатам я приказал вынести инструменты и укрыться на улице, так как самолет пошел на второй заход.

Жители выпустили скот на улицу. Напуганные животные носились, ревели и мычали. Я побежал назад к дому. По улице метались мальчик и девочка года по три. Увидев меня, они крепко вцепились в мои ноги от страха, повиснув на них, и я не мог сделать ни шагу. В этот момент самолет вошел в пике, и мне пришлось с детьми лечь на дороге. Бомбы прошли мимо.

Когда немного все успокоилось, ко мне пришли жители и рассказали, что на девушку попала термитная смесь из зажигательной бомбы, и она вспыхнула. Они ее горящую, поймали за селом и облили у колодца водой. Спрашивали: “Будет ли она жить?”. Девушка умерла, не успев познакомиться со мной.

С начальником отделения была договоренность: чтобы легче было искать топографа в селе (военных было много), солдаты укрепляли на крыльце дома веху. Хозяин дома после бомбежки снял веху, сказав, что для летчика, который бомбил село, это был знак.

Съемку я выполнял недолго, меня вызвали в штаб, и я передал трапецию лейтенанту Анатолию Александровичу Соловьеву, будущему преподавателю училища.

Несмотря на невзгоды и неприятности, главное дело выполнялось — мы создавали карты, которые так необходимы были Воронежскому и Сталинградскому фронтам. И делали это неплохо.

Прибыв в штаб отряда, я узнал неприятную для меня новость. Командир отряда рассказал, что несколько дней назад на проверку части приезжал заместитель начальника военно-топографической службы округа полковник Лазаренко. Уезжая, он приказал дать ему несколько фамилий лучших топографов для награждения. В этот список попал и я. Вместо наград пришел приказ о переводе этих пяти офицеров в Харьковскую картографическую часть, которая была эвакуирована в Саратов. Мы были очень расстроены этим приказом. В день отъезда, перед посадкой в машину командир отозвал меня в сторону и сказал, что пришел приказ оставить меня до особого распоряжения. Я был счастлив, так как очень любил полевые работы. Думаю, что это была инициатива командира.

Следующую половину трапеции я снимал по реке Битюг, притоку Дона. Там произошел интересный случай. Както утром хозяин дома, где я остановился, сказал мне, что до меня у него жил немецкий офицер и делал, судя по инструментам, видимо то же самое, что и я. После того, как немцев выбили, хозяйка, убирая комнату, нашла кусок карты. Хозяин, передав карту мне, сказал, что возможно, это поможет моей работе. Это была средняя треть карты масштаба 1:100 000 с впечатанными названиями на немецком языке. Карта была напечатана на обратной стороне старой карты масштаба половины версты в дюйме с изображением рельефа штрихами. Я использовал в работе этот фрагмент карты, но оставалось не совсем понятным, откуда появилась эта карта, если мы точно знали, что крупнее карты масштаба 1:200 000 на этот район нет.

Примерно в феврале 1944 года отряд эшелоном был направлен в Киев. Ехали настолько медленно, что командир

отправил часть офицеров “своим ходом”, и мы разными поездами в марте добрались до места назначения.

Город был освобожден 7 ноября 1943 года. Немцы его ежедневно бомбили и сильно разрушили. Разместились мы в помещениях нашей военной картографической фабрики, которую немцы использовали по назначению. Напротив располагался картографический склад 1-го Украинского фронта. В сутки отправляли вагон карт, и мы помогали набирать их по заявкам.

После прибытия эшелона выехали на задание. Оно было простым: обследовать сохранность пунктов государственной геодезической сети и нивелирования, найти их и по возможности восстановить, одновременно выполнялось обследование по карте. У меня был большой район: Фастов, Бердичев, Казатин, Белая Церковь. Местность была открытая, пункты размещались на курганах и высотках, где во время боев оборудовались НП и КП, поэтому на месте пункта был обычно котлован, верхний центр лежал в стороне, по нижнему — ходили. Центры по отвесу выставляли заново, делали окопку и результаты заносили в формуляр.

В день я делал 25—30 км по намеченному маршруту, пешком, отыскивал два—три геодезических пункта и каждую ночь проводил на новом месте. Ложились поздно, так как местные жители обычно собирались у меня, и шла беседа о делах на фронте.

В июле я прибыл в Киев, где был назначен начальником эшелона. Маленькую погрузочную платформу нашел на внутризаводской железной дороге завода “Большевик”. Договорился с начальником станции и отвез заявку на эшелон в отдел железнодорожных сообщений штаба Киевского военного округа.

Я был очень молод, мне было 22 года, и я был удивлен тем, что мне доверили командование эшелоном в такой сложной обстановке. Обычно начальниками эшелонов назначали начальников отделений, у которых и опыта больше, и звание выше. Эшелон направлялся в Румынию, знал об этом, кроме командования, только я, это дополнительно повышало мою ответственность. Когда в день погрузки я приехал на станцию завода, то очень волновался, сработает ли моя заявка. Но все сработало. В назначенный час паровоз стал подавать один за другим вагоны под погрузку, так как погрузочная платформа была только на один вагон.

И впоследствии командир отряда не раз удивлял меня тем, что давал мне необычные, сложные и ответственные задания. Например, после прибытия в Румынию он назначил меня помощником начальника штаба и одновременно помощником коменданта города Бырлада, где размещался штаб отряда. Правда, я уговорил его отпустить меня для выполнения работ в полевых условиях и в этой должности я пробыл несколько месяцев.

За долгий путь следования эшелона я познакомился со сложнейшей обстановкой на железных дорогах войны. На каждой остановке я бежал к коменданту выяснять, поедем ли мы дальше, а там был уже десяток начальников других эшелонов, и каждый требовал отправки. В первую очередь, естественно, отправляли эшелоны с танками, артиллерией, боеприпасами, а наш эшелон -литер А “людской”, в последнюю очередь. Государственную границу пересекли в начале августа.

Задание состояло в том, чтобы, используя румынские, венгерские карты и карты других стран, создать современные карты в масштабах 1:50 000 и 1:100 000. Координаты были

перевычислены в нашу систему, смонтированы оригиналы в советской разграфке, причем наша трапеция состояла из четырех кусков румынской. Топографам выдавались синяя и коричневая светокопии, и в зависимости от количества и характера изменений выбиралась одна из них.

В полевых условиях выполнялась мензульная съемка. Рельеф на оригиналах был изображен горизонталями полностью в равнинных районах, в горных же районах Карпат горизонтали были проведены через 100 м, но имелось очень много отметок, и провести недостающие горизонтали было просто. Съемочные сети не развивались, работали от исходных пунктов и твердых контуров. На одну трапецию затрачивалось около двух месяцев. Съемка выполнялась круглый год. Аэроснимки у нас были редкостью.

Отряд входил в состав 2-го Украинского фронта. Документы на право работ подписывались начальником штаба фронта и разрешался переход государственных границ СССР, Румынии, Венгрии в любом месте. Исключалась Югославия.

За весь период пребывания я сделал 13 трапеций масштаба 1:50 000 и одну масштаба 1:100 000 на территорию Румынии и Венгрии, несколько раз переходил Государственную границу СССР для съемки отдельных участков. Помимо съемки вели очень подробное топографическое описание местности.

Помню, я и пять солдат моей команды вышли на огромный бетонный крест, высотой около 10 м. Крест был установлен на бетонной платформе. На четырех сторонах пилона креста были вмонтированы мраморные доски. На первой выбита надпись, что здесь захоронены русские воины, погибшие во время русско-турецкой войны 1878 года за освобождение Болгарии от турецкого ига; на второй — фа-

милии погибших офицеров; на третьей и четвертой перечислены названия егерских полков и количество погибших солдат.

Мы стояли перед братской могилой русских воинов, проделав 1000-километровый путь от Волги и Дона до румынского горного хребта, выдвинувшегося из Болгарии в плавни Дуная, на котором стоял памятник. И я подумал, сколько же троп и дорог, на протяжении столетий, сделали русские солдаты по Европе, чтобы защитить свою страну и принести мир этой Европе. История повторялась, только в более жестокой войне. Мы дали салют, почтили память русских воинов, павших на чужбине.

Румынское население относилось к нам очень хорошо, что нельзя было сказать о венграх. Особенно радостно встречали нас жители Югославии — сербы. Мы, со своей стороны, также относились к населению доброжелательно. Очень зверствовали в приграничных районах бандеровцы. Был застрелен во время работы старший лейтенант Спартак Верпека, убит мой товарищ Виктор Харинов, было нападение на старшего лейтенанта Степана Грищенко. У него отобрали планшет и инструменты и ранили солдата, к концу задания погиб и командир отряда подполковник В. Лукьянский.

День Победы я встретил в Румынии, в городе Брашове. Позже этот город назвали именем Сталина.

Н.П. ЗАКУВАЕВ

Закуваев Николай Павлович (1918—2001). Окончил геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1941). Старший топограф, инженер, старший инженер штаба, начальник топографического отделения 31-го моторизированного топографического отряда Западного фронта, начальник фотограмметрического центра при топографическом отделе штаба Белорусского фронта (1941—1945), помощник начальника отдела по изучению опыта Великой Отечественной войны, младший и старший научный сотрудник в 29 НИИ МО (1945—1952), заместитель командира 16-го моторизированного топографического отряда (1952—1954), преподаватель и старший преподаватель кафедры топогеодезического обеспечения войск в ВИА им. В.В. Куйбышева (1954—1974). По завершении военной службы — старший научный сотрудник в 29 НИИ МО (1974—1980). Кандидат технических наук, доцент. Полковник.

В БЕЛОРУССКОЙ И ВОСТОЧНО-ПРУССКОЙ ОПЕРАЦИЯХ

При подготовке Белорусской операции особое внимание обращалось на тщательное изучение местности в районе предстоящих боевых действий. Военно-топографическая служба фронта провела большую работу по обеспечению штабов и войск топографическими данными о местности и сведениями о противнике.

С января 1944 года фотограмметрическая группа 31-го моторизованного топографического отряда (31 мто) и фоторота 1-й воздушной армии были объединены в фотограмметрический центр при топографическом отделе штаба фронта.

На фотограмметрический центр было возложено дешифрирование аэроснимков для вскрытия сил и средств противника, составление разведывательных карт и фотопланов, исправление топографических карт по аэроснимкам. Эти задачи фотограмметрический центр выполнял во взаимодействии с 31-м мто и аэрофотослужбой воздушной армии. Руководство работой осуществляли начальник топографической службы фронта полковник В.А. Васильев и начальник аэрофотослужбы штаба 1-й воздушной армии подполковник Яхонтов в соответствии с указаниями начальника штаба фронта.

Систематическое воздушное фотографирование в течение зимы и весны 1944 года обеспечило вскрытие всей системы обороны противника на глубину до 20 км и сосредоточения войск противника на глубину до 200 км от переднего края наших войск. Результаты разведки противника по аэроснимкам доводились до войск в виде разведывательных карт и фотопланов.

Командующий 11-й гвардейской армией, войска которой освобождали Оршу, в приказе отметил, что фотопланы существенно помогли штабам в организации выполнения боевых задач и наградил орденами и медалями полковника В.А. Васильева, майора Н.П. Закуваева, старших лейтенантов Б.М. Соколова, Г.А. Чернова, Г.А. Сычева.

В ходе наступления воздушная разведка выявляла пути отхода противника, районы сосредоточения его резервов и пути их выдвижения. По результатам разведки изготавливались фотопланы целей для бомбардировочной авиации. Широко стало применяться перспективное воздушное фотографирование с самолетов-штурмовиков Ил-2. В этот период

фотограмметрический центр был передан в оперативное подчинение 10-го разведывательного авиационного полка.

Полевая проверка результатов дешифрирования аэроснимков показала, что траншеи и ходы сообщения дешифрируются полностью, огневые точки и землянки — на 90%, артиллерийские батареи и дзоты — на 80%, минометные позиции — на 70%. Таким образом, было установлено, что система обороны противника на разведкартах и схемах отражалась достаточно точно.

Фронтовые топографические отряды выполнили большой объем работ по исправлению топографических карт с использованием аэроснимков и обеспечению артиллерии геодезическими данными. На направлении главного удара карты исправлялись на глубину до 50 км — в сторону противника и на глубину нашего армейского тыла.

Когда советские войска вышли на косу Фриш-Нерунг к Пиллау, то из-за несоответствия карты и местности произошла задержка наступления.

Командование фронта организовало группу наземной разведки из пяти офицеров, в числе их был и представитель инженерного управления фронта — полковник Токин, а от топографической службы фронта — автор этих строк. Одновременно была создана дублирующая группа.

К 8 часам 24 апреля обе группы прибыли на передний край наших войск, куда пробирались через лес и кустарник, под непрерывным огнем противника. Дошли также полковник Токин и я. Двигаясь по лесу, я обратил внимание на то, что просеки проложены через 250 м, а на карте они были обозначены через 500 м.

“Вот почему все расчеты на огневые налеты были неправильными, — сказал полковник Токин, — ведь нам до-

несли, что войска вышли на третью просеку, а они находились в другом месте". Я нанес все просеки на карту. Назавтра мы снова прибыли в тот же район для уточнения данных предыдущего дня. Здесь шел бой. Координаты целей были точные, и наша артиллерия нанесла значительный урон противнику.

Наряду с исправленной картой в войсках широко использовались специальные карты и другие документы о местности, издаваемые фронтовым топографическим отрядом. Была издана танковая карта масштаба 1: 50 000 на район города Борисова. Составлялись и издавались планы городов, крупномасштабные карты на полосу обороны противника, кодированные карты, создавались рельефные карты и макеты местности. Для штабов соединений было составлено описание реки Неман.

До Белорусской операции у нас на фронте карта масштаба 1: 50 000 считалась основной. Ее охотно использовали для управления при сосредоточении войск перед наступлением и при прорыве оборонительных рубежей противника. Карта доводилась до командиров взводов, и при большой плотности войск и особенно артиллерии (125 орудий на 1 км фронта) расход ее был велик. Поэтому запасы этой карты были созданы большие — от 3 до 17 тыс. экземпляров каждой номенклатуры на глубину до Минска. Запас же карты 1:100 000 составлял лишь 2—5 тыс. экземпляров каждой номенклатуры. Однако в связи со стремительным наступлением наших войск потребовалась карта масштаба 1:100 000, а для танковых и механизированных частей — карта масштаба 1:200 000. Запасы этих карт оказались недостаточными. Поэтому были срочно приняты необходимые меры: недостающие листы карт печатало картографическое отделение фрон-

тового отряда, одновременно нужные карты были доставлены самолетами из Москвы.

В последующей работе по обеспечению войск картами эти новые требования войск строго учитывались. Карты всех нужных масштабов доводились до командиров взводов в соединениях первого эшелона и командиров рот в соединениях второго эшелона оперативного построения армий.

В итоге летнего наступления 1944 года войска Советской Армии полностью освободили Белоруссию, форсировали Неман, вышли на Вислу и подошли к границам Восточной Пруссии.

В октябре 1944 года войска 3-го Белорусского фронта вступили в Восточную Пруссию, 13 января 1945 года началась Восточно-Прусская операция.

В наступательных операциях фронта требования артиллерии к ее геодезическому обеспечению все возрастали.

До начала Белорусской операции зимой и весной 1944 года подразделения фронтового отряда во взаимодействии с разведывательными артиллерийскими дивизионами проводили работы по сгущению геодезических сетей до плотности один пункт на 1 км2 в полосе фронта на глубину 8—10 км на направлениях главных ударов. Это обеспечило быструю привязку артиллерии и средств разведки при выдвижении их на огневые рубежи.

В наступлении в связи со скоротечностью боев привязка боевых порядков артиллерии проводилась преимущественно к контурным точкам карт масштаба 1:50 000. Топографы отряда, находившиеся в распоряжении начальников топографической службы армий, выполняли работу по обследованию сохранности геодезических пунктов на освобож-

денной территории, составляли специальные карты и описания местности.

С выходом войск 5-й и 11-й гвардейских армий на рубеж реки Неман возникла необходимость в сгущении геодезической сети. Лесисто-болотистая местность, минные поля создавали значительные трудности при выполнении этой работы. Однако самоотверженный труд топографов обеспечил подготовку артиллерийской стрельбы на полной геодезической основе.

На территории Восточной Пруссии плотность геодезической сети доходила до двух—трех пунктов на 1 кв. км. Однако на местности значительная их часть не была обнаружена.

Большие трудности в подготовке стрельбы создавала магнитная аномалия. Потребовалось срочно провести эталонирование артиллерийских буссолей; были изготовлены артиллерийские карты, на которых показывались линии равных значений поправок буссоли. Эталонирование буссоли и мерных лент (20 и 24 м) было выполнено в Московском геологоразведочном институте имени С. Орджоникидзе и Московском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии.

Эталонные буссоли и мерные ленты использовались для проверки всех буссолей и мерных лент в отряде, а затем во всех артиллерийских частях.

Эти меры обеспечили точную ориентировку орудий, что было очень важно для эффективной стрельбы по долговременным огневым сооружениям на оборонительных рубежах Восточной Пруссии и особенно при штурме Кенигсберга. В мае 1945 года 31-й моторизованный топографический отряд был награжден орденом Красной Звезды — за образцо-

вое выполнение заданий командования фронта по обеспечению войск картами и геодезическими данными в Белорусской и Восточно-Прусской операциях, при овладении городом и крепостью Пиллау.

Н.Н. ДЬЯЧКОВ

Дьячков Николай Николаевич (1913—1967). Окончил геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1941). Инженер 68-го геодезического отряда (1941—1943), инженер (1943) и начальник штаба (1943—1944) 65-го геодезического отряда, начальник топографического отдела 4-й гвардейской армии (1944—1947). Военную службу завершил начальником топографического отдела штаба Группы советских войск в Германии (1960—1967), начальником кафедры топогеодезического обеспечения войск в ВИА им. В.В. Куйбышева (1967). Полковник.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

Великая Отечественная война застала нас, участников астрономической экспедиции, на Востоке, далеко за пределами Родины, где мы вместе с другими топографами выполняли производственное задание.

О начале войны мы узнали лишь 25 июня 1941 года — работы выполнялись на большом удалении от населенных пунктов.

Нам, советским людям, горячо любящим Отчизну, хотелось как можно скорее перенестись на Запад, чтобы принять непосредственное участие в защите своей матери-Родины. Однако приказ предписывал продолжать выполнение поставленной задачи, и желание наше осуществлялось лишь в 1943 году.

В начале марта того года я получил назначение в 65-й геодезический отряд, находившийся в составе Брянского фронта, войска которого вели оборонительные бои. Отряд

выполнял задания по развитию опорных геодезических сетей в полосе, непосредственно примыкавшей к переднему краю, и на рубежах, расположенных в глубине обороны фронта. Создавшаяся отрядом геодезическая основа использовалась нашими артиллерийскими частями и соединениями при удержании занимаемых позиций, а затем при разгроме противостоящей группировки противника и освобождении Орла, Мценска, Брянска и многих других населенных пунктов.

В конце марта отряд был передан из Брянского в состав Резервного фронта, в район Воронежа. В апреле отряд был переформирован в 65-й моторизованный топографический отряд (65 мто), должность начальника штаба которого довелось мне исполнять. В состав отряда прибыло новое картографическое подразделение, и он стал выполнять теперь более разнообразные задачи: развитие опорных геодезических сетей на оборонительных рубежах, которые подготавливались в основании Курской дуги, рекогносцировку местности вдоль рек с целью исправления карт, изготовление на отдельные районы крупномасштабных карт (планов). Созданные отрядом геодезические сети и изданные карты позже помогли нашим войскам добиться победы в Курской битве.

Во второй половине июля 1943 года войска Степного фронта (бывшего Резервного) были введены в сражение на белгородско-харьковском направлении. Это решило исход ожесточенного оборонительного сражения; наши войска перешли в контрнаступление, переросшее в решительное наступление, которое не прекращалось до полного освобождения советской территории от немецко-фашистской нечисти. При подготовке и в ходе этих сражений отряд выполнил много заданий по топографическому обеспечению войск

Степного (2-го Украинского) фронта, основными из которых были:

развитие опорных геодезических сетей, оказание помощи артиллерийской топографической службе в привязке боевых порядков артиллерии армий, действовавших на главных направлениях;

полуинструментальное определение и нанесение на карту переднего края обороны противника и расположения своих войск на участках прорыва фронта;

изготовление рельефных карт масштаба 1:50 000 на отдельные важные рубежи и масштаба 1: 200 000 на всю полосу действий фронта.

Особенно много ответственных заданий выполнял личный состав картографического подразделения, которое находилось при штабе отряда. Силами его личного состава в короткий срок был издан план Харькова, сыгравший большую роль при принятии решения на овладение городом, превращенным противником в крупный узел в системе обороны, а также при ведении боев в городе.

Изготавливались планы и других городов, допечатывались в большом количестве недостающие листы топографических карт, издавались специальные карты и схемы, размножались документы скрытого управления войсками (ориентирные и кодированные карты).

Почти непрерывно издавались разведывательные документы: данные об обороне противника (на картах масштабов 1: 50 000 и 1: 25 000) и о группировке войск противника по состоянию на различные периоды (на карте масштаба 1: 500 000). Следует заметить, что до 70—80% объектов противника при этом вскрывалось по материалам воздушного фотографирования.

Топографические данные, подготовленные отрядом, эффективно использовались артиллерией, способствовали улучшению управлению войсками и помогали в работе штабам.

Особо следует сказать о карте масштаба 1:10 000, изготовленной отрядом на реку Днепр, которая была серьезным препятствием для наших наступавших войск. Эта река в районе города Кременчуга, где ее форсировали войска 2-го Украинского фронта, имела широкое, песчаное русло с кочующими отмелями и островами. Примерно за I5 лет, прошедших со времени обновления карты, ранее показанные на ней песчаные острова и отмели сместились или исчезли, появились новые острова, изменились глубина, ширина русла и другие характеристики реки. Все эти данные имели большое значение при организации и осуществлении форсирования реки, подготовленной противником к обороне. Поэтому в предельно короткий срок была изготовлена карта “увеличка” масштаба 1:10 000, исправленная и дополненная по аэроснимкам с использованием лоцманских карт. Эта карта нашла широкое применение в штабе фронта и в войсках, получила высокую оценку командования фронтом.

В апреле 1944 года войска 2-го Украинского фронта вышли на советско-румынскую государственную границу и на отдельных направлениях перешли ее. Началась подготовка к прорыву Тыргу-Фурмосского и Ясского пограничных укрепленных районов, которые были усилены полевой обороной.

Начальник штаба фронта генерал-полковник М.В. Захаров приказал изготовить в течение пяти суток по материалам воздушного фотографирования и другим разведывательным данным крупномасштабную карту на междуре-

чье Серет и Прут с подробными данными о противнике, показать на ней как можно подробнее все оборонительные сооружения до пулеметных позиций включительно. При этом координаты долговременных сооружений требовалось определять геодезическими методами, путем их засечек из расположения наших войск. Чтобы выполнить поставленную задачу, было принято решение издать бланковую карту “увеличку” масштаба 1:12 500 (с карты масштаба 1:25 000), исправив и дополнив ее по аэроснимкам.

Одновременно отряду была поставлена задача как можно тщательнее вскрыть по аэроснимкам оборону противника, показать по возможности точнее и полнее начертание и размеры оборонительных сооружений и позиций его огневых средств. Работы велись непрерывно в течение пяти суток, с особым напряжением трудился личный состав картографического подразделения. За успешное выполнение этого задания к установленному сроку несколько офицеров и солдат были награждены орденами и медалями.

В июне 1944 года я был назначен на должность начальника топографической службы 4-й гвардейской армии, на которой был до конца войны. Основной и постоянной моей задачей, как и задачей других войсковых топографов — начальников топографической службы корпусов и дивизий, было обеспечение частей и подразделений картами, планами и каталогами координат геодезических пунктов, уточнение непосредственно на местности и нанесение на топографические карты позиций частей, рубежей, начертания переднего края своих войск, а также войск противника.

Кому не довелось непосредственно заниматься или хотя бы близко соприкасаться с обеспечением войск топографическими картами в боевых условиях, тому эта задача может по-

казаться простой, не требующей особых знаний и навыков. В действительности это довольно сложная задача, заключающаяся не только в том, чтобы своевременно получить карты, регистрировать и выдавать их по заявкам войскам. Надо было, исходя из оперативной обстановки, заблаговременно выявлять потребность частей и соединений в конкретных листах карт всех масштабов, в короткие сроки создавать их запасы, организовывать надлежащее хранение и учет, своевременно и бесперебойно доводя до войск те листы карт, которые им необходимы для выполнения боевых задач. Чтобы справиться с этим, нужно было иметь хорошую военную подготовку, понимать природу боя и операции и уметь самостоятельно делать правильные выводы по своей службе, вытекающие из складывающейся оперативно-тактической обстановки.

В Великую Отечественную войну войсковым топографам особенно много приходилось заниматься обеспечением войск картами.

Наибольшие трудности в этом деле возникали в ходе наступления, когда ежедневно требовались все новые и новые листы (номенклатуры) карт. Их надо было получать в вышестоящих штабах и в предельно короткие сроки доводить до каждого командира взвода. Когда изменялись боевые задачи войск, а изменялись они часто, и ранее созданные запасы карт становились ненужными, приходилось срочно получать и выдавать частям новые карты, что было не простым делом, так как войска находились в постоянном движении. Без преувеличения можно сказать, что в боевых условиях своевременно и полно, в соответствии со складывающейся обстановкой, довести карты до командиров частей и подразделений подчас было сложнее, чем их изготовить.

Второй основной задачей, которую часто выполняли начальники топографической службы корпусов и дивизий, было уточнение на местности и нанесение на топографические карты достигнутых войсками рубежей, занимаемых ими позиций, особенно начертание первой траншеи.

В ходе боевых действий линия фронта непрерывно изменялась и перемещалась. Нередко передовые подразделения и части, преследуя отходящего противника, достигнув определенного рубежа, особенно ночью, вынуждены были временно переходить к обороне и готовить новый наступательный бой.

В этих условиях, особенно при ведении боевых действий на местности, бедной ориентирами, командиры рот и батальонов в своих донесениях старшим начальникам иногда ошибочно показывали рубежи, достигнутые подразделениями, и начертание переднего края (первой траншеи) войск противника. А по этим данным в штабах соединений планировался огонь артиллерии.

Для того чтобы эффективно подавить и уничтожить противника, не поразив свои войска, топографам ставилась задача по уточнению занимаемых войсками позиций. Чаще всего эта работа выполнялась полуинструментально. Результаты уточнений обычно наносились на топографические карты масштабов 1:50 000 или 1:25 000. По ним проводились планирование боевых действий и подготовка огня артиллерии, а также давались указания подчиненным войскам, в частности, по обеспечению стыков между частями и подразделениями, так как они всегда были наиболее уязвимыми местами в боевых порядках.

При подготовке наступательных операций большое значение имела проверка правильности отображения на топо-

графических картах расположения позиций, занимаемых нашими войсками, а также начертание переднего края обороны противника. Нередко вследствие сложных условий ориентирования ошибки в нанесении расположения войск достигали 1,5—2 км по глубине, на участках протяженностью до 2—3 км по фронту. Такие ошибки были вскрыты офицерами-топографами, например, при подготовке Кировоградской операции на Правобережной Украины, Балатонской операции в Венгрии, а также на других участках фронта. Уточнение на местности и нанесение на топографические карты расположения войск и занимаемых ими позиций приходилось, как правило, проводить в зоне огневого воздействия противника. Поэтому выполнять эту работу нужно было скрытно, из траншей, часто в темное время суток. В армии были топографы, особенно искусные мастера этого дела, снискавшие большое уважение командиров соединений, частей и подразделений, воинов-пехотинцев и артиллеристов. Командир 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал Афонин называл своего начальника топографической службы капитана К.Д. Гришина “профессором по стыкам”. А “профессор” только в марте 1941 года закончил геодезический факультет Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева, затем проходил службу в одном из геодезических отрядов, а с началом войны был назначен на должность начальника топографической службы дивизии, на которой и отличился.

Начальник топографической службы 62-й гвардейской стрелковой дивизии капитан Руденко, призванный в 1941 году на действительную военную службу, по образованию и опыту работы был инженер-гидромелиоратор. Его хорошо знали и уважали в штабах дивизии и полков, в батальонах и ротах. Руденко трудно было застать в штабе дивизии;

большую часть времени он проводил на переднем крае, где выполнял задания по своей службе, особенно много занимаясь уточнением и нанесением на карты рубежей, позиций, стыков между частями и подразделениями. За успешное выполнение заданий командования капитан Руденко был удостоен нескольких государственных наград. Оборвалась жизнь этого замечательно офицера-топографа в марте 1945 года: он погиб в Венгрии при перемещении штаба дивизии, попав под немецкую пулеметную очередь.

Славными делами зарекомендовал себя в годы войны инженер-майор С.Д. Шумейко. Так, в боях за освобождение Украины один из полков 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, начальником топографической службы которой он был, попал в тяжелое положение. Противник превосходящими силами окружил полк, который удерживал железнодорожную станцию.

Когда обстановка стала особенно серьезной, командир дивизии поставил перед начальником службы задачу: с наступлением темноты вывести полк по полевым дорогам на новые рубежи. Боевая задача была успешно выполнена, а С.Д. Шумейко был удостоен государственной награды.

В целом же в годы Великой Отечественной войны воины-топографы показали себя с самой лучшей стороны, воевали достойно.

А.И. ТЮКОВ

Тюков Алексей Иванович (1919—2011). Окончил ЛВТУ (1939) с отличием, геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1954). Топограф 2-го разряда 17-го топографического отряда БВО (1939—1940), топограф 1-го разряда, старший топограф 30-го топографического отряда ДВО (1940—1942), старший топограф 16-го топографического отряда Западного и 3-го Белорусского фронтов (1943—1945), начальник топографического отделения 16-го топографического отряда (1946—1948), офицер, старший офицер 2-го отдела ВТУ ГШ (1954—1961), начальник отделения кадров (1962—1968), начальник 2-го отдела ВТУ ГШ (1968—1975). Полковник.

ОТ СМОЛЕНЩИНЫ ДО ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Ленинградское военно-топографическое училище я закончил с отличием в 1939 году. Наш курс выпустили досрочно и отправили для дальнейшего прохождения службы в Западную Белоруссию. Но летом следующего года я был переведен на Дальний Восток, где формировался новый 30-й топографический отряд.

Когда началась Великая Отечественная война, мы работали на границе с Маньчжурией, которая была оккупирована Японцами и по существу была плацдармом для нападения на Советский Союз.

Более двух лет я занимался топографическими работами на Дальнем Востоке: проводил мензульную съемку в масштабе 1:25 000 вдоль пограничной реки Уссури; выполнял полевую планово-высотную подготовку аэроснимков в

предгорье Сихотэ-Алиня, необходимую для создания топографической карты масштаба 1:100 000 с помощью фотограмметрических приборов, и др.

В конце 1943 года я был направлен на Западный фронт в район Смоленска и Орши. Военные топографы и геодезисты 16-го моторизированного геодезического отряда, в котором я служил, выполняли задания командования по развитию геодезических и специальных опорных сетей для артиллерии, по привязке огневых позиций и боевых порядков войск, обновлению топографических карт, изготовлению боевых графических документов. Мы уточняли на местности и по картам линию переднего края расположения своих войск, перемещаясь нередко под бомбежкой противника и по минным полям, дешифрировали по аэрофотоснимкам боевые порядки и цели, огневые позиции и различные объекты противника. Приходилось выполнять и другие специальные задания.

Так зимой с 1943 на 1944 год по распоряжению штаба Западного фронта группа офицеров отряда получила задание провести изыскание и съемку выбранных участков местности под полевые аэродромы и посадочные площадки для 5-й воздушной армии (5 ВА). В тот год зима была снежная и морозная. В мирное время на рекогносцировку, выбор площадок для полевого аэродрома, нивелирование пикетов, съемку участка и вычерчивание планшета по инструкции отводилось 15 технико-дней. Нам же срок установили очень жесткий — лишь пять суток. Чтобы справиться с заданием, работать приходилось почти круглосуточно, а спать — не более двух—трех часов. Днем проводились полевые работы, ночью — камеральные. Вместо нивелиров для пикетажа мы применяли обычные кипрегели, используя при этом нивелирные

рейки. Предусмотренная в зимних условиях точность была вполне обеспечена.

Чтобы не мерзли руки, мы отрезали края у рукавиц и перчаток для пальцев, так что холодный металл приборов к рукам не прилипал, а работать с инструментом и карандашом было можно. Иногда брали с собой ведерко с горящими углями и отогревали руки. Несмотря на трудные зимние условия, мы все задания выполняли в срок. Особо отличились на этих работах топографы отделения майора И.Н. Румянцева: старшие лейтенанты А. Русанов, В. Фисуненко, Н. Кононов и А. Петров.

В конце марта 1944 года в отряд пришла телеграмма из штаба фронта: “Срочно направить опытного топографа с инструментом на Юхновский аэродром. Самолет будет у вас через час”. Командир отряда решил отправить меня. К сожалению, никто в отряде не знал, что случилось на аэродроме, какая предстоит работа, какой брать с собой инструмент. На всякий случай, скорее, по интуиции, я взял с собой нивелир с рейкой. Вместе с солдатом моей команды М. Кучеренко на самолете ПО-2 в пургу вылетели в Юхнов. Снегопад был нам на руку, в такое время самолеты противника нас не беспокоили.

Не успел летчик посадить самолет посреди аэродрома, как к нему подбежал молодой майор с Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди. Он довольно резко отдал мне приказание очистить аэродром от воды, отведя на подготовку и собственно работы 30 минут. Как оказалось, это был командир истребительного авиаполка. Я ему предъявил предписание штаба фронта, попросил обеспечить выделение солдат с рейками из батальона аэродромного обслуживания и оказать содействие в выполнении необходимых работ.

Задача была не из простых: на аэродроме из-за оттепели вся взлетная полоса и рулежные дорожки были затоплены водой (до 50 см). Вокруг лежали громадные сугробы талого снега. Солдаты и сержанты копали и раскидывали в стороны снег, но уровень воды оставался неизменным. С большого капитального аэродрома три полка 5 ВА, получившие боевую задачу, взлететь не могли.

Выяснив все это, я немедленно приступил к инструментальному пикетированию аэродрома во всех направлениях по кругу. Привезенный прибор был кстати, ибо в батальоне аэродромного обслуживания нивелиров не оказалось. Там были только нивелирные рейки, их мы и использовали. Мой помощник руководил реечниками, которые, сделав по три круга, давали одни и те же отметки, и только после четвертого круга нивелирная рейка показала отметку на 5 мм выше прежней. Для надежности я сделал еще несколько повторных измерений и, убедившись, куда идет небольшое понижение, дал сигнал к расчистке снега для стока воды.

Через 25 минут работы (я это время хорошо запомнил) командир 1-й эскадрильи, не дожидаясь, пока спадет вся вода — а была она еще по щиколотку — вырулил свой самолет на взлетную полосу и поднялся в воздух, за ним взлетела его эскадрилья, а потом и весь полк. Перед взлетом тот самый командир полка, что так сурово встретил нас на аэродроме, расцеловал и поблагодарил меня, а также моего солдата за оперативное выполнение задания.

Офицеры батальона аэродромного обслуживания накормили нас обедом с фронтовыми 100 граммами. Необычное задание было выполнено в намеченный срок. От начальника топографической службы фронта я получил благодарность.

В дни Великой Победы вспоминается, какая была всеобщая радость, когда мы, наконец, вышли к границе с Германией. Важно отметить, что тогда был издан приказ: мирное население не обижать, за поруганные наши города и села им не мстить, но вооруженного врага бить смело и беспощадно так, как учили до войны — малой кровью и на его территории. Однако малой кровью не всегда получалось, поскольку немцы оборонялись ожесточенно, но мы все-таки с боями продвигались к их логову.

Как-то в Восточной Пруссии я получил приказ вывести ночью штрафную роту на передовую, на исходный рубеж для атаки. Когда я свою задачу выполнил и доложил об этом командиру штрафного батальона в его блиндаже, то там мне бросилось в глаза большое количество ящиков с водкой. Командир невесело ухмыльнулся, поймав мой взгляд, и сказал, что без стакана водки штрафник в атаку даже под угрозой смерти не пойдет. Это была суровая правда войны.

После взятия Кёнигсберга война для нас закончилась.

В День Победы, 9 мая 1945 года, мы салютовали из всех видов оружия, обнимались, целовались, смеялись, плакали, пели и плясали. Но домой, в Россию, мы попали не сразу — наше подразделение направили в Польшу, где в составе топографического отряда, прибывшего из Белорусского военного округа, мы в течение двух лет выполняли рекогносцировку местности, необходимую для обновления устаревших карт.

А.И. ФЕДОРОВ

Федоров Анатолий Иванович (р. 1923). Окончил ЛВТУ (1943), курсы усовершенствования офицерского состава ВТС (1963). Топограф 2-го разряда 32-го моторизованного топографического отряда (1943—1947). Военную службу завершил начальником отделения 38-го аэрофототопографического отряда (1971—1973). С 1978 г. и до начала 2000-х гг. — старший техник-оптик в отделе вооружения ЛВВТКУ. Подполковник.

ТОПОГРАФЫ ПРИ ВЗЯТИИ КЁНИГСБЕРГА

Во время Великой Отечественной войны более двух лет, я был в составе Калининского, а потом 1-го Прибалтийского фронтов, в 32-м моторизованном топографическом отряде (32 мто). Участвовал в освобождении Смоленской и Калининской областей, а также Белоруссии, Литвы, во взятии Восточной Пруссии с ее столицей Кёнигсбергом. Со мною были замечательные офицеры, которые, как и я, служили в отряде и делали посильный вклад в Победу.

Командиром отряда был полковник А.П. Упит, начальником штаба — Ильин-Тихомиров, начальниками отделений майор С.К. Иова и капитан Еременко (к сожалению, отдельные имена и отчества сослуживцев уже забываются).

Со мной тогда служили: А. Александров, А.Д. Бояр, С.С. Горбунов, Гордиенко, Г.И. Иванов, А. Куценко, В.Н. Леанович, Левадовский, Лещинский, Машков, Овсянников, В. Стулов, К. Сухов, А.И. Тимощенко, Ж. Харитонов, Худяков, Шурыгин, Б.К. Шустов.

В июне 1941 года я окончил 341-ю школу в Ленинграде. Когда началась война, поступил в Ленинградское военно-топографическое училище, эвакуированное в Горьковскую область. Окончил его в июле 1943 года в звании лейтенанта. Нас шестерых выпускников направили на Калининский фронт. Это были лейтенанты Ю. Лобашев, В. Комаров, Т. Колмыков, В. Иванов и младший лейтенант И. Воробей и я.

От Москвы до штаба фронта (город Торопец) мы ехали в теплушке. Прибыли ночью. В это время был налет фашистской авиации. Обошлось благополучно. Добрались до топографического отдела, возглавляемого полковником Соколовым.

Вскоре в отдел прибыл командир 32 мто А.П. Упит, который с нами побеседовал, посадил в машину и отвез в отряд. Утром нас вызвал начальник штаба отряда Ильин-Тихомиров и распределил по отделениям.

В августе 1943 года на Калининском фронте стояло затишье. Командование фронта укрепляло тыл, создавало укрепленные районы.

Нашему отряду была поставлена задача осуществить геодезическую привязку ДОТов и ДЗОТов вблизи городов Белого Холм-Жарсковский и Велиж. Одновременно создавались стрелковые карточки, определялись поля невидимости, исправлялись карты.

За боевые заслуги начальник штаба фронта генерал Курасов вручил отряду Красное Знамя и всему личному составу объявил благодарность от имени командующего.

В этот период картографическое отделение обеспечивало разведывательный и оперативный отделы штаба фронта разведкартами, схемами, кодированными картами, макетами местности. Фотограмметрическое отделение занималось де-

шифрированием аэроснимков. Данные вносили на карты и передавали их в оперативный отдел. С самой лучшей стороны здесь проявил себя капитан К. Атаманенко. Он был мастером своего дела.

Вскоре наш фронт переименовали в 1-й Прибалтийский. Ему предстояло участвовать в операции “Багратион”. Наши отделения, по приказу начальника топографического отдела штаба фронта стали передаваться в топографические отделения штабов армий. Отделение, где я служил, было придано 4-й ударной армии и в районе населенных пунктов Городка, Заронова, Седелино, Бурлит и Дретунь приступило к выполнению топографических работ.

Карты были сильно устаревшие, и зачастую командиры рот и батальонов не могли точно определить по карте передний край, особенно в лесисто-болотистой местности. В связи с этим нам была поставлена задача уточнить положение переднего края наших войск и нанести данные на карту. Понятно, что своей работой мы спасали наши подразделения от собственных снарядов и мин.

Летом 1944 года наш фронт прорвал укрепления противника и стал стремительно двигаться по территории Литвы. Но тут едва не случилась беда: карт на районы боевых действий войск стало не хватать. Противник при отходе уничтожил железную дорогу, переломал специальным “плугом”, прикрепленным к паровозу, шпалы, взорвал рельсы.

Меня направили получать карты в Смоленске, которые затем перегрузили в самолет У-2 и в сопровождении старшего лейтенанта Б.К. Шустова доставили в штабы дивизий.

На войне часто приходилось нашим офицерам подходить к заминированным геодезическим пунктам. Был случай

подрыва на мине старшего лейтенанта Кубышкина — был ранен в ногу.

В начале 1945 года наш отряд был передан для топографического обеспечения Землянской группы войск в Восточной Пруссии с передислокацией в небольшой городок Попелькин.

В конце лета фронт готовил наступление на Мемель (Клайпеду). Мне и Б.К. Шустову было приказано сгустить геодезическую сеть для привязки артиллерии в районе Шауляя, где планировалось нанесение главного удара. Немцы, вероятно, предчувствовали это наступление и стягивали войска с других участков фронта. К исходу дня надо было закончить прокладку теодолитного хода, вычислить его и передать координаты артиллеристам для привязки орудий и НП. Примерно в полдень, когда мы стояли на точке, в небе появился немецкий самолет и сбросил бомбы на полевой госпиталь рядом с нами. Погибло много раненых — было прямое попадание в здание.

Передав координаты, мы пошли спать в сарай, недалеко от огневых позиций артиллерии. Знали, что утром начнется артиллерийская подготовка, а затем наступление. Когда проснулись, то удивились, что войск почти не осталось. Оказалось, что ночью командование фронтом подогнало 40 автобатальонов и почти всю войсковую группировку перебросили на Ригу. Это явилось для немцев полной неожиданностью. Они не оказали никакого сопротивления, и город был взят почти без боя.

Одному из топографических отделений отряда было приказано выполнить геодезические работы в 130-м корпусе, занимавшем фронт в районе поселка Фрицен. Требовалось подготовить позиции для ведения огня “Катюшами”. За сутки

до начала операции немцы начали контрнаступление. Оно оказалось настолько неожиданным, что наши войска вынуждены были поспешно отступить, оголив фронт.

Для организации обороны были собраны офицеры штаба корпуса, свою и приданную артиллерию поставили на стрельбу прямой наводкой по двигавшимся на нас немецким танкам. На какое-то время их удалось задержать. Но силы были неравными, и, конечно, танки, в конце концов, нас смяли бы. Положение становилось угрожающим. Спасли ситуацию части 3-й танковой армии, расположенной неподалеку, под высотой 111,1. Положение было восстановлено, но наступление наших войск сорвалось. В тот день мы побывали в настоящем пекле.

В апреле 1945 года наш и соседний 31-й отряд, в котором был и старший лейтенант В.В. Егоров, получили задание на изготовление макета местности в районе Кёнигсберга. Для выполнения задания нам был придан строительный батальон. Карта города была разбита на квадраты. Каждый офицер получил определенный квадрат карты. Солдаты выпиливали по горизонталям слои на фанере и монтировали их на щиты. После монтажа на основе карт воспроизводили населенные пункты, реки, дороги, кирхи и другие объекты местности. На основе разведданных и аэрофотосъемки нанесли передний край, ДОТы, ДЗОТы. Были воспроизведены 33 форта. Изготовленные щиты монтировались на общую основу. Получился огромный наглядный макет Кёнигсберга с пригородами масштаба примерно 1:10 000. После изготовления макета Маршалом Советского Союза А.М. Василевским и генералом армии И.Х. Баграмяном отрабатывался план предстоящей операции с командирами дивизий, полков и отдельно с командирами батальонов. Каждый командир получил задачу на

своем участке. У макета было установлено дежурство офицеров-оперативников. На основе разведданных и аэрофотоснимков круглосуточно отмечались изменения. Эта работа была высоко оценена Маршалом Советского Союза А.М. Василевским. Созданием макета мы внесли свой посильный вклад в операцию по взятию Кёнигсберга.

После этого мы дислоцировались в городе Попелькин. Ночью 8 мая мы проснулись от стрельбы из всех видов оружия. Выбежав на улицу, увидели ликование офицеров и солдат. Нам объявили о конце войны.

С того момента наш 32-й моторизованный топографический отряд перешел на выполнение работ мирного времени. Нас стали готовить к работам по обновлению топографических карт на территориях Польши и Германии.

Б.К. ШУСТОВ

Шустов Борис Константинович (1923—2010). Окончил ЛВТУ (1942), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1957). Топограф 32-го моторизированного топографического отряда (1942—1948). Военную службу завершил преподавателем, старшим преподавателем картографии и фотограмметрии ЛВВТКУ (1957—1973). С 1986 г. до начала 2000-х гг. — преподаватель геодезии и фотограмметрии в Ленинградском (Санкт-Петербургском) техникуме геодезии и картографии. Полковник.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

“Мы помним братство фронтовое,
Как завещание святое,
на всю оставшуюся жизнь…”

Моим “крестным отцом” в военно-топографической карьере был мой школьный товарищ по парте Леонид Филимонов, впоследствии оказавшийся человеком с очень интересной судьбой. Его выбор профессии послужил примером и для меня, когда грянула война, и встал вопрос: “Кем быть?”.

Леня после окончания семилетки поступил в Ленинградский топографический техникум. В 1940 году, когда стало ясно, что война близка, он с группой студентов техникума оказался в Ленинградском военно-топографическом училище (ЛВТУ), где их стали готовить как командиров взводов артиллерийской разведки. В апреле 1942 года состоялся выпуск, и Леонид получил назначение на Карельский фронт. При форсировании реки Вуокса он был тяжело ранен, но по-

сле многомесячного лечения в госпитале вернулся в боевой строй и был назначен командиром стрелковой роты, а на завершающем этапе Великой Отечественной войны командовал стрелковым батальоном.

После войны Леонид окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и был назначен командиром мотострелкового полка в Венгрию. Когда там вспыхнул мятеж, он оказался в гуще событий в Будапеште. Вместе с полком с честью выполнил свой воинский долг.

Затем он был назначен преподавателем топографии в Военно-морское радиотехническое училище (г. Пушкин), где прослужил до ухода на пенсию. Тогда-то мы с ним и встретились снова. Позже Леонид преподавал военную подготовку в ПТУ в Колпино, где и жил. К сожалению, Леня рано ушел из жизни — война и раны не прошли бесследно.

Вместе с ним окончил ЛВТУ Николай Опалихин. Его направили командиром взвода артиллерийской разведки на Юго-Западный фронт под Харьков. Попал в окружение и с боями вышел на реку Дон. В июле 1942 года оказался в Сталинграде, где создавал план города с нанесением на него домов с кирпичными подвалами, пригодными под ДОТы. Был ранен, лежал в госпитале. На Донском фронте занимался нанесением линии переднего края войск противника, участвовал в разведке в его тылу. Участвовал в разгроме Сталинградской группировки немцев, в освобождении Румынии, Венгрии, форсировал Дунай. Войну закончил в Венгрии. С ним мы просидели шесть лет за одним столом, учась в Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева (ВИА).

После окончания училища в октябре 1942 года 15 лейтенантов оказались в 32-м моторизованном топографическом отряде в районе станции Кувшиново Калининской области.

Ранее в него попали еще два выпускника ЛВТУ и два офицера из института, переученные в ВИА в течение нескольких месяцев. Из отряда после окружения под Харьковом уцелело только несколько солдат. Отряд был сформирован заново в Воронеже и состоял, в основном, из местных землемеров. Они прекрасно знали специальность, но оставались по духу и привычкам гражданскими до конца войны.

Через неделю мы с Владимиром Шурыгиным и пятью солдатами были направлены в 43-ю армию, где уже было три офицера-топографа. Здесь началось наше боевое крещение. Нам крепко повезло, что с нами оказались два солдата, воевавших в Первую мировую войну, награжденные Георгиевскими крестами. Они были действительно очень храбрыми, но и заботливыми. Помню их фамилии Турков и Хохлов. Они были ровесниками наших отцов.

Примерно в конце ноября нам с Шурыгиным приказали уточнить передний край одной из дивизий. Мы добросовестно облазали весь передний край. Кое-где он оказался показан на картах неверно, и иногда наша артиллерия била по своим.

Наша работа очень понравилось командиру взвода артиллерийской разведки, который добился, чтобы мы остались в дивизионном артиллерийском полку. Он очень хотел, чтобы мы привязали все НП этого полка, что было очень трудной задачей, но мы ее успешно решили.

К весне мы опять оказались в этом артполку. Немецкие части, расположенные в болотистой местности отошли примерно на 8 км назад. Дивизия с артполком заняли оставленный район и неожиданно оказались в окружении. Это было западнее города Белый. Стояла оттепель, и блиндажи были почти полностью залиты водой. Дневной рацион составлял 40 грамм пшена. Выручили лошади — артполк был тогда на

конной тяге, их всех съели. Работать приходилось среди разрывов мин от шестиствольных немецких минометов. Но и здесь мы выполнили свою задачу по привязке огневых позиций. Эта эпопея продолжалась почти полтора месяца, но все же дивизия вырвалась из окружения. Тогда нам очень помогли наши упомянутые солдаты-отцы. Когда были введены погоны, то они так радовались этому событию, что отдавали честь даже друг другу. Ведь служили-то они когда-то при погонах.

Какое-то время мне пришлось сгущать геодезическую сеть с капитаном Сергеем Жаровым, окончившим академию экстерном за два года. Он многому научил меня. Например, он мог вычислить теодолитный ход “в уме” прямо у теодолита и сразу же выдать координаты. Но он уже побывал до этого в плену, после окружения под Вязьмой, и его почему-то откомандировали в тыл. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Многому научил меня и капитан интендантской службы Андрей Александров. Он был очень грамотным специалистом. Все делал не спеша и хорошо. Будучи по гражданской специальности топографом, он волею судьбы оказался в военном химическом училище и даже окончил его. Оказавшись не нужным как химик, попал в наш отряд. Сначала ему присвоили звание техника-лейтенанта, а с введением погон сделали глупость и присвоили интенданта, что его очень тяготило. Он был честнейшим человеком и хорошим специалистом.

Так же считаю подарком судьбы, что более года нашим командиром был подполковник Андрей Петрович Упит. Это был фанатик-фотограмметрист, он старался привить любовь к этой специальности и нам, молодым офицерам. Его труд не пропал даром. Я, Ростислав Овсянников и Владимир Стулов выбрали эту специальность “на всю оставшуюся жизнь”. Его

боготворили молодые офицеры, но ненавидели некоторые начальники-бездельники, в том числе и замполит. За его принципиальность его оклеветали и сняли с должности, но в Военно-топографическом управлении Генерального штаба разобрались и назначили командиром в другой отряд.

Наверное, самыми тяжелыми моментами на войне были терзающие сердце картины, когда отступающие фашисты выжигали все вокруг. Выходя ночью из землянки, я увидел на западе зарева пожаров, а ведь там были в основном женщины и дети, которые оказывались ночью на морозе. В Белоруссии иногда можно было проехать до 40 километров и не встретить ни одной деревни. Кто мог, рыл землянки и в них жил с детьми. Эти люди всегда радушно принимали нас на ночлег. Если была картошка, то угощали “бульбой”, а иногда и “Марией Демченко” — самогонкой из сахарной свеклы, за что мы делились с ними своими нехитрыми харчами.

В начале 1944 года нам было приказано выполнить топографическую съемку нашей обороны на глубину 2—5 километров в тыл от переднего края в масштабе 1:10 000. Это было необходимо для готовящейся операции “Багратион”, так как наступающие войска сменяли обороняющихся за одни—двое суток до начала наступления, и эта съемка помогала им быстрее подготовиться к началу наступления и проводить оценку оперативной обстановки. Сложной была работа на переднем крае. Иногда приходилось ночью ползком с разведчиками пробираться в боевое охранение, находящееся в 40 метров от немецких траншей, когда хорошо были слышны голоса немцев, и на следующую ночь опять ползком покидать этот участок. Это было в районе восточнее Полоцка. Затем сутками вычерчивали издательские оригиналы на кальке, а картографическое отделение печатало трехцветные

карты. За эту съемку я был представлен к медали “За отвагу”, но в наградном отделе рассудили, что это солдатская медаль и наградили меня орденом Красной Звезды. Этим орденом были награждены тогда лишь несколько офицеров части.

Летом 1944 года войска фронта, прорвав оборону немцев, развили стремительное наступление и двигались по территориям Литвы и Латвии. В середине лета, когда войска 1-го Прибалтийского фронта вышли к Шауляю, начальника топографического отдела полковника Соколова вызвал начальник штаба фронта генерал-полковник Курасов и приказал за 5 часов доставить набор карт для 3-го механизированного корпуса. Выбор пал на меня. За полчаса набрали карты, ткнули цветным карандашом на карте место дислокации корпуса и через 20 минут были на грунтовом аэродроме, где меня “погрузили” в ПО-2 за пилотом и кругом обложили пачками карт — 7000 штук. Полет предстоял за 320 километров. Взлетели ночью в полутьме, я следил за курсом. Летели почти над макушками деревьев. Через 2,5 часа подлетели к Шауляю. Город горел. Как только сели к нам подошел полковник с адъютантом и спросил, что я доставил? “Карты”, — ответил я, и добавил, что мне приказано доложить начальнику штаба корпуса. К нему меня доставили на мотоцикле. После моего доклада генералу, полковник пожал мне руку и поблагодарил. Когда вернулись к самолету, то топограф корпуса уже выгрузил карты, и мы взлетели в обратный путь. Прилетев, сразу пошел спать, но тут меня вызвал начальник топографического отдела и потребовал накладную на сданные карты, которую я не взял. Он испугался, что вдруг я их доставил не туда, и мы оба пойдем в штафбат. Но, связавшись с корпусом, убедился, что все нормально, карты были доставлены по назначению.

Корпус выполнил поставленную задачу, и командующему фронта доставили бутылку воды из Балтийского моря.

Примерно в марте 1945 года с группой офицеров отряда мы попали в очень сложную ситуацию севернее Кёнигсберга, когда немцы опередили наше наступление и за сутки нанесли внезапный удар по нашей группировке. Это привело к дезорганизации на какой-то период наших войск.

Перед штурмом Кёнигсберга отряду было получено создать большой макет города. Рельеф делали из пенопласта. Это была очень масштабная работа, ее высоко оценил Маршал Советского Союза А.М. Василевский, организующий взаимодействие пяти армий, штурмовавших Кёнигсберг.

На завершающем этапе войны мне было приказано подготовить геодезическую основу для привязки Ленинградского железнодорожного морского дивизиона, который при отходе немцев вел огонь по порту Пилау (сейчас Балтийск) на дальность 32 километра, что было по тем временам очень большим расстоянием. И поэтому привязку пришлось жестко контролировать, особенно направление стрельбы, так как одна угловая минута уже давала отклонение девять метров. Работать пришлось двое суток. Огонь орудия дивизиона открыли ранним утром. При выстреле платформы подпрыгивали, хотя они были закреплены на четырех якорях, некоторых матросов сбрасывало с платформ. С окружающих домов слетела вся черепица. Это был последний аккорд войны. Ярко светило солнце, в небе была только наша авиация и авиация союзников и ни одного немецкого самолета.

Иногда спрашивают: “Опасно ли быть топографом на войне?”. Судите сами. Из нас, семерых лейтенантов, летом 1944 года Анатолий Куценко был тяжело ранен в грудь навылет осколками разорвавшегося снаряда. Мы считали его

погибшим. Но в середине 1960-х годов я его встретил на учениях под Львовым. Его “вытянула” медсестра, которая была с ним шесть месяцев. Она стала его женой. Иван Кубышкин в этом же году наступил на противопехотную мину. Оторвало пятку. С этой раной жил 42 года.

Для съемки переднего края в одно из боевых охранений меня сопровождал санинструктор. Он раньше меня высунулся из-за сосны и получил мою пулю от немецкого снайпера. Так что, может быть я живу “за того парня”.

Помню было ликование 8 мая по случаю окончания этой жестокой войны. Все выбежали с оружием на улицу и расстреляли все патроны. Утром, когда спохватились, в части не оказалось ни одного патрона.

Наверно главным итогом той войны стало то, что людям, хватившим лиха на ней, она так осточертела, что они, почти полстолетия “гнали” ее с нашей земли, а она “ходила” за нашими границами. Потом забыли об этом, и она пришла к нам, в наш дом.

После окончания войны я участвовал работе по обновлению карт масштаба 1:50 000 на территориях Польши и Германии. Мною было обновлено и снято примерно 30 кв. км. В целом же в период с октября 1942 года по май 1945 года мною с Володей Шурыгиным, Андреем Александровым, Толей Федоровым и Сергеем Жаровым было проложено и вычислено примерно 500 км теодолитных ходов.

В.Н. СОРОКИН

Сорокин Виктор Никифорович (1910—19??). Окончил геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1932). Картограф Московской картографической части (1932—1935). В запасе (1935—1941). Помощник начальника отделения Тбилисской картографической части (1941), начальник отделения 14-го топографического отряда Закавказского фронта (1941—1942), помощник начальника 2-го отделения отдела ВТС штаба Крымского фронта, начальник части спецснабжения топографического отдела штаба Северо-Кавказского фронта (1942), начальник топографического отделения штаба 57-й армии (1942—1943), штаба 68-й армии (1943), штаба 5-й армии (1943—1944), топографического отдела штаба 8-й гвардейской армии (1944—1945). Военную службу завершил старшим преподавателем кафедры военной топографии ВА им. М.В. Фрунзе (1945—1959). Кандидат военных наук, доцент. Полковник.

ОТ СТАЛИНГРАДА ДО БЕРЛИНА

С первых дней моей службы в должности начальника топографического отдела штаба 57-й армии Сталинградского фронта мне пришлось немало потрудиться по обеспечению войск картами. Войска в них очень нуждались — готовилось мощное контрнаступление. В это время стали поступать новые карты масштаба 1:50 000, а устаревшие карты масштаба 1:100 000 изымались из пользования.

Во время подготовки контрнаступления 57-й армии было придано отделение топографического отряда. Молодые офицеры-топографы работали безупречно: они быстро сгустили опорную сеть, привязали боевые порядки артиллерии,

уточнили положение переднего края нашей обороны. Одновременно велось дешифрирование аэроснимков и фотосхем. Разведывательные схемы, размноженные на гектографе, мы доводили до командиров стрелковых полков и артиллерийских дивизионов.

23 ноября 1942 года передовые части 57-й армии соединились с войсками Донского фронта и замкнули кольцо окружения противника. Начались упорные кровопролитные бои по уничтожению окруженной группировки. В этих условиях топографы часто привлекались к ведению разведки.

Однажды мне была поручена разведка в направлении Абганерово — Котельниково. Это было трудное задание. Выехал ночью на “полуторке” с двумя автоматчиками. Стоял 30-градусный мороз с ветерком. Ориентиров было мало, а дорожная сеть совершенно не соответствовала карте — войска проложили множество колонных путей во всех направлениях. Часто останавливались, чтобы свериться по компасу. Изредка удавалось установить элементы точного ориентирования при пересечении оврагов и балок. У железной дороги я встретил саперов, минировавших переезд. Где находится противник, они не знали. Невдалеке в балке я заметил несколько “Студебеккеров” и “Виллисов”. Это и был штаб соседней армии. Я подробно нанес на карту обстановку, узнал план перемещения командного пункта и к вечеру возвратился в свой штаб. Я вернулся раньше других, направленных в разведку офицеров, и поэтому доставленные мною сведения были особенно ценны.

После Сталинградской битвы я был назначен начальником топографического отделения в штабе 68-й армии, которая летом 1943 года участвовала в Смоленской операции на Западном фронте. К тому времени мы уже получили картоиз-

дательскую машину АКА-43 и работали на ней круглосуточно: печатали разведсхемы, планы населенных пунктов, инструкции по разминированию, листовки политотдела.

Приданное армии топографическое отделение 31-го моторизованного топографического отряда работало на совесть. Капитан Н.П. Закуваев со своими топографами всегда следовал в боевых порядках артиллерии и успевал вовремя обеспечивать топографическую привязку батарей. Топографы часто работали под огнем и несли потери.

В Белорусской операции 1944 года я служил в штабе 5-й армии 3-го Белорусского фронта. Военно-топографическая служба армии к этому времени выросла во всех отношениях, накопился богатый опыт, большое внимание стало обращаться на топографическую подготовку офицеров и сержантов в части боевого использования карты и ориентирования в лесисто-болотистой местности.

Вскоре я был переведен в штаб 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта. К началу Висло-Одерской операции войска армии были хорошо обеспечены картами и дополнительно разведсхемами, картой условий наблюдения и танковой картой. Была проведена привязка боевых порядков артиллерии, для командования армии изготовлен макет местности на участок прорыва. В ходе наступления карты в войска доставлялись на самолетах связи.

Наша армия форсировала Одер и закрепилась на Кюстринском плацдарме. Подготовке дальнейшего наступления на Берлин и сосредоточению войск на плацдарме мешала крепость Кюстрин. Она была оснащена мощными огневыми средствами и окружена водными преградами. Реки Варта и Одер вышли из берегов и затопили местность на десяток километров вокруг. Все это значительно затрудняло действия

наших наступающих войск и потребовало тщательного топографического обеспечения. В результате всесторонней подготовки войска армии штурмом овладели крепостью. На фотографии крепости Кюстрин были ясно видны препятствия, которые пришлось преодолеть нашим войскам.

Топографическое обеспечение Берлинской операции мы начали сразу после форсирования Одера. Снабжение войск армии картами было организовано хорошо. На район Берлина и западнее войска имели карты всех масштабов, а вскоре был получен план города в масштабах 1:25 000 и 1:15 000. К сожалению, не было карты масштаба 1:25 000 на район плацдарма, а такая карта была необходима, особенно артиллеристам. На район плацдарма от Одера до Зееловских высот эту карту мы составили по трофейным материалам и отпечатали силами фронта 500 экземпляров.

Большим спросом пользовалась однокрасочная бланковая “увеличка” масштаба 1:25 000 — оборона противника на Зееловских высотах была столь насыщена огневыми точками, инженерными сооружениями и заграждениями, что изобразить ее с достаточной полнотой можно было только на такой карте.

На командном пункте армий военные топографы создали огромный макет местности, искусно изготовив из речного песка рельеф. Макеты местности на участки прорыва на всю тактическую глубину обороны противника были в каждой армии и дивизии. На макет наносились оперативно-тактическая обстановка и задачи войск. Командующий армией отрабатывал на нем взаимодействие наступающих войск с командирами соединений, а командиры дивизий — с командирами полков.

На наблюдательном пункте армии военные топографы изготовили отличную панораму местности и составили схему ориентиров.

Военно-топографическая служба 1-го Белорусского фронта изготовила уникальный рельефный план Берлина в масштабе 1:15 000. При создании макетов городских кварталов, фабрик, мостов, отдельных крупных зданий — для большей наглядности отображения характера берлинской застройки — были использованы художественные открытки, рисунки и фотоснимки. Рельефный план Берлина хорошо сохранился и ныне экспонируется в Музее Вооруженных Сил Российской Федерации.

Перед наступлением еще раз проверили обеспеченность картами командиров взводов. Все было в полном порядке. Но командующий армией приказал дополнительно обеспечить офицеров картой-“увеличкой” масштаба 1:25 000. Эти карты были срочно изготовлены силами топографической службы фронта.

На рассвете 16 апреля 1945 года десятки тысяч орудий и минометов обрушили огненный вал на фашистские позиции. Лучи сотен прожекторов осветили стену дыма, пыли, огня и обломков, поднявшиеся над первой позицией противника. 8-я гвардейская армия пошла в атаку!

2 мая 1945 года мне удалось с самолета ПО-2 сфотографировать горящий рейхстаг.

Г.А. СЕЛИВАНОВ

Селиванов Геннадий Александрович (1911—2000). Окончил Костромской землеустроительный техникум (1931), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1941). Командир саперного взвода 23-го отдельного тяжелого инженерно-механизированного батальона МВО (1933—1936), инженер Рижской картографической части (1941), помощник начальника и начальник 3-го отделения отдела ВТС штаба Северо-Западного фронта (1941—1942), начальник топографического отделения оперативного отдела штаба 10-й резервной армии (1942), начальник топографического отделения (1942—1944), топографического отдела (1944—1945) штаба 5-й ударной армии Сталинградского, Юго-Западного, Южного, 3-го Украинского, 1-го Белорусского фронтов, Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ), и.о. начальника Топографической службы Берлина (1945). 8 мая 1945 г. присутствовал в г. Карлсхорсте (пригород Берлина) при подписании Акта о безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии. Начальник военно-топографического отдела штаба 3-й ударной армии ГСОВГ (1946—1949), начальник топографического отдела штаба 7-й гвардейской армии ЗакВО (1949—1953), старший офицер топографической службы оперативного управления штаба Воздушно-десантной армии (1953-1955), старший офицер 4-го отдела ВТУ ГШ (1955—1970). Полковник.

ВОЙНА ПРИШЛА В БЕРЛИН

Тяжелы были дороги войны. Но с самого ее начала мы верили в нашу победу. Не стираются из памяти горькие месяцы 1941 года, когда мне, недавнему выпускнику геодезического факультета Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева, пришлось участвовать в эвакуации Рижской картографической части под бомбежками и артиллерийским

обстрелом врага. Затем была служба в топографическом отделе штаба Севера-Западного фронта, где я выполнял задания командования по топографическому обеспечению оборонительных сражений войск 11-й, 27-й и 34-й армий и Новгородской армейской группы.

В 1942 году я был очень обижен переводом меня на “тыловую” работу в качестве начальника топографической службы 10-й резервной армии (10 РА), формировавшейся в районах Иванова, Ярославля, Костромы. Подал, помнится, рапорт о посылке на фронт, но из Военно-топографического управления Генерального штаба получил отказ с припиской: “Потерпи, еще успеешь”.

И успел-таки: в сентябре 1942 года наша 10 РА была переброшена в район Камышина, севернее Сталинграда. Там она была преобразована в 5-ю ударную армию (5 УдА) и введена в состав Сталинградского фронта. В то время гитлеровский фельдмаршал Манштейн собирал мощный танковый кулак, которым он намеревался из районов Тормосин и Котельниково прорвать кольцо окружения вокруг 330-тысячной армии Паулюса. Об этих кровопролитных боях, как и о последующих сражениях 5 УдА под Таганрогом, на Никопольском плацдарме на Днепре, в Ясско-Кишиневской и Висло-Одерской операциях можно было бы написать многое. Но в одной статье всего не рассказать. Поэтому хочу поделиться некоторыми воспоминаниями об участии военных топографов в завершавшей войну Берлинской операции.

Был конец января 1945 года. Завершалась крупнейшая Висло-Одерская наступательная операция советских войск. 5 УдА, действовавшая на направлении главного удара 1-го Белорусского фронта, пройдя с боями за 17 суток свыше 500 км, 31 января по льду форсировала последнюю крупную водную

преграду — реку Одер — и захватила плацдарм в районе Кюстрина. До Берлина оставалось совсем немного: по прямой около 60 км! “Вот и вернулась война туда, откуда четыре года назад она вышла!” — говорили наши солдаты.

Советские войска приступили к подготовке последнего решающего штурма “логова фашизма”. Ближе к Одеру подтягивались тылы, подходили эшелоны с новой боевой техникой, боеприпасами, людьми. Вдоль дорог к Одеру, на переправах и плацдармах всюду стояли дорожные указатели, вроде “До Берлина 60 км. От Москвы 1820 км”. Усиленно готовились и топографическая служба 1-го Белорусского фронта (начальник полковник В.М. Терещенко), а также топографические службы входивших в его состав 3-й, 8-й гвардейской, 33-й, 47-й, 61-й общевойсковых, 3-й и 5-й ударных, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий.

В нашей 5 УдА в первую очередь был создан достаточный запас топографических карт всех масштабов. Войсковых командиров и штабных офицеров тогда особенно радовала карта масштаба 1:50 000 на район Берлина, недавно обновленная по аэрофотоснимкам и прекрасно изданная. Она отображала все важные в оперативно-тактическом отношении детали местности. Такая карта служила надежным средством управления войсками при ведении боевых действий на дальних и ближних подступах к Берлину. Запасы карт были созданы также во всех корпусах, дивизиях и частях. Вообще перед Берлинской операцией в отношении обеспечения войск топографическими картами не было никаких проблем. Центральный склад карт был выдвинут в район Познани, фронтовой склад приближен к армиям главного направления фронта. Для срочной допечатки карт на отдельные районы в распоряжении топографического отдела штаба 1-го Белорус-

ского фронта имелась местная литография в городе Бромберге.

Еще в период форсирования Одера вместе с передовыми частями 5 УдА на Кюстринский плацдарм переправились подразделения 36-го моторизованного топографического отряда (мто). Там военные топографы тщательно обследовали состояние геодезических пунктов, определили сотни новых, доведя их среднюю плотность до двух-трех пунктов на 1 кв. км в позиционных районах артиллерийских частей, провели контрольные привязки огневых позиций, командно-наблюдательных пунктов, постов артиллерийской инструментальной разведки практически всех артиллерийских частей, а также засекли множество важных целей на Зееловских высотах, по которым проходила главная полоса обороны противника. Этот большой труд 36 мто, которым тогда командовал подполковник Н.Н. Райский, оказал неоценимую помощь штатной и приданной артиллерии 5 УдА. Последующие артиллерийская подготовка и огневое сопровождение нашей пехоты и танков при прорыве Зееловского рубежа были весьма эффективными. И вполне заслуженно 36 мто тогда был награжден боевым орденом Красной Звезды.

К штурму Берлина в 5 УдА готовились все соединения и части. Ее наступление поддерживали многие авиационные, артиллерийские, инженерные соединения и части. Все они с самого начала операции должны были четко взаимодействовать между собой. С этой целью в армии и в соединениях первого эшелона войсковыми топографами были изготовлены макеты местности на их участки прорыва. Силами топографического отдела штаба армии на правом берегу Одера был создан макет участка прорыва 5 УдА. Этот макет имел, если можно так сказать, большой “коэффициент полезного

действия”. На нем постоянно проводились какие-либо оперативно-тактические занятия. Незадолго до начала операции командующий армией провел на макете военную игру с командным составом армии и соединений, в ходе которой отрабатывались различные варианты прорыва через Зееловский рубеж обороны и возникающие при этом вопросы боевого взаимодействия всех родов войск на разных этапах боя.

Накануне операции на командном пункте 5 УдА из топографического отдела штаба фронта доставили сборно-разборный рельефный макет Берлина масштабе 1:15 000. Это было подлинное произведение искусства военных топографов фронта. Заместитель начальника топографического отдела подполковник А.Л. Старосельский ознакомил по этому макету командный состав армии с характером застройки Берлина, важнейшими его объектами, с условиями ведения в городе боевых действий. Помнится, это занятие вызвало у боевых командиров большой интерес. А.Л. Старосельскому и мне было задано много разных вопросов: о ширине улиц, высоте зданий, о степени разрушений в городе, о расположении станций метро, линий “наземного транспорта”, шлюзов на Шпрее и т. п.

Напряженно готовились к боям и командиры подразделений. Командиры рот, батарей, батальонов и дивизионов тщательно изучали местность и противостоящего противника. Для этого топографический отдел штаба 5 УдА своевременно довел до них подробнейшие разведывательные карты, составленные фронтовой топографической службой. По крупномасштабным аэрофотоснимкам фронтовые топографы-дешифрировщики сумели вскрыть всю систему огня и инженерных заграждений противника на рубеже Зееловских

высот, на внешних и внутренних оборонительных обводах Берлина.

Командиры всех частей и подразделений были обеспечены также добротным планом Берлина, изданного в масштабе 1:15 000. Имея при себе подробнейший и точный план с названиями улиц и площадей, с занумерованными кварталами и важнейшими объектами Берлина, командиры наших штурмовых отрядов и групп могли легко ориентироваться в разрушенном и горящем городе, управлять своими подразделениями, поддерживать взаимодействие с соседними штурмовыми отрядами, с авиационными и артиллерийскими частями. В то же время план Берлина служил отличной основой для определения координат целей и для привязки орудий и минометов при стрельбе с закрытых позиций.

Мы знали, что план Берлина составили ленинградские картографы еще в блокадном Ленинграде. Не символична ли такая связь важнейших событий Великой Отечественной войны? Советские люди не только не сдали врагу героический город — они твердо были уверены в грядущей победе в Берлине.

Наступило утро 16 апреля 1945 года. Началась мощнейшая артиллерийская подготовка. Фашисты сопротивлялись, но войска 5 УдА упорно пробивались к Берлину. Слева вела бои 8-я гвардейская армия генерала В.И. Чуйкова, под командованием которого эта армия (тогда 62-я) в 1942 году героически защищала Сталинград. Справа сражалась 3-я ударная армия под командованием генерала В.И. Кузнецова.

20 апреля артиллерийские части 1-го Белорусского фронта, сопровождаемые военными топографами, произвели первые залпы по Берлину. 21 апреля был прорван внешний оборонительный обвод, завязались ожесточенные бои в горо-

де. 24 апреля части 5 УдА овладели Трептов-парком, а на следующее утро — Силезским вокзалом. 28 апреля разгорелись бои за “квартал гестапо”, а 30 апреля наши части пробились к Бранденбургским воротам — месту традиционных военных парадов гитлеровской Германии. Воинам соседней 3-й ударной армии посчастливилось 1 мая захватить рейхстаг и водрузить на нем Знамя Победы. 2 мая фашистский гарнизон Берлина капитулировал.

7 мая я был вызван к командарму генералу Н.Э. Берзарину. Он поставил группе офицеров штаба армии, в числе которых был и я, несколько необычную задачу: обеспечить встречу и охрану прибывающих 8 мая в Берлин делегаций наших тогдашних союзников по антигитлеровской коалиции для подписания Акта о безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии.

Несколькими днями позже, когда отгремели многочисленные (из всех видов оружия) победные салюты, командарм поставил мне другую, уже “топографическую” задачу. Необходимо было организовать составление в короткий срок плана разрушенного Берлина.

“Этот план, — сказал генерал Н.Э. Берзарин,— надо изготовить в двух экземплярах: для Верховного Главнокомандующего и начальника Генерального штаба”.

Для выполнения этого задания в мое распоряжение на десять дней были выделены 40 топографов и столько же автомобилей “Виллис”. Это позволило быстро обследовать весь город и внести исправления в ранее изданный план. Изготовленные планы мне и довелось доставить самолетом в Москву, где я представил их заместителю начальника Генерального штаба генералу С.М. Штеменко.

После возвращения из Москвы я выполнил еще одно необычное задание коменданта Большого Берлина нашего командарма генерала Н.Э. Берзарина. На этот раз на военных топографов была возложена задача провести демаркацию границ секторов Берлина, в которые предстоял ввод войск союзников в соответствии с решением Ялтинской конференции 1945 года. Это была последняя наша работа на еще не полностью расчищенных улицах Берлина, где советские воины принесли нашей Родине Великую Победу.

В.И. КАЗАКОВ

Казаков Валентин Иванович (1922—1999). Окончил ЛВТУ (1942), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1955). Топограф 2-го разряда 36-го моторизированного топографического отряда (1942—1944), топограф 323-й стрелковой дивизии 35-го стрелкового корпуса (1944—1945). Военную службу завершил старшим научным сотрудником 29 НИИ МО (1955—1962), преподавателем (1962—1971) и начальником (1971—1982) кафедры топогеодезического обеспечения войск в ВИА им. В.В. Куйбышева. Кандидат технических наук, доцент. Полковник.

НА ПУТИ В БЕРЛИН

Наступил 1945 год. Германский фашизм под сокрушительными ударами советских войск оказался на краю пропасти. Но гитлеровская верхушка еще надеялась спастись. Она проводила одну за другой “тотальные” мобилизации, пытаясь восполнить огромные потери войск на восточном фронте.

Советское Верховное Главнокомандование планировало провести в 1945 году серию крупных наступательных операций и добиться окончательного разгрома фашистской Германии. Поистине беспримерными по размаху и мощи явились операции — Восточно-Прусская, Висло-Одерская и Берлинская, операции по освобождению Венгрии, Австрии, Чехословакии и Югославии.

Висло-Одерская наступательная операция 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов готовилась тщательно. Их главные группировки были сосредоточены на Магнушевском, Пулавском и Сандомирском плацдармах. Эти плацдар-

мы были хорошо подготовлены отрядами подполковника Н.Н. Райского и полковника А.М. Петрова в геодезическом отношении, что дало возможность провести точную топографическую привязку сотен батарей. Плотность артиллерии на плацдармах составляла более 250 стволов на каждый километр участка прорыва фронта обороны. В отдельных районах фронтовые топографы развивали геодезические сети плотностью до 30—40 пунктов на 1 кв. км. Такая плотность позволяла артиллеристам устанавливать главные орудия батарей непосредственно на геодезическом пункте, который имел точные координаты. Это давало возможность значительно сократить время привязки батарей, что в свою очередь обеспечивало надежную маскировку артиллерийских частей, которые могли занимать свои огневые позиции непосредственно перед артподготовкой. Отряды Н.Н. Райского и А.М. Петрова одновременно привязывали наблюдательные пункты артиллерийских командиров, посты звуковой и оптической разведки, определяли координаты важнейших целей врага. Дешифровщики определили по аэрофотоснимкам скрытые огневые точки противника — противотанковые орудия и пулеметы, расположенные за обратными скатами высот, которые не просматривались нашими наблюдателями. Эти огневые точки-засады предназначались для внезапного поражения наших пехотинцев и танкистов. По косвенным признакам были опознаны и некоторые минные поля. Всего специалисты дешифрирования фронтов вскрыли по аэрофотоснимкам семь оборонительных рубежей противника, десятки городов-крепостей и два укрепленных района.

При подготовке наступательных операций обработка материалов аэрофотосъемки приобретала исключительно важное значение. Так, если за первый год войны всеми фрон-

тами было обработано около 30 тыс. аэрофотоснимков, то в одной лишь Белорусской операции их было дешифрировано около 24 тыс., а в Сандомирско-Силезской операции — около 30 тыс. Наряду с возрастанием количества дешифрированных аэрофотоснимков увеличилась и степень их использования для обновления карт, планов населенных пунктов и описаний местности.

Наступление еще не началось, а во фронтовые склады уже начали поступать обновленные топографические карты на рубеж реки Одер, на районы городов Берлин, Дрезден, Прага и др.

К началу операции поездом-литографией и картографическим отделением фронтового отряда было издано и разослано в войска в общей сложности около 500 тыс. экземпляров бланковых, кодированных, разведывательных карт и планов таких крупных городов, как Варшава, Лодзь, Тори, Познань, Бреслау, Ченстохов, Катовице, Краков.

Пользуясь подробной разведывательной картой, танкисты 1-й гвардейской танковой армии ворвались в Мезеритский укрепрайон противника, прикрывавший германско-польскую границу западнее города Познань, и свободно ориентируясь ночью среди множества дотов и противотанковых заграждений, точно обозначенных на разведывательной карте, прорвали оборону, вышли в тыл противника и захватили плацдарм на Одере. Овладение таким мощным укрепленным районом обеспечило быстрый выход главных сил 1-го Белорусского фронта на реку Одер — последнюю крупную водную преграду.

Весенняя распутица не позволяла самолетам приземляться на раскисшие грунтовые аэродромы. Топографы должны были найти для авиации надежные посадочные пло-

щадки. Так, для истребительной дивизии трижды Героя Советского Союза полковника А.И. Покрышкина в качестве взлетно-посадочной полосы был найден прямолинейный и горизонтальный участок автострады Берлин — Бреслау. С этого “аэродрома” летчики сделали тысячи самолетовылетов для прикрытия своих войск.

Проведение Восточно-Прусской операции привело к разгрому крупной вражеской группировки. Сражения в Восточной Пруссии были чрезвычайно тяжелыми и кровопролитными. При подготовке и в ходе операции большую работу проделала топографическая служба (начальник полковник В.А. Васильев). Фронтовой моторизованный топографический отряд подполковника Д.Д. Соседова сгущал геодезические сети на участках прорыва обороны противника.

Особое значение придавалось точной топографической привязке фронтовых и армейских артиллерийских групп дальнего действия и разрушения, предназначенных для уничтожения мощных фортов, штабов и дальнобойной артиллерии противника. Общая плотность артиллерии достигала 300 стволов на каждый километр участка прорыва фронта обороны. Поэтому, кроме обычной работы, топографам приходилось еще эталонировать сотни артиллерийских буссолей. Топографов не хватало. Для тех частей, которых они не успевали обеспечивать, фронтовые картографы составили и размножили артиллерийские карты с геодезическими и магнитометрическими данными. Эта работа велась в ходе ожесточенных боев, когда любая неточность или малейшее промедление в подготовке исходных геодезических данных обходилась нам очень дорого. Наша артиллерия большой мощности прямыми попаданиями разрушала железобетонные доты под

Летценом, крепостные форты Кенигсберга, подземные казематы Пиллау.

Нередко топографы находились в непосредственной близости от переднего края обороны противника, определяя точные координаты дотов, преграждавших путь нашим частям. За успешное выполнение заданий командования отряд подполковника Д.Д. Соседова был награжден орденом Красной Звезды, начальник штаба отряда майор Н.П. Закуваев удостоен ордена Отечественной войны II степени. Награждена была также большая группа фронтовых специалистов по дешифрированию, которая вскрыла по аэрофотоснимкам глубоко эшелонированную систему обороны немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии и непосредственно на подступах к Кенигсбергу.

Главная цель Берлинской операции состояла в том, чтобы победоносно завершить Великую Отечественную войну в Европе. Берлин был хорошо укреплен: три оборонительных полосы, до предела насыщенных войсками, еще три кольцевых обвода Берлинского оборонительного района, а затем девять секторов обороны внутри Берлина. Каждый дом, населенный пункт гитлеровцы превратили в крепость. Шлюзы реки Шпреи, многочисленных каналов и берлинского метро были заминированы и подготовлены к затоплению местности.

Чтобы прорвать мощную оборону противника, необходимо было тщательно планировать операцию, нужен был великий ратный труд советского солдата, умение послать каждый снаряд и бомбу точно в цель. И все это требовало всестороннего обеспечения: инженерного, тылового, топографического и др. Топографическая служба 1-го Белорусского фронта (начальник полковник В.Я. Терещенко) начала подго-

товку топографического обеспечения Берлинской операции еще в ходе наступления к Одеру, используя с этой целью штатную и трофейную технику. Отпечатанные карты отправлялись в войска, сражавшиеся на подступах к Берлину. Кроме того, в феврале в Польше Военно-топографическим управлением Генерального штаба был развернут филиал Центральной базы карт, который позволял пополнять фронтовые запасы карт из склада, находившегося на расстоянии всего 100—150 км от войск.

С выходом войск к Одерско-Нейссенскому рубежу топографические службы 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов сумели развить геодезические сети по переднему краю войск на глубину боевых порядков артиллерии. Особо плотные сети (два—три геодезических пункта на 1 кв. км) были развиты отрядом Н.Н. Райского на Кюстринском и Франкфуртском плацдармах. Тщательно был подготовлен в геодезическом отношении и участок 1-го Украинского фронта от Форста до Мускау.

Большую подготовительную работу проделали и специалисты дешифрирования обоих фронтов. Фотограмметрическая группа 1-го Белорусского фронта, обработав около 6 тыс. аэрофотоснимков, вскрыла систему немецкой обороны между Одером и Берлином. Фотограмметрическая группа 1-го Украинского фронта обнаружила и определила координаты свыше 22 тыс. различных объектов противника. Этой же группой были установлены слабые места в обороне гитлеровцев. Эти данные были учтены командованием фронта. Для более качественной организации боевых действий топографами 1-го Белорусского фронта был изготовлен рельефный макет Берлина размером 2х2,5 м. Он получил высокую оценку Маршала Советского Союза Г.К. Жукова и широко

использовался в командно-штабных учениях по захвату Берлина. Командующие армиями и командиры корпусов отрабатывали на нем вопросы взаимодействия войск при ведении уличных боев. Рельефный план Берлина ныне хранится в Музее Вооруженных Сил Российской Федерации.

Большой объем работ выполнил поезд-литография 1-го Украинского фронта. Около 200 тыс. разведывательных, бланковых исправленных и обновленных карт, планов крупных городов и других боевых графических документов было отпечатано этой частью. Усиленно готовились к завершающей операции и войсковые топографы. Во всех дивизиях первого эшелона, особенно находившихся на направлениях главных ударов, были изготовлены макеты местности на участки прорыва. Так, на макете, выполненном в 323-й стрелковой дивизии 33-й армии, помимо местности были наглядно отображены мостовые, паромные и ложные переправы через реку Одер, исходные районы для наступления, позиции обороны противника, огневые средства, минные поля и другие противотанковые заграждения.

Перед рассветом 16 апреля грохот тысяч орудий и минометов возвестил о начале генерального наступления на Берлин. Озарилась вся приодерская местность. В предрассветное небо взвились ракеты. По этому сигналу вспыхнули свыше 140 зенитных прожекторов. Непроницаемая стена пыли и дыма повисла в воздухе.

Наши летчики в берлинском небе вели упорные воздушные бои. 20 апреля передовые артиллерийские части 3-й ударной армии нанесли первые залпы по Берлину. Начался героический штурм логова фашизма. Полетели первые снаряды с надписями “За Родину!”, “От сталинградцев Гитлеру!”. Война пришла в столицу гитлеровской Германии.

26 апреля сомкнулось кольцо окружения вокруг Берлина. Гитлеровское руководство всеми силами пыталось удержать последнюю свою крепость — Берлин. Бои в городе шли не только за квартал или улицу, а за каждый дом и этаж. Боевые действия штурмовых групп были обеспечены точными планами Берлина, изготовленными топографами фронтов. На этих планах с помощью аэрофотоснимков и трофейных материалов были показаны улицы и переулки, мосты через реки и каналы, станции метро, места разрушений и завалов, а также рейхстаг, имперская канцелярия, вокзалы, городские аэродромы и т. п. Этот подробный план Берлина был у каждого командира части и подразделения, его имели летчики. Он помогал находить кратчайшие пути к объектам захвата, определять точные координаты вражеских целей, обеспечивать точные удары штурмовой авиации и даже вести бой в тоннелях берлинского метро.

30 апреля над рейхстагом гордо взвилось Знамя Победы. Командующий 5-й ударной армией генерал Н.Э. Берзарин был назначен первым комендантом Берлина. Начальником топографической службы города был назначен подполковник Г.А. Селиванов. Помимо обеспечения войск топографическими картами он занимался вопросами топографического обеспечения налаживания разрушенного городского хозяйства в Берлине. Ему помогали топографы отряда Н.Н. Райского и геодезисты отряда А.М. Петрова.

В полночь с 8 на 9 мая 1945 года в пригороде Берлина Карлхорсте Маршал Советского Союза Г.К. Жуков по поручению Советского правительства подписал Акт о безоговорочной капитуляции вермахта. Весть об окончании войны молниеносно донеслась до самых удаленных уголков нашей

Родины. С великой радостью встретил советский народ весть о взятии Берлина.

Орудийным громом салютовала Москва доблестным войскам Красной Армии. Люди плакали от счастья, что увидели светлый День Победы, и грустили о тех, кто ценой своей жизни приблизил этот день.

Не дожили до Дня Победы начальник топографической службы 3-й гвардейской танковой армии подполковник А.Ф. Хоменко, погибший в последних числах апреля в боях за Берлин, топограф отряда Н.Н. Райского старший лейтенант В.С. Тележников, погибший под Берлином 2 мая 1945 года и др. Многие топографы и геодезисты не вернулись домой, не дождались их родные и близкие. Но в немалой степени благодаря им была достигнута Победа.

В.Я. ТЕРЕЩЕНКО

Терещенко Василий Яковлевич (1901—19??). Окончил Киевскую артиллерийскую школу (1926), курсы усовершенствования командного состава при 4-м разведывательном управлении штаба РККА (1930), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1936). Командир взвода артиллерийского полка 99-й стрелковой дивизии (1926—1928), помощник командира батареи артиллерийского полка 14-го стрелкового корпуса Украинского ВО (1928—1930), курсовой командир Одесской артиллерийской школы (1930—1931), командир фототеодолитного отделения (1936—1937), и.д. командира 3-го моторизированного топографического отряда КВО (1937—1938), начальник штаба 32-го топографического отряда КВО (1938), начальник 5-го отделения 7-го отдела ГШ РККА (1938—1939), начальник курсов усовершенствования начальствующего состава при ЛВТУ (1939—1941), начальник отдела ВТС штаба Южного фронта (1941—1942), начальник топографического отдела полевого управления штаба Северо-Кавказского фронта (1942—1943), штаба Центрального, Белорусского фронтов (1943—1944), 1-го Белорусского фронта (1944—1945), начальник топографического отдела штаба ГСОВГ (1945—1949), начальник топографического отдела штаба КВО (1949—1958). Полковник.

В ШТУРМЕ БЕРЛИНА

С захватом плацдармов на западном берегу Одера были созданы благоприятные условия для штурма Берлина войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов.

Еще шли бои за овладение крепостью Кюстрин, а в штабе 1-го Белорусского фронта разрабатывалась и планировалась завершающая наступательная операция Великой Отечественной войны — Берлинская операция.

В подготовительный период этой операции топографическая служба фронта организовала и осуществила топографическое обеспечение предстоящих боевых действий войск. По объему и содержанию эта работа значительно превышала все предшествующие. Войска фронта уже были обеспечены топографическими картами всех масштабов на территорию до рубежа реки Эльбы, дополнительно войскам было выдано в соответствии с уточненными боевыми задачами еще более миллиона листов карт. Они получили и план Берлина.

Силами 36-го моторизованного топографического отряда и артиллерийских разведдивизионов была создана опорная геодезическая сеть на фронте протяженностью 130 км. Артиллерийские части были обеспечены списками координат геодезических пунктов.

Картографическое отделение отряда выполнило большой объем работ по размножению боевых графических документов и печати недостающих листов топографических карт.

В подготовительный период, а также в ходе наступательной операции фотограмметрическая группа отряда дешифрировала аэроснимки и изготовляла разведывательные карты.

Особую ценность для войск представили вскрытые и дешефрированные по аэроснимкам огневая система трех обводов оборонительных укреплений, созданных немцами вокруг Берлина, и система опорных пунктов на Зееловских высотах, которые прикрывали подходы к городу.

Командующий фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков часто интересовался результатами разведки противника по аэроснимкам. Когда потребовалось выяснить действия противника в юго-восточной части города, исчер-

пывающий ответ был дан по разведывательной карте, созданной в результате дешифрирования аэроснимков последнего залета.

Для обеспечения организации и ведения уличных боев в городе военными топографами был изготовлен макет рельефа Берлина (размер 2х2,5 м). Он состоял из четырех частей, которые легко и прочно соединялись. Для перевозки макета были изготовлены специальные футляры. С разноцветными домами и зелеными парками, с учреждениями и промышленными объектами, улицами и площадями макет давал наглядное представление о немецкой столице. Создавали макет офицеры топографического отдела штаба фронта и отряда: инженер-подполковник Старосельский, подполковник Удовиченко, инженер-майор Волков, майоры Грошевой, Семенюк, Макаренко и др.

Когда макет представили Г.К. Жукову, он с большим интересом его осмотрел и дал высокую оценку работе военных топографов. Маршал приказал использовать макет во всех штабах армий и дивизий, участвовавших в штурме. Он был также использован офицерами оперативного управления штаба фронта.

9 мая 1945 года войска праздновали Победу! Радости не было границ — войне конец!

За успешное выполнение задач по топографическому обеспечению войск фронта Указом Президиума Верховного Совета СССР 36-й моторизованный топографический отряд был награжден орденом Красной Звезды, По поручению военного совета фронта эту высокую боевую награду я прикрепил к Боевому Знамени перед строем отряда. Это было в Карлхорсте — пригороде Берлина.

И.П. СТОТЫКА

Стотыка Иван Петрович (1922—2005). Окончил ЛВТУ (1941), геодезический факультет ВИА им. В.В. Куйбышева (1950).Топограф 9-го топографического отряда (1941—1944). Участник Парада Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 г., создания астрономо-геодезической сети 1-го класса на территории Китая (1954—1956). Военную службу завершил преподавателем геодезии, заместителем начальника кафедры высшей геодезии в ЛВВТКУ (1960—1970). Полковник.

ПО ТРУДНЫМ ДОРОГАМ БЕЗДОРОЖЬЯ

Более 60 лет прошло с того весеннего, солнечного дня, когда 12 марта 1940 года был подписан мир с Финляндией, а нам, курсантам Ленинградского военно-топографического училища (ЛВТУ), предстояло настойчиво выполнять ужесточенные требования вновь назначенного (в мае 1940 года) наркома обороны Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, сменившего на этом посту Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова.

В напряженной учебе завершился 1940 год. Наступил 1941-й! 29 марта в срочном порядке я в числе нескольких групп курсантов был откомандирован на западную границу, где в составе военно-проектных организаций мы участвовали в изыскательских работах по строительству укрепрайонов и аэродромов.

С началом войны наши курсанты с границы были отозваны, но не всем удалось вернуться в Ленинград (несколько человек вернулись позже в поселок Абабково). В течение

июля все выпускники сдавали досрочно госэкзамены и в каждую воздушную тревогу (10—15 раз в сутки) выполняли свои обязанности в боевых расчетах (борьба с “зажигалками”, химзащита и др.); кроме того, мы несли патрульную службу по городу.

29 июля 1941 года был оглашен приказ начальника Генерального штаба РККА о присвоении нам воинского звания “лейтенант”. До сих пор горжусь тем, что первое офицерское звание мне было присвоено генералом Г.К. Жуковым — одним из самых выдающихся полководцев, к концу войны прославленным маршалом.

Выпускники нашего училища разъезжались для работы в топографические и геодезические отряды. В числе десяти моих однокашников я был назначен топографом 2-го разряда в 9-й военно-топографический отряд (9 вто), который дислоцировался под Воронежем на станции Лиски.

9 вто был сформирован согласно мобилизационному плану в первые дни войны в подмосковном Ногинске. Поэтому командно-технический и рядовой состав в нем преимущественно были москвичи: старший инженер отряда — военинженер 3-го ранга Н.Т. Заварза прибыл из Главного управления геодезии и картографии, где занимал должность начальника планового отдела; топографами 1-го разряда были лейтенанты В.В. Кислов, И.А. Ковригин, Н.С. Болдырев — выпускники Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии; старшие техники-лейтенанты В.В. Амехин, А.И. Асатуров и др. — в прошлом опытные гражданские топографы. Начальники отделений — кадровые командиры капитаны К.А. Симонов, В.И. Переверткин, Хоменко — выпускники геодезического факультета Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева; стар-

шие лейтенанты А.Д. Кукушкин, Н.Г. Мотора, В.А. Сагайдак — выпускники ЛВТУ предыдущих лет.

И вот 3 августа 1941 года на станцию Лиски прибыли десять молодых лейтенантов из Ленинграда: В. Скоробогатько, П.А. Семенов, И.П. Стотыка, А.Г. Стрельников, И.В. Титов, Г.И. Товмач, И.И. Фролов, А.Ф. Черноусов, А.И. Цисарь, Н. Яскевич.

К нашей радости (и удивлению) группу на вокзале встретили командир отряда подполковник Г.В. Бехтерев и начальник штаба майор В.А. Костин, хорошо знакомые нам по родному училищу, как высокоавторитетные воспитатели. Они при встрече также не скрывали своего удовлетворения тем, что в отряд прибыло пополнение, хорошо им знакомое.

Время показало, что наши выпускники были неплохо подготовлены во всех отношениях и являлись в течение всей войны надежной опорой командования отряда при выполнении всех задач. Этому благоприятствовало также и то, что рядовой и сержантский состав отряда был отличный. Это были высоко дисциплинированные, переносившие все тяготы и лишения труженики: сержанты И. Картамышев, Н. Древетняк, М. Лещинский, Н. Эренбург. Старшина Татьяна Родионова, старший сержант Зоя Нечаева, сержанты Ольга Алексеева, Ксения Русских, Вера Сонова, Антонина Яскевич и другие на всех этапах помогали своим командирам в организации работ, будучи старшими команд и отдельных групп.

Наши войска отступали. В ноябре—декабре 9 вто, находящемуся в это время в подчинении штаба Юго-Западного фронта, была поставлена задача срочно (за 15 дней) провести съемку по узким полосам вдоль дорог между Воронежем и Сталинградом, по которым шло и предполагалось в дальнейшем интенсивное передвижение танко-

вых и механизированных войск на участках Балашов — Елань —Михайловка и Ртищево —Калининск — Рудня. Для выполнения задания на этих участках была выполнена “свежая” аэрофотосъемка в масштабе около 1:50 000, смонтированы фотосхемы на твердой основе по размерам съемочных планшетов, на которых велась полевая съемка и полевое вычерчивание.

Я с командой из пяти человек выполнял задание в районе деревень Озерки и Казачка с 14 ноября по 1 декабря. Работа потребовала огромного напряжения сил: днем — работа в полевых условиях, ночью - вычерчивание, сон — урывками. Морозы, метели и загранотряды НКВД сильно затрудняли работу в полевых условиях, а отсутствие электричества — ночное вычерчивание (приходилось использовать лампы “коптилки” и лучины). По мере готовности материалы сдавались в штаб отряда, а затем — в штабы войск. К установленному сроку наш отряд передал по адресам все материалы, которые после использования войсками получили высокую оценку. Командующий фронтом Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко объявил в приказе благодарность всему личному составу отряда. Вспоминаю фамилии солдат: Андрианов, Романов, Майоров, Чудаков, Ширнин, старшина Крючков. Все они были москвичами, 1912 года рождения.

В мае—июне 1944 года готовилась крупная наступательная операция “Багратион” по освобождению Белоруссии. 9 вто проводил съемку, рекогносцировку и обследование геодезических пунктов в полосах 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Мне довелось выполнить несколько заданий по съемке в масштабах 1:50 000 и 1:25 000 на “синьках” и фотопланах в полосе 11-й Гвардейской армии в районе Смоленск — Красный Бор —Ополье. Ввиду близости передовой (12—15 км)

на участках наших работ было много мин (в минных полях были проделаны лишь “проходы”) и приходилось продвигаться с большим напряжением и осторожностью. Там же — “любопытный” объект съемки. В поселке Красный Бор, около 15 км западнее Смоленска, наша команда обнаружила и засняла на план масштаба 1:25 000 фронтовое убежище Гитлера — мощное железобетонное сооружение в виде куба. Внутри убежища среди груды мусора стоял разбитый рояль. Вблизи — бетонная баня. Сержант Ксения Русских и ефрейтор Татьяна Соболева попытались спуститься вниз по лесенке и обследовать баню, но с большим трудом выбрались оттуда — внутри все было сломано и раскурочено. Снаружи были отчетливо видны следы от “прямой наводки” артиллеристов.

После прорыва нашими войсками обороны немцев линия фронта отодвинулась далеко на запад, и мы оказались в глубоком тылу. К ноябрю 1944 года отряд вернулся в Ногинск. Шесть человек были награждены правительственными наградами: инженер-майор Н.Т. Заварза майор К.А. Симонов, капитан Н.Г. Мотора — орденом Красной Звезды, старшие лейтенанты И.П. Стотыка, Г.И. Товмач, А.И. Цисарь — медалью “За боевые заслуги”.

После успешной сдачи вступительных экзаменов в декабре 1944 года я был зачислен слушателем астрономо-геодезического отделения командно-геодезического факультета Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева. Факультет возглавлял исключительно заботливый, чуткий, справедливый и корректный человек — генерал-майор технических войск Г.Ф. Гапочко. Среди преподавателей были крупные ученые, доктора технических наук генерал-майор Н.А. Урмаев и инженер-полковник А.В. Мазаев. Среди слу-

шателей — мои однокурсники по ЛВТУ капитан Г.П. Корешков, старшие лейтенанты В.К. Паршуков и С.С. Уралов.

К весне 1945 года теоретические занятия на 1-м курсе близились к завершению, 1 мая мы приняли участие в традиционном параде на Красной площади. В ночь с 8-го на 9-е мая в нашем общежитии никто не спал: все ждали чрезвычайного сообщения... И вот оно! Около 4 часов утра директор Всесоюзного радио Юрий Левитан на весь мир возвестил о Великой Победе нашего народа над фашизмом!

Наступило утро 9 мая. На сине-голубом небе ярко светило солнце, казалось, что и природа радовалась долгожданному Дню Победы!

Улицы и площади Москвы стали заполняться народом. Наземный транспорт вынужден был замедлить движение. Бесперебойно работало лишь метро. Особенно многолюдно было на Красной площади, где до поздней ночи не было места “яблоку упасть”. Гремели оркестры, люди целовались, плакали. На площади Свердлова была установлена киноаппаратура, и на огромном экране всю ночь демонстрировалась кинохроника военных лет. В скверах на открытых площадках выступали популярные артисты. Кругом пели и плясали, было очень много цветов!

Через несколько дней был получен приказ продолжать ежедневные строевые занятия, так как в назначенном на конец июня Параде Победы должны были участвовать и мы, слушатели академии. Эти занятия проводились по утрам на Котельнической набережной Москвы-реки. После учебных занятий были частые примерки в пошивочном ателье, где каждому участнику шили парадное обмундирование, подаренное потом на память.

Запомнились две ночные генеральные репетиции: первая — в аэропорту, где был установлен деревянный макет Мавзолея и вычерчены контуры Красной площади, и вторая — непосредственно на Красной площади. В дни этих генеральных репетиций Маршал Советского Союза Г.К. Жуков специально прилетал из Берлина, чтобы проверить качество подготовки участников парада.

22 июня в прессе сообщили, что Парад Победы состоится 24 июня 1945 года. И, наконец, наступил этот торжественный день!

С утра было пасмурно, моросил мелкий дождь. Парадный расчет нашей академии стоял на своем обычном месте — напротив Мавзолея В.И. Ленина, но чуть ближе к зданию ГУМа, так как посреди располагались парадные расчеты полков, прибывших с фронта.

В назначенное время на трибуну Мавзолея поднялось высшее руководство страны во главе с И.В. Сталиным. Командовал Парадом Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский на вороном коне. Принимал Парад Маршал Советского Союза Г.К. Жуков на белом коне. В 10 часов он под звуки мелодии М.И. Глинки “Славься” выехал из Спасских ворот, принял рапорт от К.К. Рокоссовского и начал объезд войск. Г.К. Жуков остановился и около строя нашей академии, который возглавлял Герой Советского Союза генерал-полковник Л.З. Котляр инженерных войск, поздоровался и поздравил нас с Победой над фашистской Германией. После объезда войск Г.К. Жуков произнес краткую речь с трибуны Мавзолея, которая закончилась громогласным “Ура!” и мощными орудийными залпами артиллерийского салюта, потрясшими влажный воздух.

После прохождения строем перед Мавзолеем В.И. Ленина мы по набережной Москва-реки направились в академию, на Покровский бульвар. К этому времени уже прояснилось, хотя было прохладно. Весь наш путь был усеян цветами. Участники Парада были построены во дворе академии. Моими соседями по шеренгам были: П.П. Бова, А.В. Волков, А.А. Великий, Г.Н. Вожик, К.Н. Волжанкин, В.М. Гранько, Г.П. Корешков, Н.Ф. Климовский, Ф.Г. Леляков, Н.М. Макаров, Н.В. Набоких, Е.П. Новосельцев, И.Е. Савин, В.П. Терлецкий, С.С. Уралов.

На построении объявляется благодарность Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза И.В. Сталина всем участникам Парада Победы, затем каждому перед строем был вручен подарок — посылка от союзников-американцев. В мою посылку были вложены вязальные спицы, перчатки, 0,5 кг сахара, жевательная резинка, пуговицы, нитки и напечатанная на машинке записка “Спасибо русскому солдату Ивану за победу!” (и женская подпись). Я думаю, что хотя посылка с такой запиской попала мне — Ивану и случайно, но не так уж и мало Иванов на Руси.

Много лет прошло с военной поры. С фронтовой подругой, сержантом Ксенией Русских, мы прожили долгую семейную жизнь, разделяя вместе 52 года все горести и радости. В 1996 году она ушла из жизни, оставив наше продолжение — двух сыновей, дочь, внука, четырех внучек, двоих правнуков и правнучку, которые поддерживают сейчас меня в жизни.

В заключение хочется подчеркнуть, что за Великую Победу в 1945 году советский народ заплатил огромную цену! Постепенно были залечены раны войны.

Созидая, мы никогда не должны забывать тяжелые годы войны, не придаваться благодушию, так как еще не все страны искренне стремятся к миру.

М.И. ПРЕСС

Пресс Марк Исаевич (1924—20??). Окончил краткосрочный курс Новоград-Волынского пехотного училища (1942), ЛВТУ (1946). Обучался на геодезическом факультете ВИА им. В.В. Куйбышева (1956—1959), заочно окончил МИИГАиК (1967). В годы войны красноармеец 573-го пехотного полка 195-й стрелковой дивизии Воронежского фронта. Военную службу завершил начальником топографического отдела Научно-исследовательского испытательного полигона войск ПВО страны (1972). Полковник.

“КОМУ-ТО СМЕРТЬ, КОМУ-ТО ЖИЗНЬ…”

(Стихи о войне)

Война, как молодость. Она
судьбою каждому дана.
И то, и это пережить
не всяким суждено.
Кому-то — смерть. Кому-то — жизнь.
Не важно, что там — коммунизм
или другой возможный “..изм”,
но суждено одно.
И ты прими сей дар Богов,
коль, все ж, остался жив-здоров
и не тревожишь докторов
в текущие года.
И постарайся так прожить,
чтоб не терять событий нить,
чтоб для потомков сохранить
свой имидж навсегда.

* * *

Я помню, как под Калачем
в ночи лютой, суровой
мы покидали эшелон
зимой сорок второго.

К рассвету б на постой успеть.
Под скрип рессор морозных,
построив всех в затылок, в степь
повел комбат наш грозный.

В том снежном марше я впервой
познал, как просто, спавши,
идти протоптанной тропой
за впереди шагавшим.

Идти, не падая, а вслед,
шагающий за мною, сам дремлет,
наступая в след,
оставленный тобою.

Так шли, соседу впереди
уткнувшись в спину каской.
И спал уставу вопреки,
наш батальон солдатский.

В шеренге ж первой, как ни круть,
в ней — сложности со снами.
И командир, чтоб им вздремнуть,
менял всех нас местами.

* * *

На уроках военного дела
в довоенных давнишних годах
мы с учебной винтовкой умело
отражали все козни врага.

И закинув портфели в крапиву,
что росла в старом школьном дворе,
как казалось нам, очень ретиво
шли на бой с той винтовкой в руке.

Мы уверены были, что краше
ничего нет на свете у нас,
чем любимая Родина наша
и винтовка, что держим сейчас.

Раз мы с ними прошли всю гражданку,
всех врагов изничтожили прыть,
уж любую атаку, хоть с танком,
мы сумеем теперь отвратить.

И не думали мы, не гадали,
что недели лишь только пройдут,
как погибшими многие станут
и в бессмертье навеки войдут.

Что они предоставят нам выжить,
хоть стояли мы рядом в строю,
что собою подарят нам жизни,

защищая Отчизну в бою.

* * *

Я смотрю
на юношей тех лица.
Сколь уж лет —
а нет, не потускнели.
Кубари,
пехотные петлицы.
Смерть в боях
уж в первые недели.

Внуки их —
чего с них ныне спросишь?
все спешат,
все пробегают взглядом.
Душу жгут
бесстрастные вопросы:
“И зачем им это было надо?”

Я вот сам,
как вспомню те же годы...
Трудно мы,
ох, очень трудно жили.
И при том,
не только что в пехоту,
к черту, в ад,
коль надо, уходили.

* * *

Иней густо парил,
каждый вдох превращая в мгновенья.
Горный воздух хрустел
под шагавшими вслед сапогами.
Наш отряд уходил
между скал и отрогов ущелья.
Ночь еще впереди.
Все еще предстоит меж снегами.

Каждый думал свое.
Каждый ведал, что может случиться,
Может — выстрел в упор,
иль лавина накроет всех разом.
Но един уговор —
что бы ни было, молча стремиться
сделать все для того,
чтоб сегодня ж накрыть эту базу.
И вся группа прошла.

Мы не любим “ура” и потери.
Молча в горы ушли —
молча вскоре вернулись обратно.
Только двух принесли,
хоть домой и ползли на коленях,
и все в тех же снегах
схоронили в могиле их братской...

Через множество лет,
когда мир уж забудет о войнах,
молодой человек,
собираясь в туристский поход,
развернет карты лист
и без всякой натуги, спокойно,
средь отрогов и скал
ориентир, ему нужный, найдет.

* * *

Мы растеряны были взаправду,
когда сбитые в ряд поезда,
как казалось, совсем безвозвратно
вывозили друзей в никуда.

Мы жалели, что друг не вернется,
коль забрал нажитое с собой.
Лишь прощальный гудок остается
нам на память о жизни о той.

Мы одних потеряли навечно,
а других — обрели на войне.
Ну, а кто-то из них быстротечно
растворился в чужой стороне.

Ни к кому не питал я обиды.
Жизнь есть жизнь. Да, к тому ж, и война,
Но как рад буду я, коль увижу
вдруг того, с кем прощался тогда.

И начнется: “А помнишь?.. А помнишь?..
Помнишь ту распроклятую ночь?..”
И спешит, словно скорая помощь,
наша память, чтоб сердцу помочь.

Москва, 16 октября 1941 года.

* * *

Вслед за янтарным отливом
солнце уходит на запад.
Рядышком с Куршским заливом
тянется вдаль горизонт.
Даже я сам не поверил,
что на плечах супостата
в сердце арийского зверя
вторгся Балтийский наш фронт.
Над Кёнигсбергом столб дыма.
Смяты в руины предместья.
Танки к Пиллау прорвались,
только лишь Замок стоит.
И безо всякой команды
стало нам ясно всем вместе –
нет, мы уже не в Дойчланде,
хоть и еще не в Руси.
Путь из Земланда — на Польшу.
Фронт вновь на Запад продвинут.
Да и что делать нам боле,
коль столь границ мы прошли.
А их анклав прибалтийский,
с карты Европы всей сгинув,
стал аванпостом России,
но не анклавом страны.

* * *

Когда товарищ мой
упал на льду промерзшем,

и в замерших устах
застыл предсмертный крик,
меня уже никак
не волновали версты,
которыми должны
сегодня мы пройти.

Он шел за мною вслед.
Он был во мне уверен,
что я не дам врагу
прицелиться в него.
Ну, как мне быть сейчас?
Ведь я его заверил,
что вместе мы войдем
в его родимый дом.

Бросок наш был силен,
высокий берег взят был.
Гремучее “ура пробило небосклон.
Но все это сейчас ведь
ничего не значит,
пока в ушах стоит
его предсмертный стон.

Парад Победы

На Параде известном я не был —
не дорос, видно, я до него...
Но что мы заложили в Победу,
то уж, точно, от нас не ушло.

Не забыть нам морозов московских
в декабре в их застылых снегах,
не уйти со степных перекрестков
на донских забубенных ветрах.

Почему-то всегда приходилось
мне в сраженьях сквозь зиму шагнуть.
Почему-то весна не пробилась
в мой войной предначертанный путь.

А Победа весной будет пахнуть,
миром добрым на землях цвести.
Как нам верилось в этот подарок,
что смогли мы стране поднести.

А что я не прошел по брусчатке?
Что ж! Не всем то смоглось, на беду.
Это позже до сопок Камчатки
я по землям российским пройду.

Я пройду по степям Украины,
по казахским такырам вспылюсь,
не взорвусь чуть на Балтике в минах,
и грузинским застольем взгоржусь.

Это позже придется протопать,
не жалея ни ног, ни сапог,
хоть не в марше сквозь Красную площадь,
но, все ж, в том, что не сделать не смог...

А Победа — вот та — отдалилась
демократией прожитых лет.
И сейчас, ой-е-ей, как сгодились
достиженья бы новых Побед!

Так не хочется думать о грязи,
Что спроворили горе — вожди,
раз сумели потом навязать нам,
что и в снах не увидишь своих.

Лишь когда б мы смогли разобраться
в прошлых деяньях шефов лихих,
вот тогда б я посмел по брусчатке
в новом марше Победы пройти.

М.К. КУДРЯВЦЕВ

Кудрявцев Марк Карпович (1901—1984). Окончил 31-е Смоленские пехотные командные курсы (1923), Военно-топографическую школу РККА с занесением фамилии на Доску почета (1929), геодезический факультет (1935) и адъюнктуру (1937) ВИА им. В.В. Куйбышева. Красноармеец отряда ВЧК (1919-1922), командир взвода, врид командира роты гранатометчиков 70-го стрелкового полка 24-й Самаро-Ульяновской Железной дивизии (1923—1925). Топограф, врид военкома 6-го военно-топографического отряда ЛенВО (1929-1931), военком (1937—1938), и.о. начальника и начальник 7-го (топографического) отдела ГШ РККА (1938—1939), врид начальника и начальник управления ВТС ГШ РККА (1939—1940), начальник ВТУ ГШ и ВТС РККА, СА (1940—1968). Генерал-лейтенант технических войск.

В КОНЦЕ ВОЙНЫ

1944—1945 годы историки справедливо относят к завершающему периоду Великой Отечественной войны.

Важнейшими в это время были операции по освобождению Правобережной Украины, а также Белорусская, Ясско-Кишиневская и др. В результате их успешного завершения Красная Армия пересекла границу СССР с Польшей и Румынией, подошла к Восточной Пруссии, очистила от противника северную часть Ленинградской области, южную часть Карело-Финской ССР и достигла советско-финляндской границы. 4 сентября 1944 года правительство Финляндии заявило о разрыве отношений с Германией.

Перенесение боевых действий за пределы территории СССР потребовало:

— от Военно-топографического управления Генерального штаба (ВТУ ГШ) — иметь достаточное количество необходимых нашим войскам топографических карт и каталогов координат геодезических пунктов на территорию зарубежных стран;

— от топографической службы фронтов и армий — иметь повышенную готовность к топографическому обеспечению боевых действий наших войск на зарубежной территории, особенно к своевременному и полному обеспечению войск топографическими картами, обеспечению геодезическими данными артиллерии, изготовлению и доведению до войск необходимых им специальных карт (разведывательных, рельефных, танковых, водных рубежей и др.).

Благодаря своевременному указанию начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза А.М. Василевского, топографические карты масштабов 1:100 000, 1:200 000 и 1:500 000 на территорию Польши, Германии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Албании, Болгарии, Австрии и Югославии были заблаговременно частично составлены и изданы. Завершение этих работ планировалось на вторую половину 1944 года.

На территорию стран, граничивших с СССР, часть изданных топографических карт находилась на фронтовых складах, остальные запасы на складах ВТУ. Качество этих карт в основном было удовлетворительным, а на Восточную Пруссию, на территорию которой исходным картографическим материалом была немецкая карта масштаба 1:25 000 последних лет съемки, хорошим.

Наши карты на территорию зарубежных стран были изданы в единой системе и разграфке, принятых для карт на территорию СССР, поэтому затруднений в войсках при поль-

зовании ими не возникало. Однако на ряд районов зарубежных стран, в том числе Германии (особенно на пригороды Берлина), где проводилось большое строительство, изданные нами карты не вполне соответствовали местности. Об этом необходимо было информировать начальников топографической службы фронтов, штабы и войска с тем, чтобы своевременно подготовиться к исправлению карт по аэрофотоснимкам на такие районы.

Густота геодезических пунктов на территорию зарубежных стран значилась, по данным зарубежных каталогов координат геодезических пунктов, высокой, но сохранность их на местности была не одинаковой. Например, в северной части Польши сохранность геодезических пунктов на местности составляла 29%, в южной части — 44%; считалось, что в Германии по реке Одер и западнее указанная сохранность составляла 80%, но фактически она оказалась гораздо меньшей.

При перевычислении координат геодезических пунктов зарубежных стран в Пулковскую систему, проводимых геодезическими вычислительными частями ВТС одновременно с составлением топографических карт, была выявлена несогласованность как между пунктами разных триангуляций, так и внутри их. В результате этого в ряде районов фактическая густота геодезических пунктов на территории зарубежных стран была более низкой, чем значилась в каталогах координат, и для артиллерии была недостаточной. Поэтому топографической службе фронтов при перенесении боевых действий на зарубежные территории предстояло досгущение геодезических сетей и определение дополнительных геодезических пунктов для артиллерии. Об этом также необходимо

было информировать штабы, артиллерию и топографические части.

При проведении наступательных операций по очищению от противника территории Советского Союза наши войска не всегда были полностью удовлетворены топографической картой масштаба 1:100 000 и часто требовали карт более крупного масштаба — 1:50 000 и даже 1:25 000. Например, во время Белорусской операции советские войска в основном обеспечивались картой масштаба 1:50 000, доводимой до командиров взводов. Запасы этой карты на фронтах составляли 17 тыс. экземпляров каждой номенклатуры, тогда как запасы карты масштаба 1:100 000 — около 5 тыс.

Обеспечение войск фронтов топографическими картами масштабов 1:50 000 и 1:25 000 при проведении ими операций по очищению советской территории от фашистских захватчиков могло осуществляться полностью потому, что такие карты на западное приграничное пространство (территории СССР) были изготовлены нами еще до войны и, хотя значительные их запасы были утрачены в первые месяцы войны, в 1943 году они были восполнены. На некоторых фронтах изготавливались карты даже в более крупных масштабах. Так, в апреле 1944 года, когда войска 2-го Украинского фронта, достигнув советско-румынской границы, начали подготовку к прорыву Тыргу-Фурмасского и Ясского румынских укрепленных районов, усиленных полевой обороной, начальник штаба фронта генерал М.В. Захаров приказал начальнику топографической службы фронта инженер-полковнику Л.И. Жукову в течение пяти суток изготовить по материалам воздушного фотографирования и разведывательным данным крупномасштабную карту на междуречье Серет и Прут с подробными сведениями о противнике, показать на ней как

можно подробно все оборонительные сооружения противника, до пулеметных позиций включительно, и определить их координаты.

Имевшаяся в войсках фронта на этот район топографическая карта масштаба 1:25 000 не вполне соответствовала местности и, кроме того, начальник штаба фронта требовал карту более крупного масштаба. Находившийся в составе 2-го Украинского фронта моторизованный топографический отряд (командир — подполковник И.Т. Тышкевич) изготовил с карты масштаба 1: 25 000 увеличенный вариант в масштабе 1:12 500 и, исправив и дополнив ее по аэрофотоснимкам, получил обновленную карту, соответствовавшую местности на момент съемки. На карту были также нанесены дешифрированные по аэрофотоснимкам оборонительные сооружения противника. В результате фронт получил разведывательную карту масштаба 1:12 500, которая была одобрена начальником штаба фронта и по его указанию размножена и выдана войскам.

Совсем другое дело было с выполнением требований некоторых фронтов об изготовлении и обеспечении их войск топографической картой масштаба 1:50 000 на ту территорию зарубежных стран, на которую не было карты масштаба 1:100 000. Главной задачей в отношении создания карт на территорию зарубежных стран ВТУ считало создание топографических карт масштабов 1:100 000—1:500 000, что было утверждено начальником Генерального штаба и заблаговременно выполнено. В отношении карты масштаба 1:50 000 было решено ограничиться ее созданием на территорию Польши и Германии до Берлина и на полосу 60—70 км западнее его, с доведением их до войск: на территорию Польши — в 1944 году, а на территорию Германии — в нача-

ле 1945 года, что и было выполнено своевременно. На Восточную Пруссию, кроме карт масштаба 1:50 000 и мельче, была изготовлена карта масштаба 1:25 000 (по немецкой карте того же масштаба), которая поступила в наши войска до подхода их к Восточной Пруссии. Со всем этим требовалось ознакомить начальников топографической службы фронтов. 5—7 апреля 1944 года ВТУ провело сборы начальников топографической службы фронтов, где были подведены и обсуждены итоги работы ВТС по топографическому обеспечению боевых действий войск в 1943 году и намечены задачи на завершающий период Великой Отечественной войны.

Начальники топографической службы фронтов были ознакомлены с тем, какие карты на территорию зарубежных стран изготовлены, какие находятся в работе и когда будут изданы, каково качество карт, состояние геодезических сетей, к выполнению каких работ необходимо подготовить подчиненные им топографические части, чтобы топографическое обеспечение боевых действий наших войск на территории зарубежных стран было полным.

Вместе с тем руководство ВТУ выяснило у каждого начальника, какие имелись трудности в топографической службе фронтов, какие из них могли и должны были быть разрешены на местах и, какая им требуется помощь.

Из намеченных на сборах рекомендаций были осуществлены:

составление и издание топографических карт в масштабе 1:100 000 и мельче на часть территории Болгарии, Албании, Югославии и Австрии — в 1944 году, издание карты в масштабе 1:50 000 на территорию Германии до Берлина — в 1944 году, на район от Берлина до реки Эльба — в январе 1945 года;

создание промежуточных складов карт в Киевском, Белорусском, а затем в Прикарпатском военных округах с размещением в них части запасов карт Генерального штаба для ускорения доставки карт фронтам. После организации этих складов Украинским фронтам стал доставлять карты склад Киевского военного округа, а позднее — склад Прикарпатского военного округа; Белорусским фронтам — склад Белорусского военного округа, Прибалтийским фронтам — Центральная база карт и склад карт Ленинграда. Излишние карты на пройденные войсками районы из фронтовых складов отправлялись в тыловые склады карт;

усиление топографических служб фронтов, в первую очередь Белорусских, Прибалтийских и 1-го Украинского, в результате полного доукомплектования топографических частей и придания им дополнительных средств, особенно картоиздательских, для ускорения изготовления специальных карт и исправления устаревших топографических карт на отдельные районы. В июле 1944 года топографические отделения штабов армий были преобразованы в отделы. К тому времени они имели картографические комплекты, состоявшие из трех специально оборудованных автомашин АКА-43 (вместо одной АКА-41). В подчинении топографа дивизии был чертежник, а из приборов имелся гектограф для размножения схем и другой графической документации, необходимой штабу дивизии;

составление во взаимодействии с Генеральным штабом военно-географических описаний ТВД и наиболее важных операционных направлений;

внесение изменений в организацию и размещение фронтовых складов карт — для ускорения доставки карт с них в соединения.

Фронтовые склады карт ко времени перенесения боевых действий на территорию зарубежных стран подразделялись на:

кладовую при топографическом отделе штаба фронта, которая перемещалась вместе с отделом и имела некоторый запас карт для обеспечения ими штаба фронта, штабов родов войск, штабов армий и некоторых передовых частей и соединений фронта. Запасы карт в кладовой лимитировались автотранспортом, которого по штатам складов карт было мало, а в топографических отделах штабов фронтов совсем не было;

головное или подвижное отделения склада карт, которые были размещены в железнодорожном вагоне или на автомашинах и перемещались со вторым эшелоном. Они пополняли запасы карт кладовой и топографических отделов штабов армий. В головном отделении и кладовой находилось до 30% запасов карт фронта, до 400 км в сторону противника на полосу фронта;

основное отделение склада карт, которое располагалось в железнодорожном вагоне или на грунте. Оно принимало карты, прибывавшие со складов ВТУ, пополняло запасы карт головного отделения и армейских складов карт, принимало от армейских складов оставшиеся неизрасходованными карты на пройденные районы, отправляло их в тыловые склады. При большом отставании основного отделения фронтового склада от головного пополнение последнего картами шло со складов ВТУ. В этом случае карты доставлялись самолетами, которые выделялись по указаниям Генерального штаба или направлялись с фронтов.

За время войны огромную работу выполнила Центральная база карт. Советское правительство высоко оценило деятельность ее коллектива, большинство которого в то время

составляли женщины, наградив базу орденом Красной Звезды.

В завершающий период войны начальники топографической службы фронтов и армий, командиры топографических частей, находившихся в составе фронтов, более умело, чем в первые годы войны, организовывали работу, расстановку людей с учетом приобретенной ими квалификации и обеспечивали выполнение заданий с хорошим качеством в установленные сроки.

Партийные организации, политический аппарат во всех частях ВТС проводили большую работу и стремились довести до сознания каждого офицера-топографа, сержанта и солдата, что перенесение боевых действий на территорию зарубежных стран приближает окончательный разгром гитлеровской Германии, но требует еще большего, чем прежде, напряжения сил при выполнении ими специальных заданий.

В ряде случаев на топографическую службу фронтов возлагались различные срочные задания. Так, в конце зимы 1944 года перед войсками 1-го Белорусского фронта простирались на огромном пространстве Пинские болота, которые им предстояло преодолеть. В конце февраля командующий фронтом генерал К.К. Рокоссовский поручил начальнику топографической службы фронта полковнику В.Я. Терещенко лично исследовать и определить к 15 марта разливы рек в полосе фронта и размер затопления Пинских болот. Часть окопов войск фронта располагалась в низменных местах, и необходимо было установить, будут они залиты водой или нет. Результаты выполнения этого задания были нанесены на топографическую карту масштаба 1:200 000 и представлены командующему фронтом. На карте были показаны условными обозначениями возможный подъем уровня воды во время

разлива рек и размер затопления Пинских болот цифровыми отметками.

Представленным материалом командующий фронтом был вполне удовлетворен. На совещании командующих родами войск, начальников управлений и отделов полевого управления фронта полковник В.Я. Терещенко доложил результаты выполненных им исследований. После совещания командующий фронтом дал указания о перенесении части окопов вглубь нашей обороны, о закреплении низководных мостов и т. д.

Топографическому отделу штаба 1-го Белорусского фронта было поручено размножить материалы, представленные полковником В.Я. Терещенко, и довести их до штабов полков включительно, что и было выполнено картографическим подразделением 36-го моторизованного топографического отряда, находившегося в составе фронта. Как показала весна 1944 года, данные исследований подтвердились, и меры, заблаговременно принятые командованием фронта, принесли большую пользу.

Виды работ по топографическому обеспечению войск Красной Армии в завершающий период войны почти не изменились, но объем работ, особенно по изготовлению специальных карт, значительно возрос, а качество карт повысилось.

Разведывательные карты изготавливались на всех фронтах в масштабах от 1:25 000 до 1:200 000, из которых карты масштаба 1:25 000 предназначались для штабов соединений и частей, а масштабов 1:100 000 и 1:200 000 — для штабов фронтов и армий. На некоторых фронтах разведывательные карты на отдельные направления изготавливались даже в масштабе 1:10 000. Тиражи разведывательных карт

устанавливались из расчета доведения их до командиров рот (батарей). Для изготовления разведывательных и других карт значительно увеличился объем печатания бланковых карт.

Увеличился и объем работ по изготовлению на фронтах рельефных карт. При подготовке Сандомирско-Силезской и других операций рельефные карты масштабов 1:50 000 и 1: 100000 изготавливались топографической службой армий и даже некоторыми топографами дивизий на полосы своих действий.

Танковые карты, которые считались танкистами основными со времени Орловской операции, изготавливались и в завершающий период войны на территорию зарубежных стран. Исправленные по аэрофотоснимкам и трофейным картографическим материалам, танковые карты содержали сведения о состоянии дорог, о проходимости местности вне дорог, о наиболее существенных естественных и искусственных препятствиях для движения танковых и моторизованных войск. Танковые карты доводились до каждого экипажа танка.

В больших, чем прежде, количествах издавались карты водных рубежей, которые требовались инженерным войскам для подготовки переправ и войскам, которые готовились переправляться через водные рубежи.

При ведении боевых действий на территории зарубежных стран значительно увеличился объем картопечатных работ, в том числе по изданию отдельных листов или групп листов топографических карт, расход которых во время преодоления укрепленных оборонительных рубежей противника оказывался значительно выше запланированного. Кроме того, многие номенклатурные листы топографических карт, изготовленных ранее, не вполне соответствовали местности. Они

исправлялись по аэрофотоснимкам или трофейным картографическим материалам, печатались заново и выдавались войскам вместо имевшихся у них устаревших карт. Требовалось также переиздавать много планов городов (особенно на территорию Германии), превращенных в укрепленные узлы сопротивления. Некоторые планы городов (населенных пунктов) исправлялись и переиздавались по нескольку раз. Общий тираж их, как это было на 1-м Белорусском фронте, доходил до 12 тыс. экземпляров.

Для выполнения картопечатных работ на фронтах помимо усиления топографической службы фронтов и армий картоиздательскими средствами по линии ВТУ большую роль играли инициатива и умелые действия начальников топографической службы. Так, на 1-м Белорусском фронте после обнаружения в занятом нашими войсками городе Бромберге уцелевшей литографии с тремя исправными офсетными печатными машинами, организовали в ней печатание карт, сделав ее дополнительной картопечатной базой.

Для нужд 1-го и 2-го Белорусских фронтов в этой литографии в феврале 1945 года было отпечатано 594 тыс. экземпляров карт, а до конца войны — около 2 млн. Так же умело использовал литографию Венского картографического института начальник топографической службы 3-го Украинского фронта полковник Ю.М. Орлецкий. По его заданиям там было отпечатано около 150 тыс. экземпляров разных карт.

Четко была организована взаимопомощь в получении отдельных листов топографических карт, если расход превышал плановые расчеты, или в связи с изменением направлений тому или иному соединению. Примерами такой взаимопомощи были передачи топографических карт 4-м Украинским фронтом 2-му Украинскому фронту в количестве

около 600 тыс. экземпляров разных масштабов во время Будапештской операции (ноябрь—декабрь 1944 г.), а также 1-м Белорусским фронтом 2-му Белорусскому фронту после форсирования 10-й армией реки Висла и изменения направления наступления.

Говоря о многообразной работе военных топографов на фронтах Великой Отечественной войны и в тыловых частях ВТС по обеспечению Вооруженных Сил различными топографическими и специальными картами, геодезическими данными, фотограмметрическими и различными графическими документами, нельзя не сказать о наших славных советских женщинах, неустанных труженицах, работавших в частях ВТС. В стационарных тыловых частях ВТС их было большинство. Выполняя работу картографов-составителей карт, чертежников-картографов, инженеров и техников-вычислителей, фотограмметристов, ретушеров, печатников карт, фотографов, литографов, счетчиков, сортировщиков карт, все они трудились с большим усердием и ясным пониманием того, что изготавливаемая ими продукция способствовала достижению победы над врагом, посягнувшим на нашу Родину.

Немало было женщин и во фронтовых частях ВТС. Они честно и добросовестно несли службу, проявляя смелость и отвагу. Многие из них были в командах топографов реечниками, мерщиками, трассировщиками, вычислителями, зачастую работавшими вместе с топографами вблизи от переднего края под артиллерийским и минометным огнем. Среди них были фотограмметристки 3-го топографического отряда (Ленинградский фронт): Е. Пятерникова, О. Никулина, Ю. Голубь, Л. Новоселова, А. Паженская, А. Анисимова, А. Викторова, Е. Михайловская, В. Ванина, Т. Маркова. Их ратный

труд был отмечен нагрудными знаками “Отличный разведчик” и медалями “За боевые заслуги”.

Следует упомянуть об офицерах, сержантах, солдатах и служащих подразделений материально-технического обеспечения фронтовых и тыловых частей (предприятий) ВТС, которые показали себя опытными организаторами, заботливыми и рачительными хозяйственниками. Среди них были Н.Н. Аксенов, А.Г. Боровский, А.А. Востров, В.Г. Емельянов, В.И. Мелин, М.К. Орлов, В.С. Сушилин, М.Л. Цехновичер, А.М. Щербовский (погиб на фронте в 1941 г.). Особенность их работы заключалась в том, что приборы, инструменты, специальное имущество и материалы, необходимые для частей и предприятий, ВТС не получала от органов снабжения тыла (такое снабжение не предусматривалось). Они заготавливались ВТУ централизованно и частично топографическими отделами штабов фронтов (военных округов) и непосредственно частями (предприятиями) ВТС на местах.

Например, при формировании в начале войны ряда новых топографических и геодезических отрядов с увеличенной численностью топографов и геодезистов требовалось значительное количество топогеодезических приборов и инструментов (кипрегелей, мензул, теодолитов, нивелиров и т. п.). Достаточного количества инструментов наша промышленность в то время еще не выпускала, и частично их приходилось разыскивать в различных организациях и даже у частных лиц: покупать, брать под обязательство возврата или реквизировать. Картографическим частям недоставало чертежных принадлежностей, ватмана, кальки, чертежных перьев.

Стационарным военно-картографическим фабрикам, которые отпечатали за годы войны свыше 900 млн экземпля-

ров карт, нужно было своевременно доставлять огромное количество картографической бумаги, специальное стекло для изготовления негативов, алюминиевые пластины для изготовления печатных форм, печатные краски, различные химикаты, офсетную резину.

Походные картоиздательские средства фронтов и армий нуждались в различных материалах, которых во фронтовых и армейских органах снабжения не было. Их надо было доставлять из центра или изыскивать на местах.

Топографическим отрядам, их подразделениям, изготавливавшим разведывательные, рельефные и другие специальные карты, требовалось большое количество фотопленки, фотобумаги, картографической бумаги, картона, фотохимикатов.

Все эти крайне необходимые материалы приобретали и своевременно доставляли по назначению подразделения материально-технического обеспечения. К тому же им приходилось создавать хотя бы минимально подходящие условия для работы людей (получать помещения, приспосабливать их для выполнения специальных заданий, ремонтировать, строить новые здания). Так что становится очевидным тот громадный объем работ, который выполняли подразделения материально-технического обеспечения, и будет справедливым сказать, что они в значительной мере содействовали успеху в выполнении многообразных видов топогеодезического обеспечения боевых действий войск.

Наступательные операции Красной Армии, проведенные в феврале — первой половине апреля 1945 года, сорвали планы гитлеровского командования и создали благоприятные условия для нанесения завершающего удара на Берлинском направлении. Здесь было сосредоточено около 1 млн немец-

ких солдат и офицеров, свыше 10 тыс. орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов. Вся местность между рекой Одер и Берлином была покрыта многочисленными оборонительными сооружениями. Населенные пункты и отдельные дома были подготовлены к долговременной обороне. Но, ни мощная оборона, ни сильная группировка войск противника не могли остановить наступательного порыва Красной Армии, наших доблестных воинов в их стремлении скорее разгромить ненавистного врага.

Для наступления на Берлинском направлении Ставка Верховного Главнокомандования сосредоточила 2,5 млн солдат и офицеров, более 42 тыс. орудий и минометов, свыше 6,2 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок (САУ), 8300 боевых самолетов, в том числе 800 самолетов дальнего действия. Было ясно, что для топогеодезического обеспечения такого количества войск в период подготовки Берлинской операции топографической службе фронтов требуется выполнить огромный объем работ.

При подготовке Берлинской операции топографическая служба 1-го Белорусского фронта и взаимодействующих с ним 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов располагала: геодезическим отрядом (75-м), двумя моторизованными топографическими отрядами (21-м и 36-м), поездом-литографией, тремя фронтовыми складами карт и освоенной в Бромберге местной литографией. Части ВТС были полностью укомплектованными.

Личный состав указанных топографических частей имел хорошую теоретическую подготовку и богатый опыт выполнения работ, а главное, — высокое политико-моральное состояние, огромное желание и готовность оказать наибольшую помощь войскам в окончательном разгроме вра-

га. И топографические службы 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов сделали все возможное.

Первым и основным видом работ топографической службы фронтов было обеспечение войск топографическими картами. Карты масштабов 1:100 000, 1:200 000 и мельче имелись на полосы действий всех фронтов и находились непосредственно в войсках, а их запасы для восполнения расхода карт — на фронтовых и армейских складах. На район Берлина и западнее (до реки Эльба) имелась топографическая карта масштаба 1:50 000, на Берлин и его окрестности — планы масштабов 1:25 000 и 1:10 000.

Расход карт был большим. Только в начале апреля 1945 года войскам трех фронтов в дополнение к имевшимся у них с фронтовых складов было выдано свыше 6 млн экземпляров карт разных масштабов. Запасы фронтовых складов были незамедлительно пополнены усилиями ВТУ. Недостающие отдельные номенклатурные листы топографических карт, расход которых доходил до 20 тыс. экземпляров и более, доставлялись самолетами или печатались поездом-литографией, Бромбергской литографией. Ими же печатались исправленные листы топографических карт, планы городов и другие документы. В изготовлении карт “увеличек”, бланковых карт участвовали и картографические подразделения 21-го и 36-го моторизованных топографических отрядов.

В каждой армии, участвовавшей в Берлинской операции, имелись топографические отделы, а в дивизиях — топографы дивизий.

Обеспечение картами войск, участвовавших в Берлинской операции, было бесперебойным и полным. Карты выдавались по потребности. Наряду с топографическими картами войска получили большое количество разведывательных, ар-

тиллерийских, танковых, рельефных карт, карт водных рубежей, а также списки (каталоги) координат множества объектов противника, определенных топографической службой фронтов.

Для изготовления разведывательных карт, определения координат объектов противника и исправления устаревших топографических карт и планов городов большое значение имела аэрофотосъемка, о которой Маршал Советского Союза Г.К. Жуков отзывался так: “Наша разведывательная авиация шесть раз производила съемку Берлина, всех подступов к нему и оборонительных полос. По результатам съемки, трофейным документам и опросам пленных составлялись подробные схемы, планы, карты, которыми снабжались все войска и командно-штабные инстанции до рот включительно…”.

Разведывательные карты (схемы) масштабов 1:50 000, 1:100 000 и 1:200 000 своевременно доводились до штабов и войск. Они позволяли изучать оборонительные рубежи и выявлять новые сооружения противника.

Так, на 1-м Белорусском фронте в результате дешифрирования аэрофотоснимков еще в марте 1945 года было установлено, что противник ведет работы по созданию полевых укреплений по левому берегу Одера; после фотографирования и дешифрирования аэрофотоснимков были выявлены территории строительства полевых оборонительных сооружений между Одером и Берлином. Только в течение первых 15 дней апреля было отдешифрировано около 6 тыс. аэрофотоснимков, а всего за период подготовки Берлинской операции частями ВТС было отдешифрировано около 15 тыс. аэрофотоснимков. Выявлявшиеся по ним изменения в системе обороны противника точно и наглядно показывались на

разведывательных картах. По аэрофотоснимкам масштаба 1:17 000 специального залета был исправлен и дополнен план Берлина масштаба 1:25 000, отпечатанный Бромбергской литографией.

Большая работа топографической службой фронтов была выполнена по изготовлению рельефных карт масштабов 1:50 000 и 1:100 000 на полосы своих действий. Кроме того, на 2-м Белорусском фронте было изготовлено 15 листов рельефной карты масштаба 1:50 000 на районы городов Штеттин, Эберсвальд, Нойддам.

На 1-м Украинском фронте топографическими отделами штабов армий и отдельными топографами дивизий и корпусов изготавливались на полосы их действий рельефные карты масштаба 1:50 000 и макеты местности масштаба 1:10 000 для проведения военной игры с командирами полков перед предстоящими сражениями.

На 1-м Белорусском фронте его топографической службой, кроме рельефной карты на всю полосу фронта, были изготовлены рельефные планы Берлина масштаба 1:15 000 для штаба фронта и трех армий, действовавших на главном направлении. Для обеспечения организации уличных боев в городе и руководства ими для командующего фронтом был изготовлен рельефный макет Берлина размером 2,5х2 м, состоявший для удобства перевозки из четырех частей, которые легко и прочно соединялись в одно целое.

Макет Берлина изготовили офицеры топографиического отдела штаба 1-го Белорусского фронта и 36 мто под руководством полковника Терещенко: инженер-подполковник Старосельский; подполковник Удовиченко; инженер-майор Волков; майоры Грошев, Семенюк, Макаренко.

Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову макет Берлина понравился, он высоко оценил работу военных топографов. Макет был показан командующим армиями, начальникам родов войск и управлений фронта. Вот как об этом много лет спустя рассказывал генерал В.М. Шатилов: “Отдернули штору, и мы увидели колоссальный по размерам план Берлина. Тщательно были изображены улицы, сооружения, укрепления, завалы, доты, даже разрушенные бомбежкой кварталы. Город как на ладони. На важнейших правительственных зданиях наклеены ярлычки с номерами. Стояли, не шелохнувшись: впервые пришлось видеть такое замечательное произведение картографического искусства. Указка маршала Жукова коснулась крупного четырехугольника на северо-восточной окраине обширного зеленого массива.

— Обратите внимание на объект сто пять, — сказал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, — Это и есть рейхстаг…”.

Макеты местности на участки прорыва на всю тактическую глубину обороны противника были изготовлены также в армиях и некоторых дивизиях. На макеты наносились оперативно-тактическая обстановка и задачи войск. Командующие армиями отрабатывали на них вопросы взаимодействия наступавших войск с командирами соединений, а командиры дивизий — с командирами полков.

На наблюдательном пункте 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта были изготовлены панорама местности и схема ориентиров.

Наряду с изготовлением специальных карт непрерывно проводилось геодезическое обеспечение артиллерии, осуществлявшееся в тесном взаимодействии с артиллерийской топографической службой. Только силами 36 мто, находив-

шегося в составе 1-го Белорусского фронта, и разведывательного артдивизиона была создана опорная геодезическая сеть протяженностью 130 км с определением координат геодезических пунктов. Списки координат геодезических пунктов и целей на стороне противника, показанных на разведывательных картах, были своевременно переданы артиллеристам.

В ходе наступления наших войск, подразделения топографической службы фронтов следовали вместе с передовыми частями, что способствовало ускорению геодезического обеспечения артиллерии при смене огневых позиций.

Таким образом, топографическое обеспечение войск в Берлинской операции было многообразным и полным. Личный состав топографической службы фронтов вложил в него все свое умение и опыт, приобретенные за годы войны, горя одним желанием быстрее решить общую задачу: добить фашистского зверя в его собственной берлоге!

За успешное топографическое обеспечение Берлинской операции были награждены:

36 мто орденом Красной Звезды;21 мто орденом Красного Знамени и ему было присвоено почетное наименование “Штеттинский”;75-й геодезический отряд, ранее награжденный орденом Красного Знамени (1944 г.), получил почетное наименование “Краковский”.

Большая группа офицеров, сержантов и солдат топографических подразделений, которые отличались во время Берлинской операции, была награждена орденами и медалями Советского Союза.

Умело и решительно действовали военные топографы 2-го, 3-го и 4-го Украинских, а также Прибалтийских фронтов при выполнении топографического обеспечения завершающих операций.

Военные топографы честно и добросовестно выполняли свой долг перед Родиной на всех фронтах.

Содержание

В.Н. Филатов
Предисловие..... 5
Б.Е. Бызов
В год тяжелых испытаний..... 8
П.Б. Петров
Фронтовые будни военного геодезиста..... 22
В.В. Глушков
На Карельском фронте..... 36
С.В. Трофимовский
Память сердца..... 48
М.Е. Синькевич
Картографическая фабрика на колесах..... 54
Д.И. Белонучкин
С чувством выполненного воинского долга..... 62
Л.В. Воронов
“Это было, было...”..... 74
И.И. Ипатов
Дети войны..... 93
В.А. Вишняков
В битве под Москвой..... 100
О.Г. Чистовский
На Ленинградском фронте..... 107
М.И. Лопатин
В обороне Ленинграда..... 130
Л.Л. Иванов
Два года на Волхове..... 140
Н.Н. Минеев
С 25-м топографическим отрядом..... 146
М.М. Саченко
В атаку военные топографы ходили редко..... 161
В.Н. Переверткин
Битва на Волге..... 168
В.И. Степин
От Москвы до Эльбы..... 176

А.Г. Зубенко
Война – это, прежде всего, великое терпение..... 188
В.А. Арестенков
“О друзьях-товарищах...”..... 201
С.П. Переверзев
В 48-м стрелковом корпусе..... 212
В.П. Литвиненко
Карта на фронте..... 220
Н.П. Закуваев
В Белорусской и Восточно-Прусской операциях..... 239
Н.Н. Дьячков
Незабываемые дни..... 246
А.И. Тюков
От Смоленщины до Восточной Пруссии..... 255
А.И. Федоров
Топографы при взятии Кёнигсберга..... 260
Б.К. Шустов
На переднем крае..... 266
В.Н. Сорокин
От Сталинграда до Берлина..... 274
Г.А. Селиванов
Война пришла в Берлин..... 279
В.И. Казаков
На пути в Берлин..... 287
В.Я. Терещенко
В штурме Берлина..... 296
И.П. Стотыка
По трудным дорогам и бездорожью..... 299
М.И. Пресс
“Кому-то смерть. Кому-то жизнь...” (Стихи о войне)..... 308
М.К. Кудрявцев
В конце войны..... 317

На безымянной высоте: Военные топографы о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Автор-составитель и ответственный редактор
В.В. Глушков

Технический редактор В.В. Андреев
Компьютерная верстка В.В. Андреев

Сдано в набор 10.04. 2015 г.
Подписано в печать 20.04. 2015 г.
Формат 60х90/16. Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 14,5 Тираж 1000 экз